

В. Ю. МУРЗИН

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СКИФОВ: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ СКИФСКОГО ЭТНОСА

**АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР,
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ**

В. Ю. МУРЗИН

**ПРОИСХОЖДЕНИЕ
СКИФОВ:
ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ
ФОРМИРОВАНИЯ
СКИФСКОГО
ЭТНОСА**

**КИЕВ
НАУКОВА ДУМКА
1990**

ББК 63.3(2)2
М 91

Ответственный редактор С. С. Бессонова

Утверждено к печати ученым советом Института археологии АН УССР

Редакция литературы по социальным проблемам зарубежных стран, археологии и документалистике

Редактор Т. Н. Телиженко

Мурзин В. Ю.

М 91 Происхождение скифов: Основные этапы формирования скифского этноса / АН УССР. Ин-т археологии; Отв. ред. С. С. Бессонова.— Киев : Наук. думка, 1990.— 88 с.— Библиогр. : с. 81—86. ISBN 5-12-001533-6 (в обл.): 1 р. 10 к., 3800 экз.

В монографии исследуется один из наиболее дискуссионных вопросов современного скифоведения — проблема происхождения скифов. В ней автор приходит к выводу, что основные особенности процесса этногенеза скифов обусловлены взаимодействием местных и пришлых этнических элементов. В этой связи предпринята попытка определить начальную и заключительную стадии процесса формирования скифского этноса во времени, выясняются основные этапы сложения скифов как конкретного исторического этноса. Вопросы рассматриваются на широком фоне ранней истории скифов, реконструкции важнейших звеньев которой посвящена значительная часть книги.

Для археологов, историков, этнографов, преподавателей и студентов вузов.

0504000000-433

ББК 63.3(2)2

М

 71-90

М221(04)-90

ISBN 5-12-001533-6

© В. Ю. Мурзин, 1990

ВВЕДЕНИЕ

Эпоха раннего железного века, которая на юге Восточной Европы приблизительно охватывает период с IX в. до н. э. по IV в. н. э., стала своеобразным рубежом в древней истории этого региона. Впервые на смену многим и многим населявшим Северное Причерноморье прежде народам, безвозвратно исчезнувшие имена которых заменяют ныне условные наименования археологических культур, на историческую арену выходят могущественные кочевые племена, самоназвания которых, отложившись в десятках письменных источников, дошли до наших дней. Это — киммерийцы, скифы, сарматы.

Стойкий интерес к истории этих народов зародился в отечественной науке еще в XVIII в. К скифской и тесно взаимосвязанным с ней киммерийской и сарматской проблемам обращались многие известные исследователи того времени, в том числе русский энциклопедист М. В. Ломоносов, историк В. Н. Татищев, поэт и ученый В. К. Тредиаковский. Общим для их работ, основанных на письменных источниках, было исследование скифской истории в рамках изучения древнейших славян и их генезиса. Не оставили себя ждать и первые археологические открытия: по распоряжению генерала А. Н. Мельгунова в 1763 г. неподалеку от современного Кировограда был раскопан курган, вошедший в науку под названием Мельгуновского, в котором обнаружено захоронение скифского «царя» VII в. до н. э. Раскопки стали начальным звеном в цепи блестящих откры-

тий погребальных памятников скифской знати, среди которых можно отметить исследования таких «царских» курганов, как Куль-Оба (1830 г.), Краснокутский (1860 г.), Чертомлык (1862—1863 гг.).

За прошедшие с того времени долгие и насыщенные напряженной работой многих поколений отечественных исследователей годы, постепенно сформировалась специальная отрасль историко-археологической науки — скифоведение, — изучающая процессы становления и развития культур скифского типа на территории Восточной Европы.

Среди очерченного круга проблем одной из наиболее весомых является проблема происхождения скифов и собственно скифской культуры, а также тесно взаимосвязанные с ней вопросы ранней истории Скифии, ее этнографии, общественного устройства.

Рискнул высказать свою точку зрения на некоторые из перечисленных вопросов и автор настоящей работы. Представляя ее на суд читателей, он хорошо понимает, что не все положения покажутся им бесспорными. Однако он надеется, что обсуждение его выводов принесет пользу для изучения скифской истории.

Пользуясь случаем, автор благодарит коллег, оказавших ему помощь в работе над монографией дружескими советами и рекомендациями, в частности рецензентов настоящей книги, а также коллектив Отдела археологии раннего железного века Института археологии АН УССР.

Практически каждый из исследователей, в той или иной степени соприкасавшийся с историей и археологией скифов, высказывал — хотя бы вскользь — свои соображения относительно этногенеза последних. И это вполне понятно, ибо, не определив своего отношения к этой проблеме, нельзя успешно заниматься изучением ни одного, пусть даже частного вопроса скифской археологии и истории.

Многообразие точек зрения, отличающихся не только деталями, но и подходом к поставленной проблеме, делает крайне сложным подробное их изложение.

В этой связи в настоящем разделе мы ограничимся рассмотрением современного состояния проблемы происхождения скифов и изложением основных, получивших наибольшее распространение точек зрения. Это тем более оправдано, поскольку вопросы, связанные с этногенезом скифов, подробно обсуждались на прошедшей сравнительно недавно на страницах журнала «Народы Азии и Африки» дискуссии, посвященной основным проблемам современного скифоведения*, а также рассматривались в ряде историографических обзоров [см., напр.: Нейхардт, С. 62—163; Мурзин, 1984].

Большинство точек зрения относительно происхождения скифов в осно-

ве своей примыкает к одной из двух традиционно противопоставляемых концепций.

Первая, в соответствии с данными Геродота, связывает появление скифских племен на территории европейской части СССР с продвижением последних из глубинных районов Азии. Археологическое проявление данного процесса сторонники этой теории видят во внезапном появлении в VII в. до н. э. на указанной территории элементов скифской культуры, не имеющих прототипов в местной предскифской культуре типа Черногоровки — Новочеркасского клада.

Активными сторонниками этой теории были В. А. Ильинская и А. И. Тереножкин. По мнению А. И. Тереножкина, позднейшая предскифская культура типа Черногоровки — Новочеркасского клада сопоставима с культурой исторических киммерийцев, сформировавшейся на основе срубной культуры позднего бронзового века, а население срубной культуры составило основу исторических киммерийцев [Тереножкин, 1976].

Вторая теория, получившая в литературе наименование «автохтонной», основывается на представлении о генетической связи скифов с носителями срубной культуры. При этом, по мнению М. И. Артамонова и Б. Н. Гракова, впервые сформулировавших основные положения этой теории [Артамонов, 1950; Граков, Мелюкова, 1954, с. 66], срубная культура непосредственно предшествовала скифской. Возникновение собственно скифской культуры к VII в. до н. э. обусловлено, по М. И. Артамонову, влиянием

* Дискуссионные проблемы отечественной скифологии // НАА.—1980.—№ 5.—С. 102—130; № 6.—С. 67—102. Далее при ссылке на соответствующие материалы дискуссии указываются название журнала, год издания, номер и соответствующая страница.

переднеазиатской цивилизации или, по Б. Н. Гракову, самостоятельным, местным развитием срубной культуры.

В связи с выделением культуры типа Черногоровки — Новочеркасского клада, которая датируется IX — началом VII в. до н. э. и хронологически разделяет срубную и скифскую культуры, А. М. Лесков несколько скорректировал «автохтонную» теорию. Киммерийцами, по его мнению, являются носители черногоровской культуры, а древнейшую скифскую культуру он усматривает в культуре, представленной памятниками новочеркасского типа. Однако их общей основой являлась срубная культура, на базе северопричерноморского варианта которой возникала культура типа Черногоровки, а приволжского и предкавказского — культура типа Новочеркасского клада бронзы. По сути, взгляды А. М. Лескова [1981] отличаются от взглядов основателей «автохтонной» теории лишь тем, что Б. Н. Граков и М. И. Артамонов непосредственно связывали срубную и скифскую культуры, а соответственно и их носителей, тогда как А. М. Лесков соединяет их с помощью дополнительного звена — памятников черногоровско-новочеркасского типа и населения, оставившего эти памятники.

Несмотря на кажущуюся несовместимость рассмотренных выше реконструкций этногенеза скифов, во взглядах их сторонников наблюдается определенное единство [см., напр.: Мурзин, 1984, С. 27—28]. Суть его заключается в том, что большинство археологов, независимо от того, какой концепции они придерживаются, все же считают, что формирование скифов произошло в результате взаимодействия как местных, так и пришлых, кочевых племен.

Так, А. И. Тереножкин никогда не отрицал роли местного (киммерийского) субстрата в формировании скифского этноса [Тереножкин, 1971, С. 23; 1976, С. 209], а Б. Н. Граков, в свою очередь, допускал участие определенного пришлого компонента («скифов-царских») в конечном фор-

мировании скифских племен. Вряд ли «есть сомнения в том, — писал он в этой связи, — что исторические скифы сложились из пришлых иранских племен и автохтонных их предшественников, может быть, иранских или фракийских по языку» [Граков, 1968, С. 103]. Близкую точку зрения отстаивал А. А. Иессен, который отмечал: «В моем представлении киммерийцы возглавляли первое крупное объединение племен..., а затем они, очевидно, около рубежа VIII и VII вв. до н. э., частично были вытеснены из Северного Причерноморья пришельцами с востока, после чего и сложилось у нас на юге скифское объединение. Вместе с тем несомненно, что не может быть и речи о полной смене всего населения в это время» [Иессен, 1954, С. 130].

В свете сказанного ранее разногласия между сторонниками двух концепций выглядят не столь уж непреодолимыми. В принципе, их можно свести к двум моментам:

1) к различной оценке удельного веса местных и пришлых компонентов в составе скифского этноса;

2) к различному определению территории, послужившей исходной точкой в движении мигрантов с востока. Так, Б. Н. Граков считал, что это движение происходило в рамках территории, занятой срубными племенами, и связывал миграцию «скифов-царских» со второй волной срубных племен Поволжья, перемещавшихся на запад [Граков, 1971, С. 26]. В свою очередь, А. И. Тереножкин писал, что истоки миграции собственно скифских племен необходимо искать в глубинных районах Азии, где, по его мнению, еще задолго до VII в. до н. э. происходило формирование ряда элементов скифской культуры — оружия, снаряжения коня, некоторых схем и образов звериного стиля [Тереножкин, 1976].

Совершенно очевидно, что признание гетерогенного характера скифского этноса отодвигает эти разногласия на второй план, открывая реальные возможности исследования путей его сложения, в том числе и разрешения спорных вопросов. Вместе с тем, ана-

лизируя скифоведческую литературу, нам придется отметить, что зачастую происходит обратное. Конструктивное понимание проблемы происхождения скифов как определенного исторически сложившегося этноса проявляется главным образом при изучении конкретного материала. Обращаясь к исторической интерпретации последнего, ряд специалистов направляют основные усилия на то, чтобы увязать полученные данные с той или иной из поддерживаемых ими концепций происхождения скифов, прибегая иногда к чисто логическим схемам и допущениям.

Достаточно рельефно суть такого подхода проявилась в монографии Д. С. Раевского, посвященной реконструкции скифской религиозно-мифологической системы [Раевский, 1977]. Обращаясь к содержащимся в труде Геродота данным о происхождении скифов (предание о приходе скифов из-за Аракса, сведения о существовании некой «древнейшей Скифии» и др.), Д. С. Раевский приходит к выводу, «что население Скифии сложилось из двух основных компонентов — «собственно скифского», пришедшего из-за Аракса (скифы-царские и, возможно, некоторые из подчиненных им племен) и «доскифского», обитавшего здесь ранее». «Толкование скифского этноса как сложившегося из двух основных компонентов, — отмечает Д. С. Раевский далее, — хорошо согласуется с выявленным выше существованием в Скифии двух мифологических традиций о сакральном испытании и о сложении сословно-кастовой структуры и двух терминологических систем для обозначения элементов этой структуры. Одна из традиций должна быть, следовательно, признана принадлежащей передвинувшимся с востока скифам царским, а другая — ранее обитавшим здесь скифским племенам, герр. киммерийцам» [Раевский, 1977, С. 136—137].

Развивая этот перспективный вывод, Д. С. Раевский стремится прежде всего согласовать его «с той трактовкой археологического аспекта проблемы происхождения скифов, кото-

рая была в свое время обоснована Б. Н. Граковым. Продвижение в Северное Причерноморье «собственно скифов», нашедшее отражение в рассказе Геродота, он (Б. Н. Граков. — В. М.) трактовал как проникновение сюда из Поволжья новой волны племен — потомков носителей срубной культуры, первые группы которых переселились на эту территорию значительно раньше» [Раевский, 1977, С. 139—140]. Учитывая, что в настоящее время восточная граница распространения срубной культуры прослеживается довольно далеко от Поволжья, Д. С. Раевский предлагает несколько модернизировать в свете современного состояния науки гипотезу Б. Н. Гракова, поставив вопрос «о допустимости некоторой модификации гипотезы Б. Н. Гракова о кочевых скифах как о второй волне потомков носителей срубной культуры, продвинувшейся в Северное Причерноморье: может быть, в них следует видеть переселенцев не непосредственно из Поволжья, а этнически и культурно близкие к ним группы, ранее проникавшие в западные области Средней Азии, в частности в Арало-Каспийское междуречье, и уже оттуда двинувшиеся на территорию Европейской Скифии» [Раевский, 1977, С. 144]. Цель этой операции очевидна. «Такое толкование позволило бы сохранить практически всю аргументацию Б. Н. Гракова в защиту понимания миграции скифов из Азии как одной из волн переселения потомков срубных племен и в то же время пролило бы свет на этнокультурную близость скифов и саков. К тому же это толкование лучше согласуется с данными Геродота о движении скифов в Европу под давлением массагетов или исседонов» [Раевский, 1977, С. 144, 145].

Совершенно очевидно, что после такой «модификации» концепция Б. Н. Гракова теряет первоначальное содержание*. В свете изложенного несколько поспешным представляется вывод

* В этой связи И. В. Куклина [1985, С. 36] справедливо отмечала, что Д. С. Раевский, выступая с критикой позиции А. И. Тереножкина и поддержкой гипотезы Б. Н. Гракова,

Д. С. Раевского, что в отличие от концепции А. И. Тереножкина, которая «вступает в противоречие с целым рядом исторических фактов и явлений», гипотеза Б. Н. Гракова о происхождении скифов представляется «наиболее логичной» [Раевский, 1977, С. 142].

Еще более отчетливо позиция Д. С. Раевского проявилась в связи с открытием кургана Аржан в Туве. В этом погребальном памятнике, датированном временем существования в Северном Причерноморье древностей типа Черногоровки — Новочеркасского клада, были обнаружены вполне развитые образцы материальной культуры скифского типа, а также изделия, выполненные по канонам скифского звериного стиля [Грязнов, 1980]. Эти находки вполне укладывались в схему А. И. Тереножкина, согласно которой сложение собственно скифской культуры происходило в глубинных районах Азии несколько ранее VII в. до н. э. Ввод в научный оборот материалов этого уникального памятника потребовал от сторонников незыблемости «автохтонной» теории новых усилий по ее «модификации». В результате возникла теория так называемого «полицентризма», в основе которой лежит идея, высказанная одним из исследователей Аржана М. П. Грязновым, о независимом и самостоятельном развитии, имеющем местные корни, целого круга культур скифского типа на территории Евразии. В скифской археологии она была активно поддержана И. В. Яценко и Д. С. Раевским. При таком подходе, по их мнению, «в значительной мере теряет свою остроту вопрос, который широко обсуждается в последние годы, о хронологическом соотношении памятников раннескифского времени из восточных и западных областей степного пояса, в первую очередь о дате тувинского кургана Аржан. Если даже признать, что по времени он предшествует памятникам скифской культуры

не совсем точно изложил взгляды последнего, в результате чего его собственная позиция в этом вопросе оказалась ближе к отвергнутой им концепции А. И. Тереножкина.

Причерноморья (что, однако, нельзя считать окончательно доказанным), не представляется возможным видеть в нем источник формирования этой культуры» [Яценко, Раевский, 1980, С. 112].

Признавая поэтому в своей недавно опубликованной монографии, что полностью отрицать возможность отражения в рассказе Геродота о приходе скифов в Причерноморье с востока каких-то реальных передвижений этнических групп нет оснований [Раевский, 1985, С. 52], Д. С. Раевский, вместе с тем, отмечает: «...археологически тезис о формировании скифской культуры в глубинах Азии и принесении ее оттуда в готовом виде аргументирован А. И. Тереножкиным, на мой взгляд, явно недостаточно. Противоречит он и историческим, и лингвистическим данным...» [Раевский, 1985, С. 91]. Касаясь, в частности, проблемы сложения скифского звериного стиля, Д. С. Раевский считает, что в его окончательном оформлении основную роль сыграло «заимствование необходимого арсенала образов из репертуара тех ближневосточных культур, в соприкосновение с которыми именно в этот момент своей истории вступили скифы» [Раевский, 1985, С. 92]. Феномен Аржана при этом можно не учитывать, ибо если сравнительно «недавно коренным считался вопрос, памятники какой части степного пояса — европейской или азиатской — должны считаться наиболее ранними хронологически и соответственно трактоваться как характеризующие начальную стадию истории единого звериного стиля и пути его распространения, то отказ от «монцентрической» гипотезы допускает независимое с первых шагов развитие этого искусства на разных территориях... Первый же импульс в разных частях мог быть различным; разными были культурно-исторические корни и механизм формирования звериного стиля в Причерноморье, Южной Сибири, Средней Азии, степях Казахстана» [Раевский, 1985, С. 184].

Надо полагать — и со мной согласятся многие, — такая трактовка проблемы происхождения скифского зоо-

морфного искусства едва ли заменит конкретное выяснение генезиса основных образов скифского звериного стиля*, в составе которого, так же, как и в составе скифской материальной культуры, прослеживаются различные по происхождению компоненты.

Цитируемые выше соображения являются довольно характерным примером того, как борьба различных концепций относительно происхождения скифов превращается в малорезультативный и формальный спор, участники которого стремятся прежде всего «вписать» имеющиеся в нашем распоряжении пока еще не очень многочисленные факты в систему поддерживаемых ими концепций, причем даже в том случае, если эти факты по сути противоречат их точке зрения. В этой связи отметим также, что несколько преждевременны и утверждения о наибольшем соответствии лишь одной — а именно «автохтонной» — концепции происхождения скифов данным лингвистики, антропологии и других смежных со скифологией отраслей науки и полном расхождении с ними другой точки зрения на этногенез скифов [Яценко, Раевский, 1980, С. 107—110; Раевский, 1985, С. 91]. Остановимся на этом подробнее.

В этой связи прежде всего упомянем исследование этногенеза и ранней истории скифов, предпринятое И. В. Куклиной на материале античных письменных источников [Куклина, 1985]. Основные выводы автора монографии, в которой детализируются и более подробно аргументируются положения, опубликованные ранее в отдельной статье [Куклина, 1981], сводятся в кратком изложении к следующему. Исходя из анализируемого материала, И. В. Куклина приходит к заключению, что «археологическая дата распространения скифской культуры в Северном Причерноморье отражает время их (скифов.— В. М.) действительного там появления» [Куклина, 1985, С. 188]. Данные античных

писателей, прежде всего Аристеев и Геродота, позволяют очертить исходную в движении скифов на запад территорию в междуречье Амударьи и Сырдарьи [Куклина, 1985, С. 188—189]. Однако предложенная И. В. Куклиной идентификация Рипейских гор античных источников с «восточной оконечностью горных систем Средней Азии, в частности с Тянь-Шанем», позволяет ей отодвинуть искомую прародину скифов еще далее к востоку. «Тогда исконная территория обитания скифских племен,— отмечает И. В. Куклина,— может быть очерчена на юге Сибири, в той ее части, где открыт поразительный памятник скифской культуры VIII в. до н. э.— курган Аржан и где реально могли происходить контакты ариев с северными соседями, жителями лесной полосы, от которых и произошло заимствование индоиранскими племенами полярного мифологического цикла» [1985, С. 190] **.

Рассматривая пути продвижения скифских племен с территории восточной прародины в степи Предкавказья и Северного Причерноморья, И. В. Куклина приходит к выводу, что они пролегали через Алтай, Тянь-Шань, междуречье Амударьи и Сырдарьи и далее через Иранское нагорье и Переднюю Азию: «...племена киммерийцев и скифов (царских) прошли... через территорию среднеазиатского Междуречья, переправились через р. Аракс (Амударью), затем через Иран и Закавказье прошли в Малую Азию... В 585 г. до н. э. скифы вторглись через Кавказ и Северное Причерноморье, снова перейдя р. Аракс (на этот раз армянский), и заняли Предкавказье и земли у Меотиды. С этого времени и начинается господство скифов в Северном Причерноморье и распространение там культуры, которая по праву может быть названа там скифской» [Куклина, 1985, С. 113].

Последнее утверждение И. В. Куклиной, на наш взгляд, небесспорно.

* Подробнее о насущной необходимости решения этой задачи см. статью В. А. Ильинской [1976] о современном состоянии изучения скифского звериного стиля.

** Подробнее о «полярных явлениях» в мифологии индоиранцев см.: [Бонград-Левин, Грантовский, 1983].

Ему противоречит не только сообщение Геродота, согласно которому степи Восточной Европы к моменту падения господства скифов в Передней Азии были для них «своей» страной [Геродот, IV, 1], но и археологические источники, свидетельствующие о наибольшей концентрации скифских памятников, одновременных пребыванию скифов в Передней Азии, в степных районах Северного Кавказа. Именно здесь — к северу от Главного Кавказского хребта — следует, по-видимому, локализовать упоминаемую в запросах Асархаддона к оракулу «страну Ишкуза» [Виноградов, 1964, С. 24—30; Мурзин, Черненко, 1985, С. 229—230]. Следует отметить, что древнейшие памятники скифской культуры на территории Предкавказья и Северного Причерноморья относятся не к началу VI в. до н. э., как это представляется И. В. Куклиной, а ко времени не позднее первой половины VII в. до н. э. В этот период начинается проникновение скифов в Закавказье и Переднюю Азию через перевалы Центрального Кавказа и Дербентский проход, что хорошо документировано археологическими и письменными источниками [Крупнов, 1954; Виноградов, 1964; Погребова, 1984, С. 41, 197]. Иными словами, налицо все признаки того, что продвижение скифов в Переднюю Азию происходило по так называемому «западному» пути, освоению которого, как убедительно показал на обширном материале И. В. Пьянков [1979, С. 196], действительно предшествовало утверждение кочевников в степях Поволжья и Северного Кавказа. Это было возможно лишь при движении последних на запад вдоль северного побережья Каспийского моря.

Что касается локализации в восточных районах Евразии прародины не только скифов, но и киммерийцев, то это положение основывается на выводе И. В. Куклиной, что данные античных письменных источников не дают основания считать киммерийцев обитателями Северного Причерноморья в доскифский период. По ее мнению, киммерийцы — «также скиф-

ское племя и передовой отряд продвижения скифо-сакских племен с Иранского нагорья в Переднюю и Малую Азию, где они вместе со скифами находились более столетия, а потом были вытеснены в Северное Причерноморье в начале VI в. до н. э.» [Куклина, 1985, С. 192].

Данная точка зрения во многом соотносится с предположением И. М. Дьяконова, согласно которому термин «киммерийцы», исходя из иранских языковых параллелей, «вообще не являлся этнонимом, а означал «подвижный конный отряд ираноязычного кочевого населения евразийских степей» [Дьяконов, 1981, С. 98]. Кроме того, он считает, что Геродотовы «скифы» и «киммерийцы» были отрядами двух хотя и близких по языку и культуре, но разных конкретных скифо-сармато-сакских племен. При этом если первый термин отражал действительно племенное название, то подлинное «...название племени, к которому принадлежал первый подвижный отряд — «киммерийцы» Геродота, — вероятно, так и останется неизвестным» [Дьяконов, 1981, С. 100]. В результате, как остроумно заметила А. А. Нейхардт, киммерийцы, постепенно преобразовавшиеся на страницах исторических изданий из полуполюгендарного народа в историческую реальность и породившие огромную полемическую литературу, вновь превратились в легенду. «Вряд ли можно, — справедливо отмечает она в этой связи, — считать киммерийскую проблему решенной окончательно таким образом» [Нейхардт, 1982, С. 78]. Не снимает гипотеза И. М. Дьяконова и крайне важной для скифологии проблемы смены древнейшей скифской культурой существовавшей в европейских степях до этого культуры типа Черноголовки — Новочеркасского клада независимо от того, будем ли мы считать носителей последней историческими киммерийцами, как на этом настаивал А. И. Тереножкин [1976], или будем вынуждены искать для них иное этническое определение, как предлагает И. В. Куклина [1981, С. 173].

На первый взгляд представлениям

о приходе скифов в степные районы европейской части СССР в начале VII в. до н. э. противоречат и некоторые лингвистические изыскания. Один из наиболее авторитетных советских специалистов в области иранского языковедения В. И. Абаев, выступая в ходе дискуссии по основным проблемам скифоведения, прямо отмечал, что тезис об автохтонности ираноязычного скифского элемента в Северном Причерноморье полностью подтверждается данными лингвистики из положений, изложенных им в ряде специальных работ. Так, в получившей широкую известность монографии, посвященной скифо-европейским языковым заимствованиям, В. И. Абаев по этому поводу пишет следующее: «В течение долгого времени я разделял широко распространенное мнение, что прародину иранцев следует искать в Средней Азии, а появление ираноязычного элемента на юге России нужно связывать с известным рассказом Геродота о вторжении скифов из Азии и относить к VII в. до н. э. Эта концепция теперь сильно пошатнулась. Некоторые скифо-европейские, в частности скифо-латинские изоглоссы, могли возникнуть... не позднее второй половины II тыс. до н. э. Эта дата и представляется, стало быть, *terminus ante quem* для пребывания северо-иранских племен в Юго-Восточной Европе» [Абаев, 1965, С. 122]. Продолжая эту мысль, он, далее, отмечает, что гипотеза о восточно-европейском происхождении иранцев находит все больше подтверждений [1965, С. 123]. Поэтому необходимо говорить не о приходе скифов, отколовшихся от остальных иранцев, из Азии, а, напротив, о том, что остальные иранские племена продвинулись из Юго-Восточной Европы далее на восток. Скифы же были тем иранским народом, который удержался на своей родине, локализуемой на юге России.

Однако при рассмотрении указанных положений нельзя не отметить, что, высказываясь в пользу исконности скифов на юге Восточной Европы, В. И. Абаев понимал под термином «скифы» не конкретный исторический

народ, в выяснении этногенеза которого и заключается, по мнению скифологов, проблема происхождения скифов, а группу северо-иранских племен, которые (разъяснял В. И. Абаев) «мы условно называем скифами и которые в то время составляли уже самостоятельную ветвь иранского этноязыкового мира» [1965, С. 129]*. Что касается конкретно упоминаемого Геродотом предания о приходе скифов из Азии, то, по его мнению, в нем отражено одно из передвижений кочевых североиранских племен, происходивших и позже и означавших не коренную смену населения, а перегруппировку родственных иранских племен на издавна занятой ими обширной территории [Абаев, 1965, С. 122].

Сходная точка зрения характеризует и позицию Э. А. Грантовского. Формулируя ее в связи с проходившей дискуссией по узловым проблемам отечественной скифологии, он писал: «По Э. А. Грантовскому, восточно-иранские племена к VIII—VII вв. до н. э. занимали те обширные территории, где они известны к началу исторической эпохи; ранее, в период их общих связей, они обитали в поволжско-уральских степях, возможно, также в соседних районах Европы на западе и на прилегающих территориях на востоке... Согласно выводам В. И. Абаева и Э. А. Грантовского, в Юго-Восточной Европе ираноязычное население обитало и до возвращения скифов; в основном в тех же районах Европы или также в примыкающих к ним на востоке областях предки иранцев жили в общеиранский и арийский периоды, там же произошел распад арийского единства» [НАА.—1980.— № 6.— С. 71]. Вместе с тем Э. А. Грантовский не отрицает в формировании собственно скифов роли пришлого ираноязычного населения, ассимилировавшего родственные местные племена Юго-Восточной Европы. Определяя исходную территорию скифского передвижения на запад, он ука-

* О неоднозначном толковании термина «скифы» см. подробнее статью И. В. Яценко и Д. С. Раевского [1980, С. 103—104].

зывает, что данные лингвистики не позволяют искать родину скифов в Центральной Азии, на западе Восточного Туркестана и в соседних районах Казахстана и Средней Азии. Данные античной традиции, по его мнению, также свидетельствуют, что скифы пришли с территории между Волгой и Аралом, а не с территории, расположенной восточнее [там же. — С. 71—72].

Тезис о локализации в Восточной Европе прародины индоиранцев служит исходной посылкой и для гипотезы О. Н. Трубачева, кратко изложенной им в ходе упоминавшейся дискуссии и более подробно обоснованной в ряде статей [НАА.— 1980.— № 5.— С. 117—118; Трубачев, 1979; 1981; и др.]. В самом кратком изложении суть гипотезы заключается в том, что после разделения на этой территории индоиранского массива на индоарийскую и иранскую языковые ветви часть индоариев продолжала обитать на юге Восточной Европы и была впоследствии ассимилирована ираноязычными скифами. Несмотря на ассимиляцию, индоарийский языковой пласт, фиксируемый О. Н. Трубачевым на материале северопричерноморской ономастики, топонимики и т. д., заметно проступает, по мнению автора гипотезы, на общем иранском фоне, свидетельствуя о неоднородности населения Скифии.

Против этой гипотезы выступили Э. А. Грантовский и Д. С. Раевский [1984]. Признавая возможность пребывания индоариев на территории Северного Причерноморья, они отмечают отсутствие реальных доказательств тому для скифского времени.

Однако наряду с точкой зрения В. И. Абаева и Э. А. Грантовского, локализирующих территорию первоначального расселения ираноязычных племен в пределах Юго-Восточной Европы, существуют и другие мнения, о чем совершенно справедливо напомнила Е. Е. Кузьмина [НАА.— 1980.— № 6.— С. 78]. Так, продолжает существовать гипотеза, согласно которой прародину иранцев следует искать в восточных районах Евразии. В этой

связи упомянем, в частности, позицию Б. Г. Гафурова, который локализовал общую родину иранских племен в пределах большей части Средней Азии и степных районов к северу и северо-западу от нее [Гафуров, 1971, С. 13]. Совершенно иначе трактуют вопрос о территории первоначального расселения индоиранцев Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов. Анализируя огромный фактический материал, главным образом лингвистический, они пришли к выводу, что территорию индоевропейской прародины следует искать в пределах Восточной Анатолии, Южного Кавказа и Северной Месопотамии. На восточной окраине общеиндоевропейской прародины — в северной части Иранского нагорья — помещаются ими носители индоиранского диалекта, достаточно рано выделившегося из праиндоевропейского языка. Отсюда через Афганистан первые волны арийцев прошли в северо-западную Индию. Примерно в это же время, в конце IV — начале III тыс. до н. э., определенная часть носителей арийского диалекта могла проникнуть через Кавказ в расположенные к северу от него степи. Следы этого проникновения фиксируются в гидро- и топонимике данного района (подробнее об индоарийской этимологии ряда зафиксированных здесь географических названий см. в упомянутых работах О. Н. Трубачева). Позднее в западные районы Евразии через Среднюю Азию и северное побережье Каспийского моря проникают носители ряда «древнеевропейских» диалектов — кельто-италийских, иллирийских, германских, балтийских, славянских. Постепенно они оседают в Северном Причерноморье и степной части Поволжья, ставших своеобразной «вторичной прародиной» носителей «древнеевропейских» диалектов. Их предполагаемый ареал расселения, а также арийцев и, возможно, других индоевропейских племен, совпадает с распространением памятников древнеямной культуры. Через Среднюю Азию происходит и расселение части носителей иранских диалектов, выделившихся из индоиранской языковой общности к концу

III тыс. до н. э. Один из основных маршрутов их дальнейшего расселения пролегал через прикаспийские степи в направлении Поволжья и Северного Причерноморья, где могли происходить контакты раннеиранских и «древнеевропейских» диалектов, что нашло отражение в выделенных В. И. Абаевым так называемых «скифо-европейских изоглоссах». Одну из поздних волн перемещения иранцев по этому пути представляли собой скифские племена [Гамкрелидзе, Иванов, 1981; 1984, С. 914—957].

Обратимся теперь к работам антропологов. Сразу же отметим, что проблема этногенеза скифов освещена в них достаточно слабо. Среди немногих публикаций на эту тему следует назвать, например, статью Г. Ф. Дебеца [1971], в которой он, в частности, отмечал, что краниологические материалы из скифских могильников Северного Причерноморья практически не отличаются по характеристикам от аналогичных материалов срубного времени. Однако из этого еще не следует, что скифы — потомки людей срубной культуры. Вместе с тем представляется маловероятным, по мнению автора статьи, что значительная масса скифов пришла в Причерноморье с востока. В этом случае можно было бы предполагать в антропологическом облике скифов наличие некоторой примеси монголоидного элемента. Кроме того, в Средней Азии не выявлено черепов, сходных со скифскими: «Саки Приаралья и Тянь-Шаня явно смешаны с монголоидами. На Памире в сакское время жили «чистые европеоиды, но их черепа отличаются от скифских настолько, насколько вообще могут отличаться две краниологические серии, характеризующиеся комплексом признаков европеоидной расы и долихокранным типом мозговой коробки» [1971, С. 9].

Участвуя в дискуссии по основным проблемам современной скифологии, советский антрополог и историк В. П. Алексеев также отметил несомненное сходство причерноморских скифов по своим антропологическим признакам с местным населением эпохи

бронзы. Однако очевидно и значительное биологическое сходство скифов со многими одновременными им популяциями Средней Азии, Казахстана и Южной Сибири [НАА.—1980.—№ 6.—С. 81—82]. Что касается тезиса Г. Ф. Дебеца о вероятности наличия монголоидных признаков во внешнем облике скифов в случае их прихода в Северное Причерноморье с востока, то он, по мнению В. П. Алексеева, в настоящее время не может быть поддержан, поскольку население Минусинской котловины в эпоху бронзы, как выясняется, целиком относилось к европеоидной расе, присутствовал европеоидный элемент и в Монголии*. Учитывая сказанное выше, заключил В. П. Алексеев, «переселение части населения на запад совсем не обязательно должно было привести к появлению монголоидной примеси у причерноморских скифов. В то же время морфологическое сходство между ними и многими синхронными среднеазиатскими и южносибирскими популяциями, о котором говорилось выше, вряд ли могло бы сформироваться без брачных контактов, охватывавших последовательно всю степную часть Евразии. Таким образом, центральноазиатская гипотеза (происхождения скифов.— В. М.) не в противопоставлении ее с автохтонной, а в совмещении с нею имеет право на существование» [НАА.—1980.—№ 6.—С. 82].

На формирование представления о значительной антропологической близости скифов с местным доскифским населением Северного Причерноморья во многом повлияли выводы, содержащиеся в монографии Т. С. Кондукторовой [1972]. Одной из главных задач этой работы являлось, по Т. С. Кондукторовой [С. 21], установление связи скифов и предшествующего населения Украины. Результаты сопо-

* Э. А. Новгородова в этой связи еще раз привлекала внимание скифологов [НАА.—1980.—№ 5.—С. 129] к тому обстоятельству, что даже западные районы Монголии, как показал полученный в ходе недавних археологических исследований антропологический материал, были заселены европеоидным населением еще с эпохи бронзы [см. также: Новгородова, 1981, С. 214].

ставления соответствующих антропологических материалов, по мнению автора, «не оставляют сомнения в том, что скифы Украины антропологически ближе всего стоят к своим предшественникам — населению срубной культуры Украины... Все вышеизложенное, конечно, не опровергает гипотезу о переселении каких-то малочисленных групп из Средней Азии на Украину. Однако в основном скифы Украины представляют собой потомков их предшественников в причерноморских степях или очень близких к ним племен срубной культуры Нижнего Поволжья» [Кондукторова, 1972, С. 21—22].

Обратившись к материалам, которыми оперировала Т. С. Кондукторова, мы выясним, что для характеристики северопричерноморских скифов ею привлекалась, наряду с краниологическими остатками из собственно скифских памятников Нижнего Приднепровья, и краниологическая коллекция памятников скифского времени Среднего Поднепровья [С. 23—27], что не могло не повлиять на ее окончательные выводы. Сказалось на них и то, что анализируемый ею материал происходит в основном из памятников IV в. до н. э., которые отделены от вероятного продвижения скифских племен с востока более чем трехсотлетним промежутком времени, т. е. таким хронологическим периодом, которого вполне достаточно для постепенного угасания восточного импульса в результате смешения пришлого населения с автохтонным*.

* Само по себе преобладание местных, субстратных в характерном для определенного этноса физическом типе не может служить надежным доказательством автохтонности данного этноса. Приведем в этой связи лишь один, но достаточно показательный пример. Антропологическое обследование современного населения Анатолии выявило значительное сходство антропологических черт последнего с физическим обликом древнего населения Малой Азии. Это обстоятельство привело даже к формированию концепции происхождения турецкого народа. Однако турецкие ученые, которые поддерживали эту позицию, игнорировали роль тюркских племен в этногенезе турок, выразившуюся в тюркизации местного населения в отношении языка и в меньшей степени — культуры [Еремеев, 1971,

Н. Л. Членова, картографировавшая важнейшие памятники срубной культуры, открытые к настоящему времени, констатировала, что в доскифское время в Северном Причерноморье обитало необычайно многочисленное население, растворившее в силу этого пришедшие с востока племена и в этом смысле являвшееся физическими предками скифов [Членова, 1984, С. 264]. Это соображение, бесспорно, очень интересно. Оно еще раз свидетельствует, что для правильного понимания процесса этногенеза скифов необходимо не столько изучение скифских антропологических материалов в целом, сколько их тщательная проработка по различным — хронологическим**, территориальным и социальным — группам. К сожалению, такая работа пока не проводилась. Однако уже первые результаты исследования, осуществляемого в этом направлении в Секторе антропологии Института археологии АН УССР, показали, как сообщила С. И. Круц, что об антропологической однородности населения северопричерноморских степей в скифское время говорить не приходится.

Таким образом, суммируя сказанное, мы легко заметим, что настаивать на каком-то полном соответствии одной из существующих в скифологии концепций происхождения скифов — «автохтонной» или связывающей их появление в Восточной Европе с приходом из глубинных районов Азии — всему многообразию данных лингвистики, антропологии и письменных источников едва ли целесообразно. Впол-

С. 21—36]. Обобщая подобные случаи, Ю. В. Бромлей отметил, «что одним из типичных последствий взаимодействия переселенцев-завоевателей с аборигенами было своеобразное сочетание в новой этнической общности языка суперстрата с преобладанием физического типа субстрата. Учет этого обстоятельства в ряде случаев позволяет преодолеть наследие миграционистских представлений, не впадая в то же время в крайности автохтонизма» [1983, С. 283].

** Особенно важно изучение антропологических материалов раннескифских памятников и сравнение его с материалами из погребений позднейшей предскифской культуры черноморско-новочеркасского типа.

не очевидно, что и в ближайшее время вряд ли будет достигнута четкая корреляция выводов археологов-скифологов с наблюдениями специалистов, работающих в смежных областях науки. Хотя определенное единство в подходе к решению интересующей нас проблемы наблюдается, как мы стремились показать, практически в любой гипотезе, призванной объяснить проблему происхождения скифов как определенного исторического народа, присутствует представление о последнем как о гетерогенном этносе, сформировавшемся в результате взаимодействия родственных по языку местных и пришлых кочевых племен, генетические истоки которых следует искать среди различных групп населения культур срубного (местная линия) и андроновского (восточный компонент) круга, носители которых, судя по всему, были ираноязычны [Акишев, 1973, С. 43—48; Смирнов, Кузьмина, 1977, С. 51—53; Кузьмина, 1981; Членова, 1984; и др.]

В принципе, такой подход находит подтверждение и в данных этнографии. Перемещение этноса на новую территорию, заканчивающееся завоеванием пришельцами местного населения, в этническом плане может быть сведено к следующему: завоеватели полностью ассимилируют побежденных; победители почти бесследно растворяются в аборигенах; происходит синтез этнического суперстрата и субстрата [Алексеев, Бромлей, 1968, С. 35—36]. В истории наиболее многочисленны примеры третьего варианта. Это тем более справедливо, что при детальном рассмотрении многие явления, которые на первый взгляд можно

отнести к первым двум вариантам, в действительности оказываются синтезом двух этносов [Алексеев, Бромлей, 1968, С. 36—38; Генинг, 1970, С. 101—103; Бромлей, 1983, С. 280—283].

Признание скифского этноса гетерогенным в качестве исходной посылки при решении проблемы происхождения скифов открывает целый ряд конкретных возможностей в конструктивном исследовании скифского этногенеза. К их числу относится выявление истоков различных по происхождению компонентов скифского этноса, история формирования которых, вероятно, также была достаточно сложной; изучение путей формирования скифской материальной культуры и скифского звериного стиля как сложных явлений, отражающих в какой-то степени особенности сложения скифского этноса; изучение скифского погребального обряда с точки зрения выделения этнических признаков, которые можно было бы связать с различными по происхождению группами скифского населения.

Настоящая работа также посвящена одному аспекту проблемы происхождения скифов. На основании археологических и письменных источников исследуются отзвуки этно-объединительных процессов, проходивших в скифском обществе. Эти процессы рассмотрены на фоне основных событий политической истории скифов, поскольку именно они привели к объединению в рамках одного политического образования различных по происхождению кочевых племен и стабилизации этого образования в определенных территориальных пределах, обеспечив тем самым зарождение этнических отношений и их развитие.

Глава II О ВРЕМЕНИ ФОРМИРОВАНИЯ СКИФСКОГО ЭТНОСА

Когда мы говорим об этногенезе такого определенного исторического народа, каким были скифы, мы, естественно, понимаем, что этнические процессы, приведшие к его формированию, начались задолго до того, как имя скифов появилось в письменных источниках, а продолжались они и после того, как скифы сошли с исторической арены, поскольку отдельные группы скифских племен участвовали в сложении других, более поздних народов, т. е. развитие длилось на протяжении многих веков, являясь лишь небольшой составляющей непрерывного и всеобъемлющего процесса зарождения, становления и последующего преобразования этнических общностей.

Однако в этническом развитии конкретных народов существуют особые, переломные моменты, удачно названные в одной из работ этнографов «перерывами постепенности», среди которых наиболее важны начальный момент этногенеза определенного народа и его конечный момент, с которого этнос может считаться практически сложившимся [Крюков, Сафронов, Чебоксаров, 1978, С. 5—6].

Иными словами, прежде чем приступить к рассмотрению событий непосредственно, с нашей точки зрения, повлиявших на процесс формирования скифов как определенного этноса, мы должны определить интересующий нас отрезок времени, отделяющий на хронологической шкале указанные выше «перерывы постепенности» в этническом развитии скифов.

1. У истоков этноса

Если скифский этнос являлся новообразованием*, сложившимся в результате взаимодействия местных и пришлых этнических компонентов, то начальной точкой этногенеза скифов следует считать время встречи этих компонентов, т. е. VII в. до н. э. Такой вывод вполне соответствует наблюдениям этнографов. Так, известный советский исследователь Ю. В. Бромлей отмечал: «В условиях раннеклассовых отношений переселения часто сопровождалось интенсивными этногенетическими процессами. При этом такие процессы, как правило, одновременно имели объединительный характер. Более того, начальной точкой формирования новой этнической общности в результате переселений обычно выступал не столько сам момент миграции этнической общности или отделения переселяющейся этнической группы от «материнского этноса», сколько тот период, когда между переселенцами и автохтонными этническими единицами начиналось взаимодействие, в ходе которого у них появлялись общие характерные черты» [1983, С. 280—281].

В этой связи, на наш взгляд, следует затронуть чисто терминологический момент, вносящий значительную путаницу в археологическую литературу.

Дело в том, что, понимая всю сложность этногенетических процессов,

* Основные выводы, содержащиеся в этом разделе, опубликованы ранее в ряде работ, написанных автором совместно с В. И. Ключко [Ключко, Мурзин, 1987; 1987а; 1987б].

приведших к сложению скифов как вполне определенного исторического народа, упоминаемого многочисленными письменными памятниками начиная с VII в. до н. э., многие исследователи продолжают в поисках их предков употреблять и для более раннего времени термин «скифы», хотя никакими данными о процессе сложения скифов в результате взаимодействия местных и пришлых этнических элементов в этот период мы не располагаем. Поскольку и материальная культура, которая, по удачному выражению Б. Н. Гракова, «по праву времени и места не может быть названа иначе, чем скифской» [Граков, 1971, С. 25], известна нам лишь с VII в. до н. э., для обозначения культуры этих более ранних, созданных творчеством самих исследователей «скифов» приходится прибегать к таким громоздким конструкциям, как «культура скифов в ее доскифском облике», «культура самых первых скифских насельников» и т. д. Эта терминологическая трудность, пожалуй, наиболее заметно проявляется в следующем: «У них (скифов во время пребывания в Передней Азии.— В. М.) возникла новая культура, ее они и принесли с собой на свою старую родину. Эта культура называется скифской, но в ней мало что можно отыскать от первоначальной культуры их родины, продолжавшей существовать и развиваться у части скифов, оставшихся на месте и не принимавших участия в бурной истории своих соплеменников в Азии» [Артамонов, 1975, С. 108].

Во избежание подобных трудностей следует, с нашей точки зрения, применять наименование «скифы» лишь в отношении определенного исторического народа, складывающегося на территории степных районов Северного Кавказа и Северного Причерноморья с VII в. до н. э. и обладавшего вполне определенной и хорошо известной каждому археологу «скифской культурой», фиксируемой на указанной территории также не ранее VII в. до н. э. Выделяя слагаемые скифского этноса и скифской культуры в более ранних хронологических пластах, мы

будем употреблять термины «протоскифы» и «протоскифская культура».

Если использовать эти термины, то скифская культура, по нашему мнению, представляет собой сплав трех различных по происхождению компонентов: позднейшей предскифской культуры черноговровско-новочеркасского типа; протоскифской, привнесенной на территорию Восточной Европы из глубинных районов Азии в VII в. до н. э.; отдельных включений переднеазиатской культуры. Данное сочетание обусловлено тем, что процесс сложения скифов в результате слияния местных киммерийских и пришлых протоскифских племен начался в условиях переднеазиатских походов, несомненно сыгравших роль своеобразного катализатора.

Из-за отсутствия другого рода источников определить удельный вес каждой из участвовавших в этом процессе этнических составных можно лишь археологическим путем. Иными словами, выяснение, пусть даже очень приблизительное, путей формирования скифского этноса отчасти заключается в определении удельного веса каждой из названных нами выше трех составных частей скифской культуры.

Задача эта довольно сложная. Она требует тщательной проработки отдельных элементов материальной культуры, погребального обряда, а также образцов скифского звериного стиля. Потому делать окончательные выводы преждевременно. Однако некоторые наблюдения возможны уже сейчас.

Наиболее четко выделяются внутри скифской культуры элементы, берущие начало в культуре Передней Азии. Это, прежде всего, различные виды защитного вооружения — наборный панцирный доспех, средства защиты боевого коня и др., широкое распространение которых у скифов было обусловлено влиянием переднеазиатского военного искусства [Черненко, 1968, С. 155; Мурзин, Черненко, 1980, С. 162—163]. Влиянием переднеазиатских культурных традиций объясняется и появление в скифском зооморфном искусстве многих образов и иконографических схем — горного козла с по-

вернутой назад головой, грифона, геральдически противопоставленных кошачьих хищников и др. [Ильинская, 1976], а также появление в арсенале скифских мастеров некоторых художественных приемов, применение которых привело к постепенному развитию скифских стел в направлении объемных статуй [Шульц, 1967, С. 237; Шульц, Навротский, 1973, С. 194].

Гораздо сложнее обстоит дело с выделением местных и привнесенных с востока элементов скифской культуры, что объясняется, по-видимому, определенной близостью культуры кочевников-киммерийцев и культуры номадов, появившихся в европейских степях в VII в. до н. э.

Сейчас уже не вызывает сомнений, что основой для формирования скифского керамического комплекса послужила керамика автохтонного населения позднейшей предскифской поры. Этот вывод подтвержден в специальном исследовании Н. А. Гаврилюк [1981]. Более или менее ясны местные корни таких элементов скифского погребального обряда, как катакомбы и гробницы в виде ямы с облицованными деревом стенками [Мурзин, 1982, С. 61—62].

В свою очередь, достаточно твердо закрепилось в археологической литературе представление о восточном, центральноазиатском происхождении характерных для раннескифской культуры каменных блюд [Петренко, 1967, С. 36] и бронзовых зеркал с ручкой на обратной стороне «евразийского типа» [Смирнов, 1964, С. 155].

Вместе с тем следует признать, что вопрос о происхождении большинства элементов раннескифской материальной культуры и образов зооморфного искусства по-прежнему дискуссионен. Причем речь идет о наиболее характерных вещах — оружии, деталях конского снаряжения и наиболее распространенных образах скифского звериного стиля, т. е. именно тех слагаемых раннескифской культуры, благодаря которым она, в основном, и выделяется как особое явление на фоне предшествующего развития степных районов Восточной Европы.

Оставив в стороне проблему происхождения скифского звериного стиля, которая представляет собой тему специального исследования, обратимся к конкретным категориям материальной культуры, появление которых в памятниках южных районов европейской части СССР знаменует здесь начало скифского периода. Наряду с упоминавшимися бронзовыми зеркалами это прежде всего бронзовые двухлопастные удлинённо- и асимметрично-ромбические наконечники стрел («енджинского» и «жаботинского» типов); скифские мечи, древнейшими формами которых являлись мечи с бабочко- (типа Келермесса) и почковидными (типа Лермонтовского разъезда) перекрестиями; трехдырчатые псалии «жаботинского» типа; стремячковидные удила; напершия; антропоморфные изваяния.

Для выяснения генезиса этой группы вещей необходимо прежде всего сравнить эти элементы с категориями материальной культуры, бытовавшими на территории Северного Причерноморья в предшествующий период (рис. 1—7).

Как известно, в позднейшее предскифское время в данном районе существовали памятники двух типов — новочеркасского и черногооровского. Для новочеркасского культурного комплекса были характерны [Терножкин, 1976, С. 201—202] бронзовые трехпетельчатые псалии с изогнутой нижней лопастью, бронзовые двухкольчатые удила, бронзовые двухлопастные наконечники стрел с удлинённой втулкой и небольшим пером ромбо- или трапециевидной формы, цельножелезные мечи с перекрестиями в виде двух опущенных вниз вершинами треугольников. Характерные для новочеркасских памятников стелы отличаются от скифских слабой антропоморфностью.

Черногооровский комплекс [там же, С. 199—200] включает бронзовые и костяные трехдырчатые псалии с несенными по краям боковыми отверстиями; бронзовые стремячковидные удила, весьма напоминающие скифские и отличающиеся от последних за-

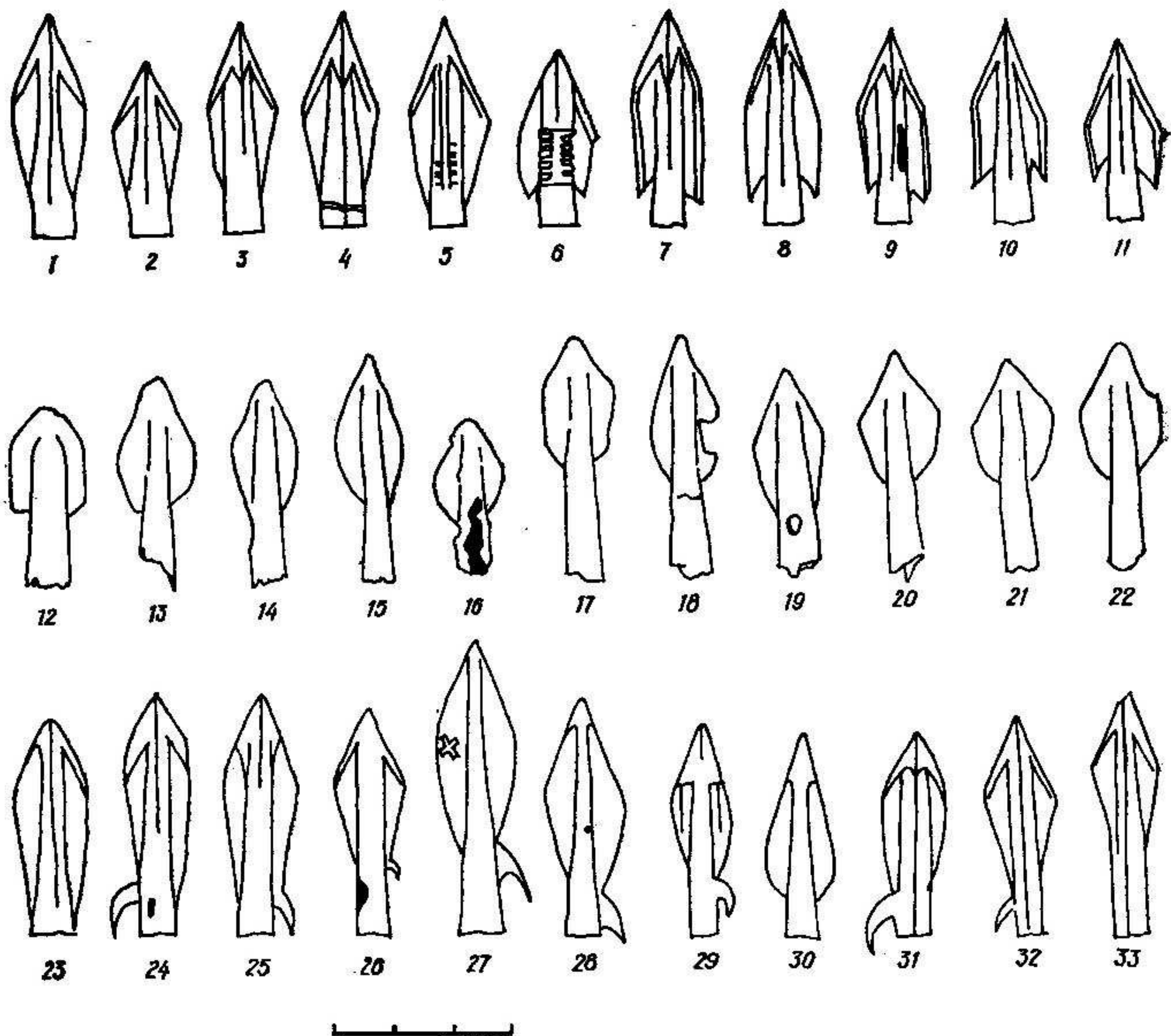

Рис. 1. Бронзовые наконечники стрел черногородовского, новочеркасского и раннескифского типов:

1—11 — курган Высокая Могила; 12—19 — курган у хут. Некрасовский; 20—22 — Зольный курган; 23—26 — окрестности г. Изюма; 27—28 — дюны Тарнаира; 29—30 — Хайкоберд; 31—33 — курган № 524 у с. Жаботия.

частую лишь отсутствием выступов по краям петли; морфологически сходные со скифскими бронзовые двухлопастные наконечники стрел с головкой ромбо-, киле- или трапециевидной формы. Мечи и кинжалы биметаллические, с навершием грибовидной формы и прямым перекрестием. Каменные изваяния практически лишены какой-либо антропоморфности, фигура человека передается обычно в виде круглого или овального в сечении столба, на котором изображены различные воинские аксессуары.

Нетрудно заметить, что такие элементы черногородовского комплекса, как

наконечники стрел, удила и псаляги близки, по формам аналогичным категориям скифской материальной культуры и могли бы послужить основой для формирования последних. Но прежде чем делать какие-либо выводы, обратимся к хронологии черногородовских и новочеркасских памятников.

Используя материалы исследований в Прикубанье протомеотских могильников у с. Николаевского и хут. Кубанского, содержащих соответственно вещи черногородовских и новочеркасских типов, А. И. Тереножкин выделил два последовательных этапа позднейшей предскифской культуры — черногородовский (эпохи перехода от бронзы к железу) и сменяющий его новочеркасский (периода окончательной победы железа). Их абсолютный возраст был определен в рамках 900—750 и 750—650 гг. до н. э. В целом, позднейшая предскифская куль-

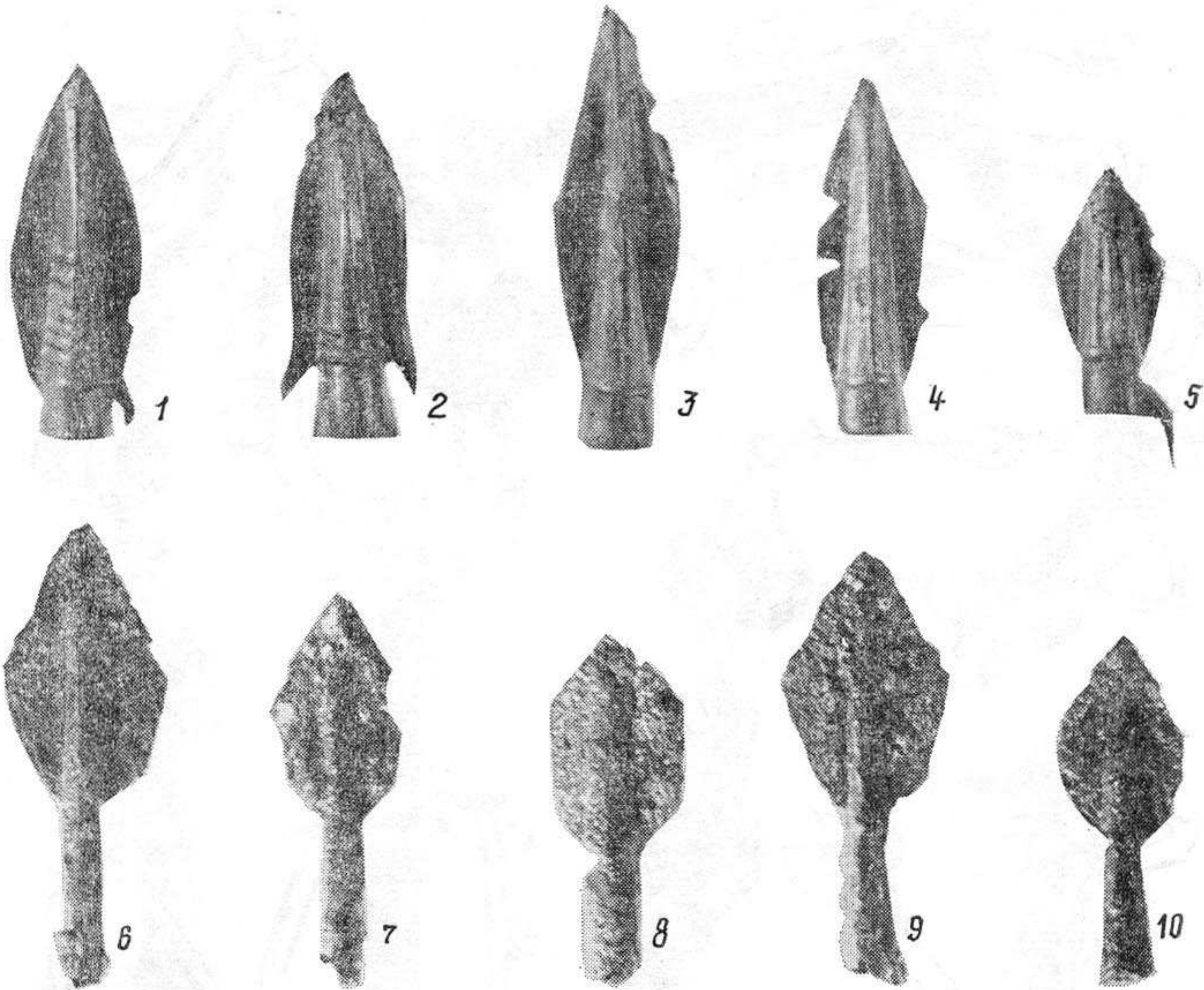

Рис. 2. Предскифские наконечники стрел из курганов Малая Цимбалка и Зольного:
1—5 — Малая Цимбалка; 6—10 — Зольный курган.

тура являлась, по мнению А. И. Тереножкина, культурой исторических киммерийцев и продолжала местную линию развития предшествующей ей срубной культуры, осложненную на черногоровском этапе довольно сильным восточным влиянием (наконечники стрел, карасукские кинжалы, удила, псалии, антропоморфные стелы) в результате проникновения в южные районы Восточной Европы какой-то группы населения из Сибири, Казахстана или Центральной Азии [Тереножкин, 1975].

Иначе трактует эти материалы А. М. Лесков. В принципе, он не от-

рицает более раннего возраста черногоровских памятников по сравнению с новочеркасскими. Однако абсолютный их возраст он определяет VIII—началом VII в. до н. э. для черногоровской группы памятников и концом VIII—третьей четвертью VII в. до н. э. для новочеркасских. При этом новочеркасские памятники отождествляет с памятниками «древнейших скифов», культура которых сложилась на основе восточного (поволжского) варианта срубной культуры, а черногоровские — с памятниками исторических киммерийцев, культура которых возникла на базе той же срубной культуры, но уже ее северопричерноморского варианта (белозерских памятников). В результате в работах А. М. Лескова черногоровская и новочеркасская группы памятников оказались

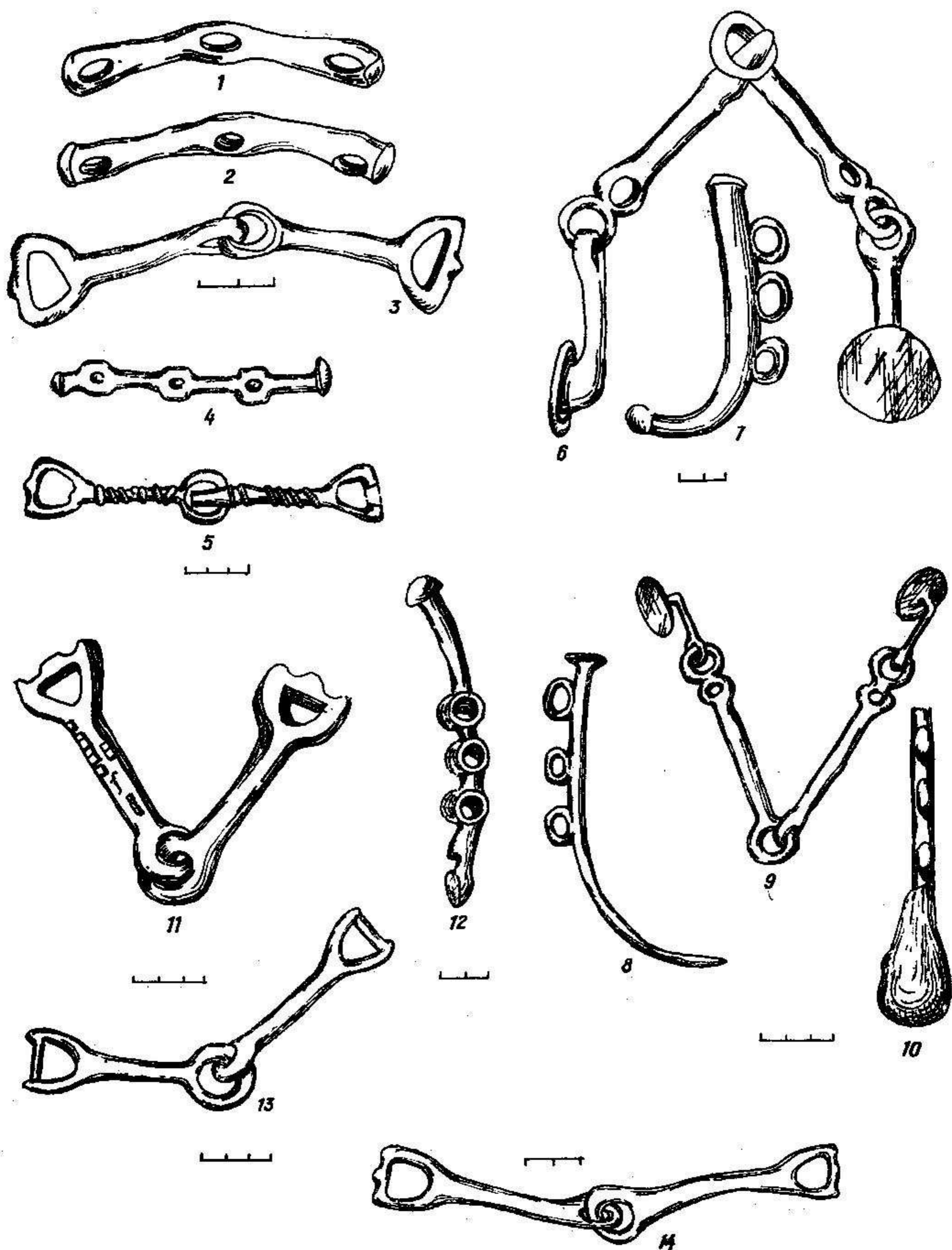

Рис. 3. Бронзовые удила и псалии предскифского и скифского времени:

1—3 — Черногоровский курган; 4—5 — курган Малая Цимбалка; 6—7 — курган № 375 у с. Константиновка; 8—10 — гора Бештау; 11 — Ставропольский курган 1953 г.; 12—13 — Алексеевский курган; 14 — Тлийский могильник

практически одновременными, доживающими до начала скифского периода [Лесков, 1975; 1981, С. 64—109].

Хронологические построения А. М. Лескова, основанные во многом на значительном омолаживании сабатиновских и белозерских памятников, не раз аргументированно опровергались А. И. Тереножкиным и другими авторами [Тереножкин, 1976, С. 186 и сл.; Отрощенко, 1975, С. 202—204; 1981].

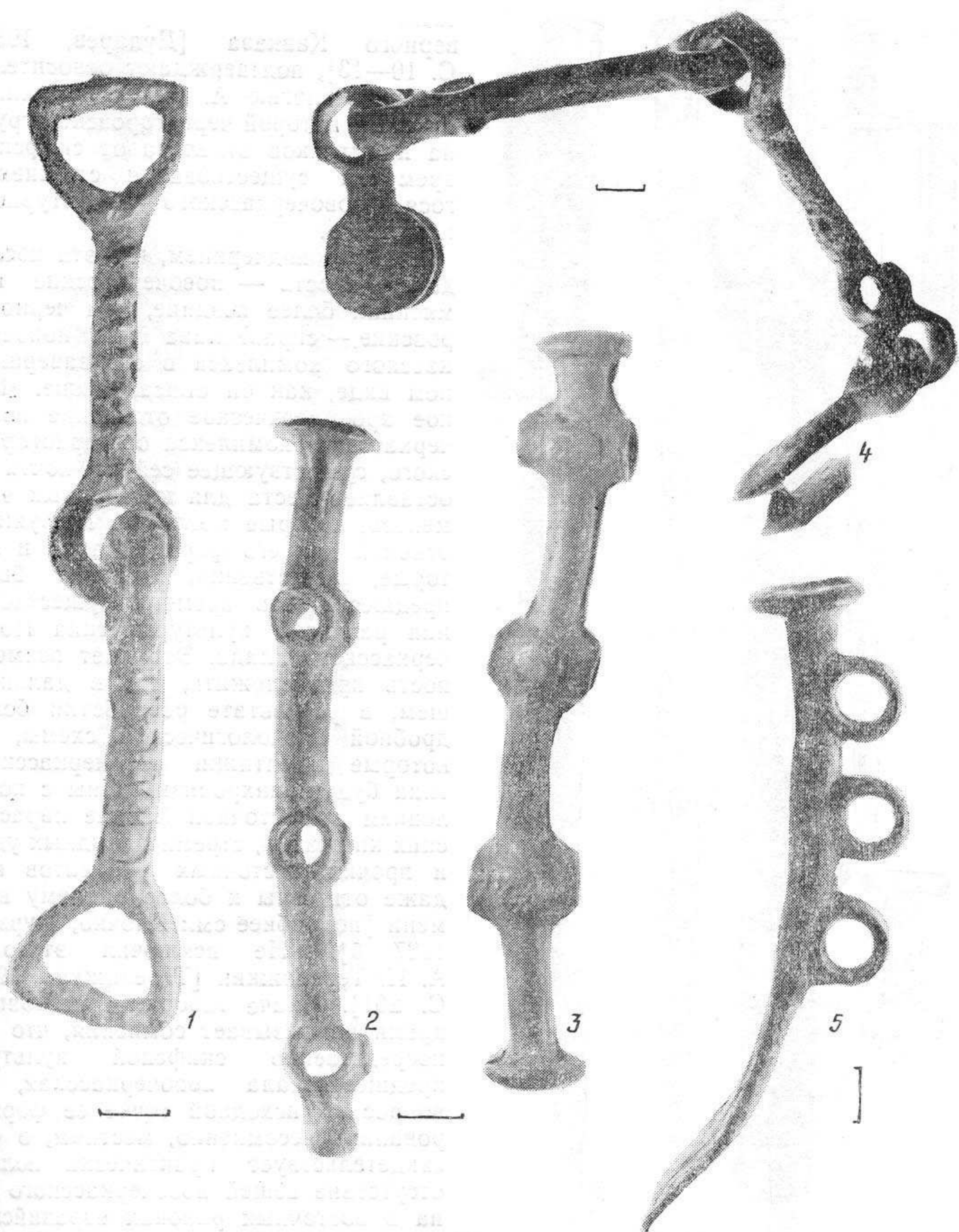

Рис. 4. Удила и псалии черногоровского и новочеркасского типов из курганов Малая Цимбалка и Носачевский:

1—3 — Малая Цимбалка; 4, 5 — Носачевский.

На этот недостаток концепции А. М. Лескова указал в специальной работе М. Петреску-Димбовица, отметивший, что предлагаемая А. М. Лесковым да-

тировка памятников, переходных от Сабатиновки к Белозерке (середина XI — середина X в. до н. э.) и соответственно белозерских памятников (середина X — первая половина VIII в. до н. э.), не дает возможности синхронизировать эти памятники с памятниками среднеевропейскими, в частности с памятниками культуры Ноа

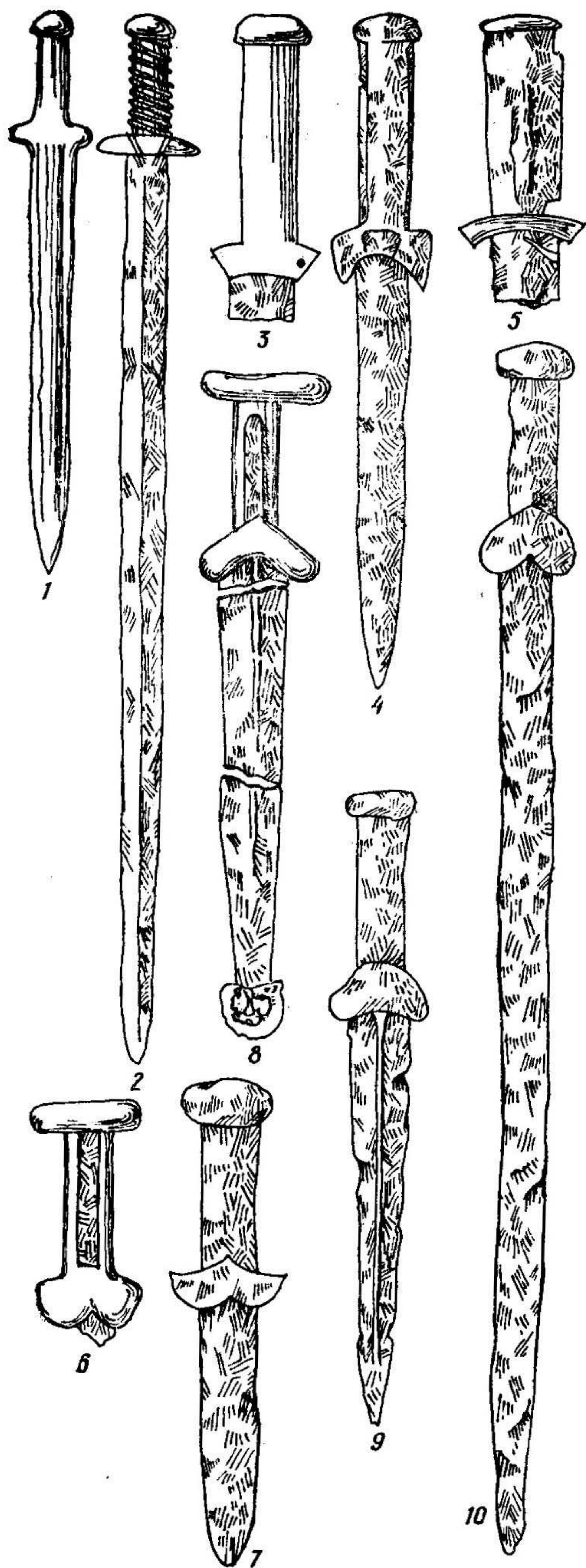

Рис. 5. Мечи и кинжалы предскифского и раннескифского времени:

1 — Гербино; 2 — Субботово; 3 — Султагорский могильник; 4 — Высокая Могила; 5 — Каменноостровский могильник; 6 — Гляйский могильник; 7, 10 — Калмир-Блур; 8 — хут. Степной; 9 — Карраский могильник.

[Petrescu-Dimbovita, 1984]. Весьма важно для нас и то, что новые исследования, например изучение много-

численных кобанских древностей Северного Кавказа [Дударев, 1983, С. 10—13], подтверждают относительную хронологию А. И. Тереножкина, согласно которой черногоровская группа памятников отделена от скифских временем существования сложившегося новочеркасского культурного комплекса.

Еще раз подчеркнем, что эта последовательность — новочеркасские памятники более поздние, чем черногоровские, — справедлива для новочеркасского комплекса в его завершенном виде, как он описан выше. Четкое хронологическое отделение новочеркасского комплекса от черногоровского, существующее сейчас, почти не оставляет места для культурных элементов, которые могли бы послужить основой для его формирования и которые, естественно, должны были предшествовать времени существования развитой культуры типа Новочеркасского клада. Это дает возможность предположить, что в дальнейшем, в результате разработки более подробной хронологической схемы, некоторые памятники новочеркасского типа будут синхронизированы с появлением в Восточной Европе карасукских кинжалов, стремячковидных удилов и прочих восточных элементов или даже отнесены к более раннему времени [подробнее см.: Ключко, Мурзин, 1987 б]. Не исключил этого и А. И. Тереножкин [Тереножкин, 1976, С. 201]. Иначе говоря, в настоящее время не вызывает сомнения, что непосредственно скифской культуре предшествовала новочеркасская, но вопрос об исходной точке ее формирования (несомненно, местном, о чем свидетельствует практически полное отсутствие вещей новочеркасского типа в восточных районах евразийской степи) остается открытым. Однако А. И. Тереножкин, неоднократно подчеркивая хронологическое различие черногоровских и новочеркасских памятников, гораздо меньше внимания уделял их культурному своеобразию.

С нашей точки зрения в характеристике черногоровского комплекса

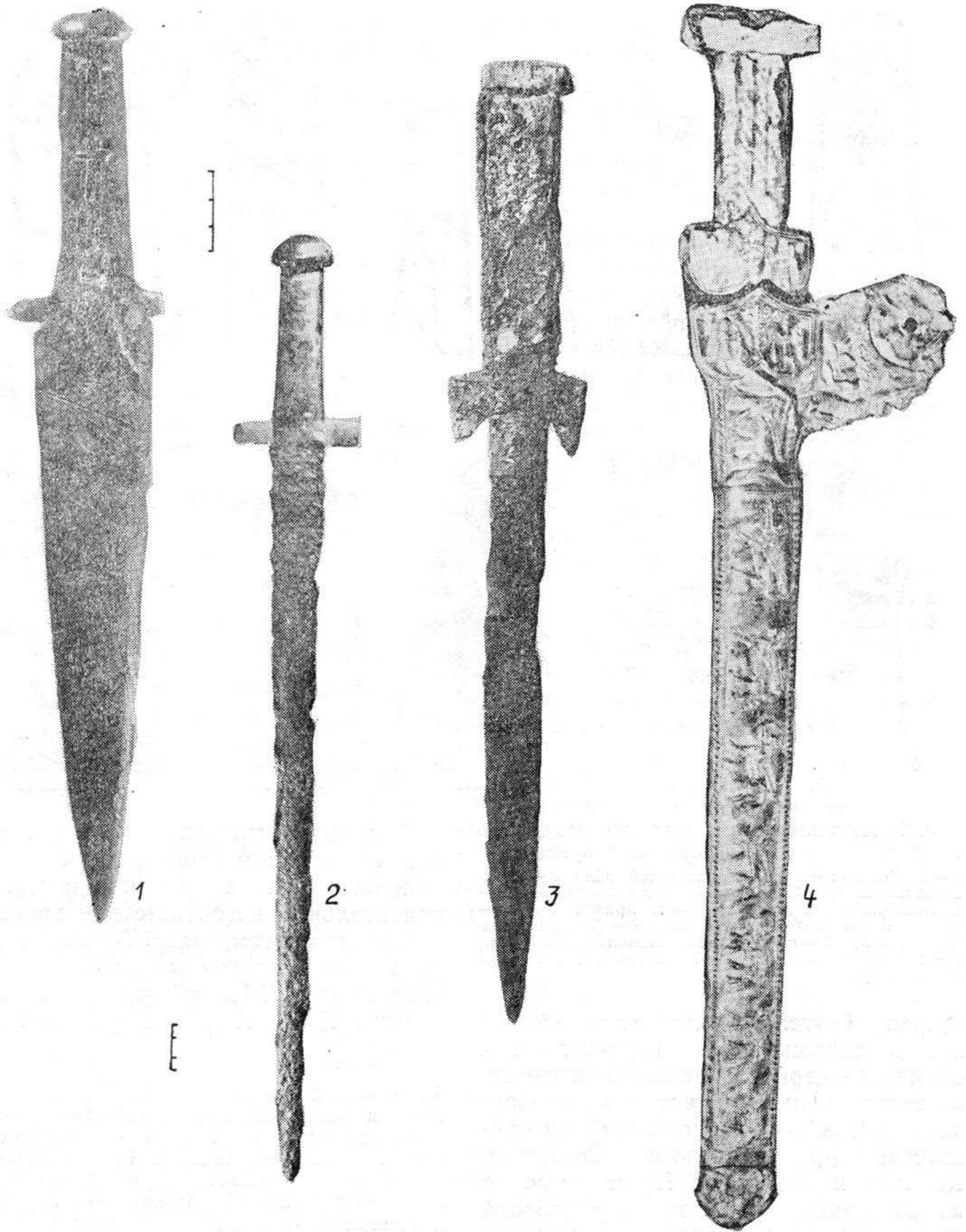

Рис. 6. Типы мечей и кинжалов позднейшего предскифского и раннескифского времени:
 1 — Субботово; 2 — Среднее Поднепровье; 3 — Высокая Могила; 4 — Калермесс.

аналогичным категориям скифской материальной культуры. Поскольку, во-первых, отсутствие хронологического стыка между черноговорскими и скифскими памятниками не позволяет предполагать возникновение скифских форм наконечников стрел, удил и псалиев на основе черноговорских и, во-

наиболее важными являются его культурные особенности, выраженные в близости ряда элементов комплекса

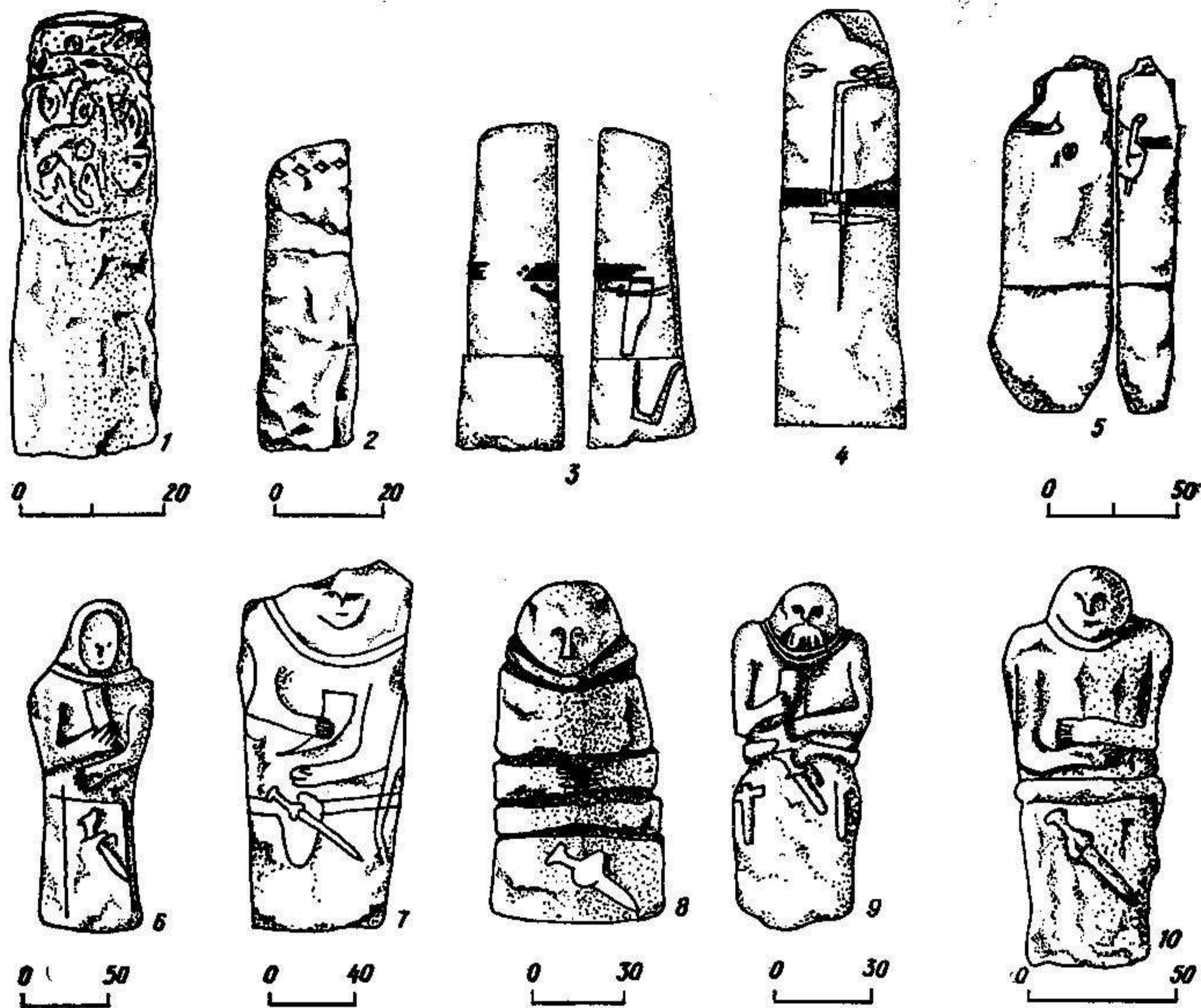

Рис. 7. Антропоморфные изваяния позднейшего предскифского и раннескифского времени:

1 — с. Константиновка Николаевской обл.; 2 — Верхнехортыйский р-н Запорожской обл.; 3 — Ольвия; 4 — с. Белоградц (Болгария); 5 — г. Кривой Рог; 6 — с. Калиновка Николаевской обл.; 7 — Днепропетровский музей; 8 — с. Грушевка Николаевской обл.; 9 — с. Нововасильевка; 10 — ст. Бесскорбная Краснодарского края.

вторых, безусловно доказано восточное происхождение перечисленных элементов черноговоровского комплекса, остается заключить, что данные формы и в X, и в VII в. до н. э. были привнесены на территорию Северного Кавказа и Северного Причерноморья из восточных районов евразийской степи, где происходило непрерывное развитие протоскифской культуры*.

* Иначе объясняет сходство форм черноговоровских и раннескифских наконечников стрел, удила и псалнев А. М. Лесков. По его мнению, это обстоятельство было вызвано тем, что накануне переднеазиатских походов скифы — носители новочеркасской культуры, убедившись в превосходстве киммерийских

Однако проследить этот процесс по археологическим материалам весьма непросто. Главная причина состоит в значительном несоответствии хронологических систем, разработанных для западных и восточных районов евразийской степи. По авторитетному признанию К. А. Акишева, разница, на-

[т. е. черноговоровских.—В. М.] наконечников стрел и некоторых деталей конского снаряжения...заимствуют их, отправляясь в азиатские походы» [Лесков, 1981, С. 108]. Однако мы знаем, что наконечники стрел, удила и псални, морфологически близкие черноговоровским и раннескифским, широко распространены на территории всей евразийской степи. Новочеркасские формы бытовали лишь в ее западных районах [Иессен, 1954, С. 129; Гллінская, 1973]. Поэтому, если вслед за А. М. Лесковым допустить, что черноговоровская культура была киммерийской, а новочеркасская — скифской, то придется признать, что не скифы, продвинувшись с востока, вытеснили киммерийцев, как это передавал Геродот, а киммерийцы вторглись в Скифию из глубин Азии.

пример, между датировками скифских и сакских памятников достигает 200 лет [Акишев, 1973].

Самое парадоксальное при этом состоит в том, что хронологический разрыв во многом обусловлен стремлением «привязать» хронологию восточных памятников к основному «хронологическому реперу», выделенному для западных, а именно ко времени появления в Восточной Европе в VII в. до н. э. памятников скифской культуры. При этом игнорируется немаловажное обстоятельство: в отличие от запада на востоке Евразии развитие протоскифской культуры происходило непрерывно начиная с эпохи поздней бронзы.

Действительно, выделение в Восточной Европе специфически местного новочеркасского культурного пласта, свободного от каких-либо протоскифских включений, и позволило хронологически отделить раннескифские и черноговорские памятники, которые до этого достаточно часто смешивались. Известно, что и Черногорский курган, и Малая Цимбалка долгое время включались в список скифских памятников VII—начала VI в. до н. э. На востоке Евразии такая «стерильная прослойка» отсутствует. А если учесть, что исследователи раннекочевнических культур азиатских степей ориентировались на более разработанную хронологическую систему Северного Причерноморья, станет понятно, почему практически все памятники, содержащие те или иные протоскифские элементы, искусственно «подтягиваются» к VII в. до н. э. А это влечет за собой трудности, связанные с датировкой памятников «аржанского» типа [Грязнов, 1980, С. 50—60; Тереножкин, 1976, С. 210], завышаются и даты карасукской [Членова, 1972] и других культур конца бронзового века Западной Сибири [Косарев, 1981, С. 181—203] и Центрального Казахстана [Маргулан, 1979, С. 21].

В результате таких хронологических построений получается, что памятники черноговорского типа, появление которых в Северном Причерноморье относится ко времени не позднее X в.

до н. э., оказываются древнее не только аналогичных им по материалам памятников «аржанского» типа, но и предшествующих последним культур позднего бронзового века восточных районов Евразии.

Около 20 лет тому назад С. П. Толстов отмечал, что осмысление огромного накопленного в Средней Азии и Сибири археологического материала настоятельно требует привлечения специалистов по европейской скифологии [1963, С. 45]. К сожалению, из-за значительных несоответствий двух хронологических систем, изучение древностей скифского и предскифского времени в западных и восточных районах Евразии до сих пор проходит двумя параллельными и почти не соприкасающимися потоками.

Но вернемся к нашей теме. Итак, археологически фиксируется проникновение на территорию юга европейской части СССР в начале раннего железного века двух последовательных волн носителей протоскифской культуры из восточных районов Евразии*.

В результате в X в. до н. э. в Северном Причерноморье появляются чуждые местной линии развития формы кинжалов, наконечников стрел, удил, паслиев, а также антропоморфные изваяния, непосредственно связанные с оленными камнями Южной Сибири и Центральной Азии.

Последнее, по справедливому замечанию Н. Л. Членовой, окончательно убеждает, что речь должна идти «не о торговых связях (каменные изваяния слишком тяжелы и громоздки, чтобы ими торговать, да и вряд ли такой «товар» нашел бы спрос в совершенно чуждой среде), а именно о передвижениях населения» [Членова, 1975, С. 88].

Проявившись наиболее ярко в X—

* О нескольких последовательных передвижениях скифских племен с востока в Северное Причерноморье писал и Б. Н. Граков [1971, С. 25—26], однако сходство здесь чисто внешнее, поскольку под скифами Б. Н. Граков подразумевал носителей срубной культуры.

IX вв. до н. э., импульс восточного влияния в Северном Причерноморье постепенно затухает, если не считать выработки новочеркасских форм цельножелезных кинжалов и каменных антропоморфных изваяний на основе эволюции привнесенных элементов [Тереножкин, 1975а; 1978]. Группы населения, составлявшие первую волну протоскифских племен, по-видимому, растворились в местной киммерийской среде. Может быть, лишь как память об этих событиях сохранилось до времен Геродота предание о «древней Скифии». Действительно, рассказывая о приходе скифов из-за Аракса и вытеснении ими из степей Северного Причерноморья обитавших там киммерийцев [Геродот, IV, 11], Геродот в то же время упоминает о наличии в Северном Причерноморье некой исконной, древней Скифии [IV, 99], сообщает о неких «коренных» скифах [IV, 81], численность которых вызвала споры у его информаторов: «...слышал об их числе различные сообщения: что их и очень много и что скифов как таковых мало»*. Отметим, что упомянутая «исконная Скифия» локализуется обычно в Северном Причерноморье, т. е. именно там, где, по наблюдениям А. М. Лескова, имеет место наибольшая концентрация памятников черноголовского типа, в отличие от памятников новочеркасских, основная масса которых размещается восточнее — на территории Северного Кавказа [Лесков, 1981, С. 87].

Возникновение на территории Северного Кавказа и Северного Причерноморья скифского объединения было результатом появления здесь второй волны носителей протоскифской культуры, принесших с собой целый комплекс элементов материальной культуры (наконечники стрел, акинаки, антропоморфные изваяния, навершия, стремячковые удила и трехдырчатые псалии, круглые зеркала с петлей на обороте, каменные блюда), сложившийся на востоке Евразии к VII в. до н. э.

* Здесь и далее цит. по: [Доватур, Каллистов, Шишова, 1982].

Как мы уже неоднократно отмечали ранее [Мурзин, 1978, С. 23—24; 1984, С. 92—93], вслед за В. А. Ильинской [Іллінська, 1973] и А. И. Тереножкиным [Тереножкин, 1976, С. 126—128], начальное проникновение второй волны протоскифов на указанную территорию фиксируется прежде всего по находкам наиболее архаических — удлинённо-ромбических, бронзовых двухлопастных — наконечников стрел скифского типа (так называемых енджинских) и погребальных комплексов, в составе инвентаря которых обнаружены вещи, свойственные как новочеркасской, так и скифской культуре. Эти комплексы археологически отражают факт встречи местного доскифского населения и пришельцев с востока. К числу этих комплексов относятся прежде всего погребения у Енджи и Белоградца в Болгарии [Тереножкин, 1976, рис. 9, 3; 16, 3—5], погребение № 39 меотского могильника у хут. Кубанского [Анфимов, 1975, С. 36 и сл.], погребение у Лермонтовского разъезда [Иессен, 1954, С. 122—123] и захоронение 1921 г. Каменноостского могильника [Иессен, 1941, С. 20] в Пятигорье, а также, вероятно, комплекс из ст. Махошевской [Иессен, 1953, С. 63] в Прикубанье (рис. 8—10). Суммарно мы их датировали первой половиной — серединой VII в. до н. э.

Сравнительно недавно часть этих комплексов, а именно комплексы, открытые в Прикубанье и Предкавказье, стали объектом тщательного хронологического анализа, предпринятого в нескольких статьях В. Б. Виноградова и С. Л. Дударева [Виноградов, Дударев, 1983; 1983 а]. Им удалось убедительно датировать каждый, в результате чего хронологический диапазон этой группы комплексов был несколько расширен, охватив также вторую половину VII в. до н. э. В принципе, такой вывод ничего не меняет — трудно представить, что появление на указанной территории новых, привнесенных с востока культурных элементов сразу же повлекло за собой исчезновение вещей, характерных для предшествующего киммерийского периода.

Поэтому подобные смешанные по составу комплексы, отражающие начальный этап взаимодействия киммерийской и протоскифской культур, могли возникать не только в момент непосредственного контакта их носителей, но и несколько позже. В целом же, — и с этим едва ли кто станет спорить — обнаруженные в этих комплексах вещи скифского типа (удлиненно-ромбические наконечники стрел, меч с почковидным перекрестием, стремячкovidные удила и зооморфно оформленный бронзовый псалий, бронзовая уздечная бляха в виде головы хищной птицы, навершия) являются одними из самых ранних на территории европейской части СССР образцов начавшей складываться в этот период скифской материальной культуры.

Тем более безосновательны утверждения некоторых исследователей о наличии на этой территории неких «скифов» уже в VIII в. до н. э. Так, А. М. Хазанов считает, что рассказанный Геродотом эпизод об изгнании последними киммерийцев относится скорее всего к VIII в. до н. э. Основным аргументом в пользу этого вывода является следующее умозрительное заключение: скифы впервые упоминаются в анналах Асархаддона, датированных 70-ми годами VII в. до н. э., следовательно, к северу от Главного Кавказского хребта они должны были появиться на несколько десятилетий раньше [Хазанов, 1975, С. 207 и сл.]. Однако на примере более поздних кочевых народов мы убеждаемся, что столь длительного времени для проникновения через Кавказ в Закавказье и Переднюю Азиюномадам не требовалось. Практически сразу после появления в степях Северного Кавказа они устремлялись на юг, в Переднюю Азию [Пьянков, 1979, С. 196]. Поэтому подобные подсчеты с нашей точки зрения можно объяснить лишь стремлением в любом случае, даже вопреки фактам, отождествить носителей новочеркасской культуры со скифами.

Таким образом, можно заключить, что именно начало VII в. до н. э. является отправной точкой этногенеза

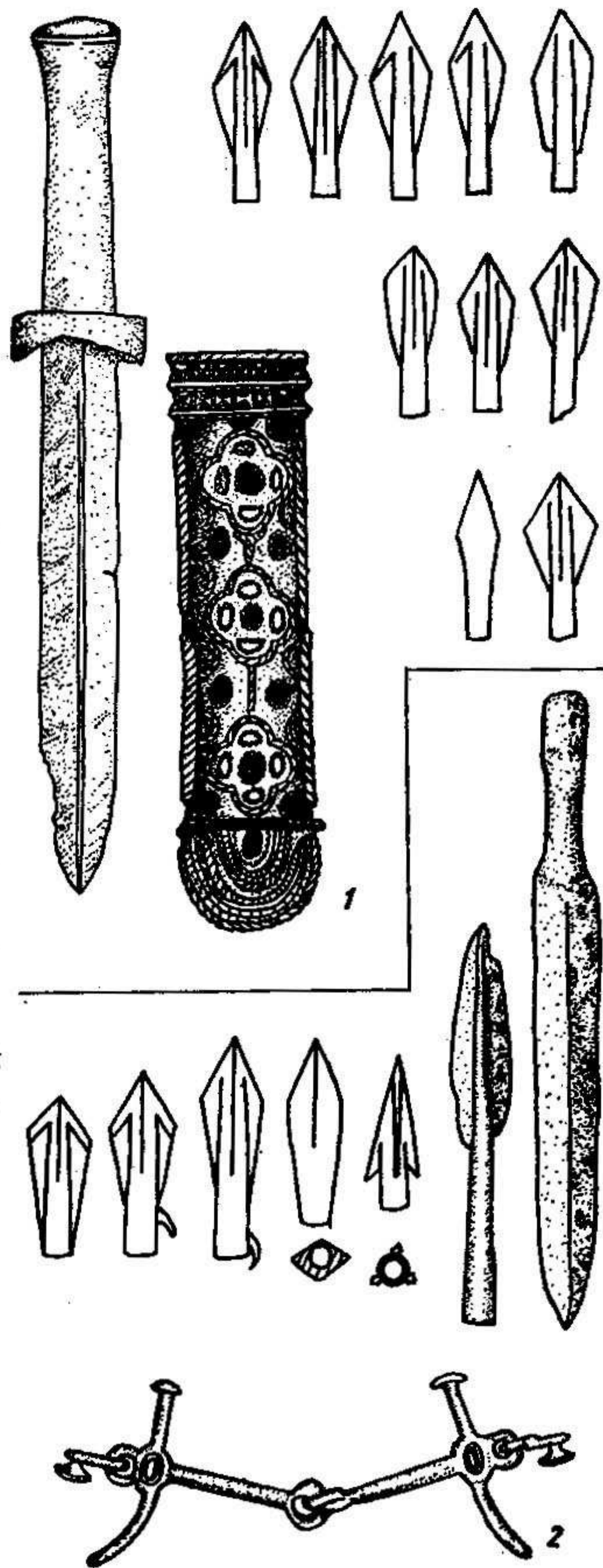

Рис. 8. Инвентарь погребений у сел Енджа (1) и Белоградца (2) в Болгарии.

скифов. Именно с этого времени, в соответствии с наиболее ранними упоминаниями скифов в древневосточных письменных источниках, мы можем употреблять термин «скифы» в отношении кочевого населения, обитавше-

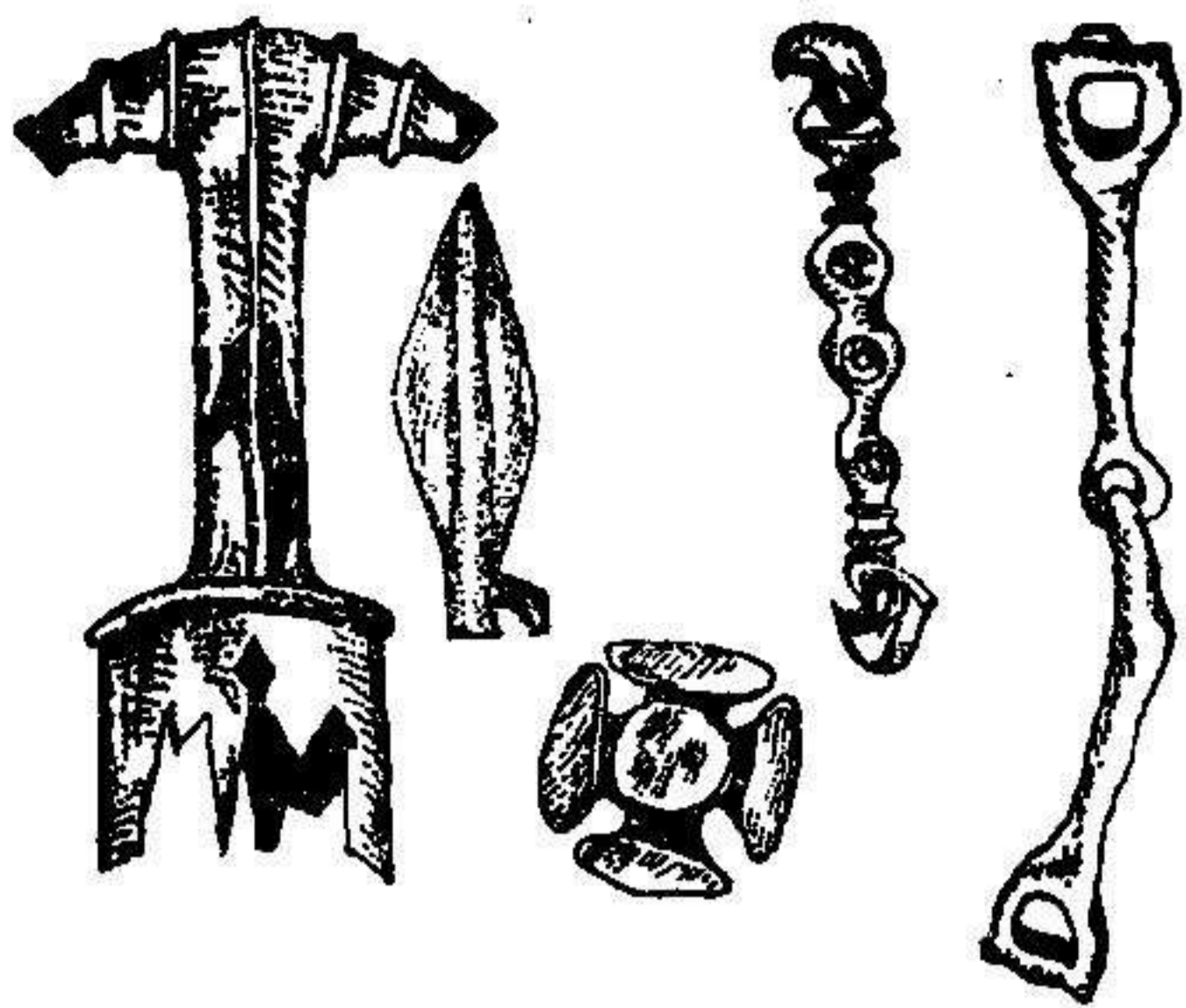

Рис. 9. Инвентарь погребения № 39 протометотского могильника у хут. Кубанский.

го на просторах северокавказских и причерноморских степей, а также обладавшего вполне определенной и хорошо изученной археологами «скифской культурой». Однако следует помнить, что скифы в этот период скорее политическое, чем этническое понятие, поскольку для сложения соответствующей этнической единицы требовалось достаточно длительное время. С какого же момента мы можем говорить, что процесс сложения завершился, а в этногенезе скифов наступил второй, не менее важный «перерыв постепенности»?

2. «Как утверждают скифы, из всех племен их племя самое молодое»

Принимая во внимание данное сообщение Геродота [IV, 5], ответить на поставленный вопрос, казалось бы, довольно просто. Действительно, из приведенной цитаты следует, что, по представлениям информаторов Геродота, они принадлежали к вполне определенному народу, который прошел вполне определенный путь развития, что нашло отражение в различных вариантах скифской этногенетической легенды, тщательно зафиксированных Геродотом [IV, 5—12].

Несомненно, в таком контексте термин «скифы» отличается по смыслу от аналогичного термина (в форме

«ишкуза» или «ашкуза») переднеазиатских источников. В последних «скифы» — это прежде всего определенная военно-политическая сила, враждебная как самим древневосточным государствам, так и пришедшим сюда ранее киммерийцам. Никаких особых этнических примет «скифов» данные источники не содержат. Для них они — лишь очередная волна северных кочевников. Иначе говоря, термин «скифы» здесь во многом лишен какого-либо этнического содержания и обозначает скорее всего принадлежность данной группы кочевников к скифскому объединению. Впрочем, наличие реального военно-политического единства могло восприниматься современниками скифских походов в Переднюю Азию как выражение этнического родства различных по происхождению частей скифской орды. Способствовала такому восприятию и близость кочечевого быта, характерная для кочевников*.

Единство социально-экономической структуры — один из важнейших признаков этноса, однако он, как и единство территории, относится к числу этноформирующих факторов, необходимых для зарождения этнических отношений, но которые сами по себе не могут свидетельствовать о существовании сформировавшегося этноса. Это могут подтвердить лишь производные признаки, которые возникают в процессе формирования этнической общности (язык, культурно-бытовой уклад и этническое сознание) и благодаря которым данная этническая общность выделяется среди других [Генинг, 1970, С. 23—27].

Рассказы скифов о происхождении своего народа, который, по их пред-

* Это далеко не единственный пример такого рода. Восприятие различных по происхождению групп кочевого населения, объединенных общей военно-политической структурой, как единого этноса характерно и для многих других письменных источников. Вспомним хотя бы описание гуннов, в состав объединения которых входили разноэтнические группы кочевников, в «Истории» Аммиана Марцеллина [Аммиан Марцеллин. История / Пер. Ю. Кулаковского. — Киев, 1906—1908. — С. 236—243].

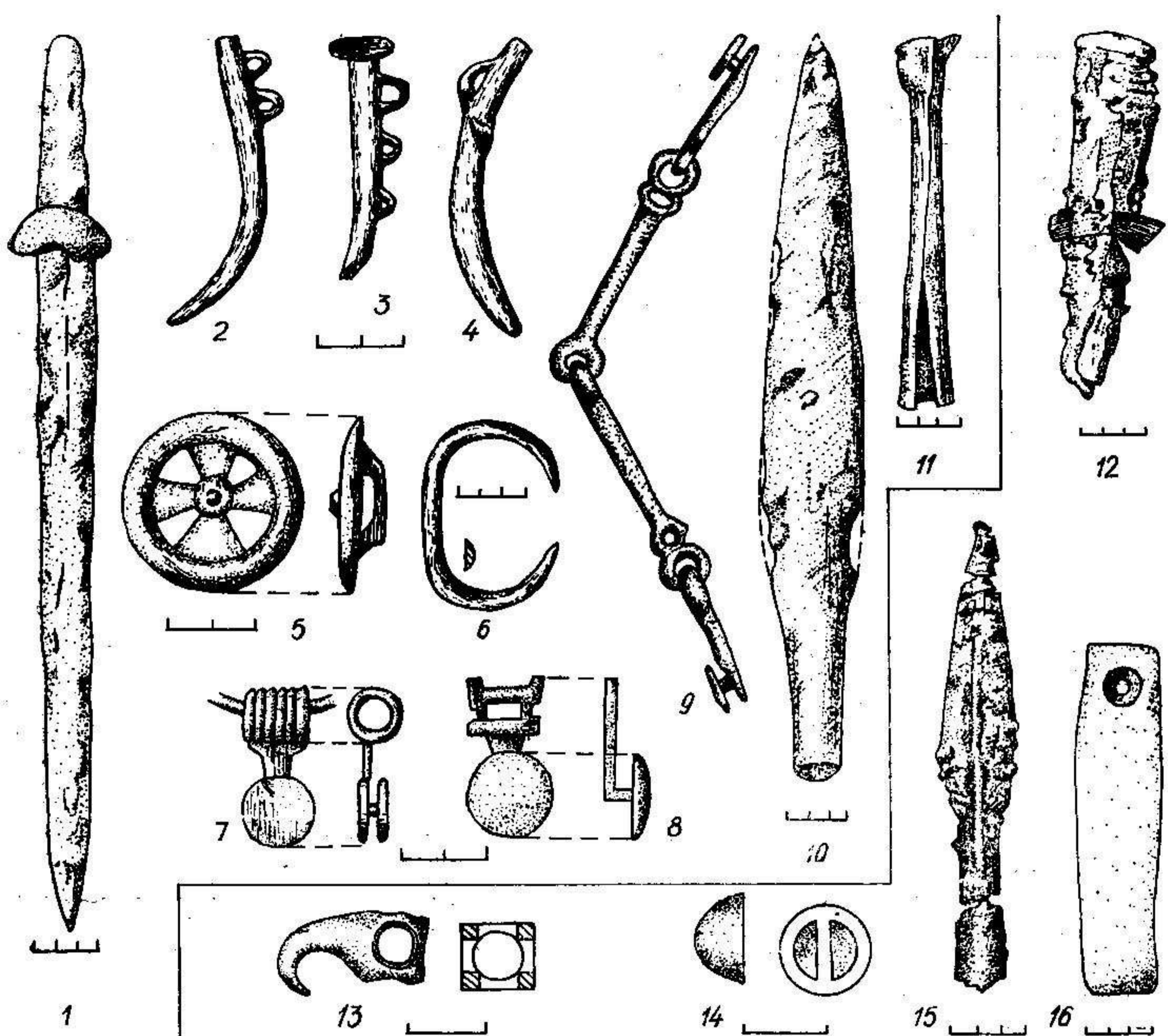

Рис. 10. Инвентарь погребения у Лермонтовского разъезда и захоронения 1921 г. Каменно-могильникового могильника:
 1—10 — Лермонтовский разъезд; 11—16 — Каменно-могильниковый могильник

ставлениям, был, в отличие от народов, их окружающих, наиболее молодым, осознание общности этого народа и есть проявление такого производного признака, как этническое сознание.

Известно, что одно из ярких его проявлений — противопоставление в сознании индивидуумов, составлявших определенный этнос, себя окружающим по принципу «мы — они», «свой — чужие». Пример тому цитата, вынесенная в заголовок настоящего раздела. Этот принцип нашел отражение и в других содержащихся в сочинении Геродота данных о народах, населявших соседние со Скифией обла-

сти, в основе которых опять же лежали сведения, полученные им от скифов: андрофаги — «одежду носят похожую на скифскую, язык же у них свой собственный»; меланхлены — носят черную одежду, нравы у них скифские; савроматы — языком пользуются скифским, но говорят на нем издавна с ошибками» [IV, 106, 107, 117].

Как еще одно проявление этнического самосознания скифов в эпоху Геродота могут рассматриваться уже упоминавшиеся выше скифские этногенетические легенды. Особенно интересны две первые [Геродот, IV, 5—7, 8—10], из которых вырисовывается легендарное генеалогическое древо, объединяющее различные племена, происходившие, по представлениям скифов, от одного героя-эпонима и связанные кровным родством. В первом случае это паралаты, катиары и трас-

нии, ведущие происхождение от легендарных сыновей первочеловека Таргитая—Липоксая, Арпоксая и Колоксая, во втором — скифы, гелоны и агафирсы, происходившие от трех сыновей Геракла и змееногой богини. Давно замечено [см., напр.: Лашук, 1967, С. 26; Давыдов, 1969, С. 6—7; Генинг, 1970, С. 97], что подобные генеалогические легенды чаще всего отражают не действительное кровное родство, а процесс формирования из различных по происхождению контингентов населения нового гетерогенного этноса, являясь идеологическим обоснованием реально возникшего социально-экономического и этнического единства. В особенности выше сказанное относится к кочевым народам, поскольку «идеологически осознание единства в условиях подвижной жизни вообще возможно лишь на основе признания общности происхождения и родства, обычно легендарного» [Марков, 1976, С. 69].

Отрывочные данные, почерпнутые из труда Геродота, не двусмысленно свидетельствуют, что на территории Скифии в V в. до н. э. объединительные этногенетические процессы протекали достаточно активно*. Однако для того чтобы определить, насколько эти процессы были близки к своему завершению, необходимо искать другие критерии.

К числу произвольных признаков этноса, возникающих в результате его оформления, относится также общий язык и единый культурно-бытовой уклад. Данные о языке скифов крайне скудны. Дошедшие до нас имена скифских царей, названия рек, топонимы и прочие подобные сведения позволяют лишь утверждать, что он принадлежал к числу иранских — хотя в недавних, уже упоминавшихся выше работах О. Н. Трубачева и этот вывод в определенной степени подвергается

сомнению. Впрочем, если исходить из того, что местное предскифское население (киммерийцы) и продвинувшиеся сюда с востока в VII в. до н. э. группы кочевников (протоскифы) были родственны по языку и, следовательно, приход последних не означал коренной смены языка у обитателей северокавказских и северопричерноморских степей [Абаев, 1965, С. 122], то, значит, располагая мы и более обширными сведениями о характере и развитии скифского языка, это мало бы что дало для понимания этногенеза скифов.

Иное дело такой признак, как культурно-бытовой уклад. На одной территории, как отмечал Н. Н. Чебоксаров, могут обитать разные народы, имеющие одну экономическую базу и говорящие на одном языке. Однако «нет и не может быть двух народов с совершенно одинаковой культурой» [Чебоксаров, 1967, С. 99]. С этим выводом согласуется и мнение Ю. В. Бромлея, согласно которому «среди свойств, присущих людям, для этнического размежевания, как правило, особенно существенное значение имеют характерные черты культуры в самом широком смысле этого слова. Именно в сфере трактуемой таким образом культуры обычно и сосредоточены все основные отличительные особенности народов-этносов» [1983, С. 54]. Однако выделить отдельные этнодифференцирующие признаки весьма непросто, а общий для всех случаев признак отсутствует [там же, С. 55—56]. О многообразии возможных вариантов можно судить хотя бы по тому факту, что для древних китайцев одним из основных признаков такого рода была манера запахивать халат [Крюков, Сафронов, Чебоксаров, 1978, С. 285].

Еще более это трудно сделать специалисту по истории древних народов, не имевших письменности, поскольку в ходе исследования он изучает не культуру конкретного этноса непосредственно, а ее овеществленную форму, которая предстает перед нами в виде так называемой археологической культуры.

* По мнению Д. С. Раевского [1977, С. 136], во время Геродота различные по происхождению компоненты скифского этноса уже слились воедино. Однако данные археологии, как мы постараемся показать ниже, свидетельствуют, что процесс завершился несколько позднее — к концу V в. до н. э.

При выделении этнодифференцирующих признаков на археологическом материале необходимо исходить из того, что отдельные компоненты «археологической культуры» — орудия труда, оружие, погребальный обряд и т. д. — отражают различные черты культурно-бытового уклада. Последние, в свою очередь, подразделяются на устойчивые и неустойчивые. Хотя неустойчивые компоненты также придают каждой культуре своеобразную окраску, однако выделяют данный этнос среди других главным образом признаки устойчивые. К числу последних относится и хорошо поддающийся археологическому изучению погребальный обряд [Бромлей, 1983, С. 128—132].

Что же характерно для скифского погребального обряда, в частности для наиболее интересующего нас погребального обряда эпохи скифской архаики (VII—V вв. до н. э.)? Довольно подробно скифский погребальный обряд этого времени рассматривался в предыдущих работах [Мурзин, 1982; 1984, С. 48—65]. Если описывать его суммарно и вкратце, то к числу его особенностей относится преимущественно погребение умерших под курганными насыпями, хотя известны и грунтовые погребения, например в могильниках Фронтное, Михайловском. При этом в одних случаях курганные насыпи сооружались специально, в других использовались насыпи более ранних курганов. Погребальные сооружения представлены достаточно разнообразными типами, среди них грунтовые ямы, грунтовые ямы с деревянными конструкциями, ямы, перекрытые камнем, деревянные склепы в яме, деревянные склепы на поверхности, каменные гробницы, катакомбы. Преобладает традиция хоронить умерших в вытянутом положении на спине, однако в ряде исследованных захоронений выявлены скелеты с элементами скорченности. Наиболее часто встречается широтная ориентировка погребенных с отклонениями к югу или северу, меридиональная зафиксирована лишь в нескольких случаях. Есть данные о сопровождающих человеческих

захоронениях. Гораздо чаще встречаются сопровождающие захоронения коней.

Приведенные данные свидетельствуют, что раннескифский погребальный обряд был достаточно сложен и отличался разнообразием форм, что наиболее отчетливо проявляется в одновременном существовании многих типов погребальных сооружений.

С IV в. до н. э. ситуация меняется. В этот период основным, господствующим типом погребальных сооружений, характерным для скифов, является катакомба. Несмотря на то что скифские катакомбы весьма отличаются друг от друга размерами, устройством подбоя или погребальной камеры, взаимным расположением камеры и входной ямы и т. д. [Граков, 1962; Ольховский, 1977; Rolle, 1979, S. 3—31], погребальный обряд в IV в. до н. э. благодаря относительно малочисленности других типов погребальных сооружений выглядит довольно единообразно.

Чем объясняются произошедшие изменения? В. А. Кореняко [1976], рассматривая различные точки зрения относительно семантики погребального обряда, констатирует, что возникновение и трансформация различных элементов погребального ритуала могут быть объяснены самыми разнообразными причинами, которые можно разделить на две группы: «социологические» и «этноисторические». При этом прямая связь между элементами погребального обряда и обусловившими их причинами отсутствует; появление или исчезновение одних и тех же элементов в различных системах похоронных ритуалов могло быть вызвано различными по характеру явлениями. Иными словами в каждом конкретном случае необходим конкретный анализ того или иного обряда, распространенного на данной территории.

Действительно, уже отмечалось, что многообразие форм раннескифской погребальной обрядности объясняется целым рядом обстоятельств, в том числе и местными природными условиями, характерными для определенной территории. Так, наличие в Крыму

многочисленных природных выходов пригодного для строительства камня обусловило более широкое, чем в Поднепровье, распространение каменных гробниц. Однако основные причины заключаются в социальной структуре скифского общества, а также в многообразии его этнических компонентов [Мурзин, 1984, С. 56].

Вместе с тем нам представляется, что причины этнического и социального характера в данном случае не должны разграничиваться, а тем более противопоставляться. Еще Б. Н. Граков отмечал, что особое положение скифов-царских, которые считают всех прочих скифов своими рабами [Геродот, IV, 20], основывалось на покорении ими остального населения степи [Граков, 1971, С. 22]. Логично предположить, что скифы-царские и покоренное население были разноэтничны. Формулировки, близкие Геродотовой, применялись в древности именно в тех случаях, когда один народ подчинял другой силой оружия — вспомним хотя бы изречение одного из ханов тюрков-тюгу: «Хи и Кадань суть мои невольники и подданные...» [Бичурин, 1950, С. 276].

Впрочем, затронутый вопрос будет специально и подробно рассмотрен ниже. Пока отметим: по нашему глубокому убеждению, в скифском обществе в силу особенностей его формирования (покорение пришлыми номадами местного кочевого населения) социальные различия внешне могли выглядеть как различия этнические. Последние, в свою очередь, несли социальную нагрузку. Подобные случаи, когда в роли господствующей верхушки целиком оказывался определенный этнос или один из компонентов нового формирующегося этноса, хорошо известны в этнографии [см., напр.: Куббель, 1982]. Столь сложная этносоциальная иерархия скифского общества неизбежно должна была породить достаточно многообразные формы погребальной обрядности. Именно такую картину мы наблюдаем в период скифской архаики.

Для подтверждения этого вывода сравним данные о погребальном обря-

де ранних скифов с данными о погребальных обычаях какой-либо другой группы кочевников, этническая неоднородность состава которой достоверно засвидетельствована письменными источниками. Возьмем, к примеру, тюрков-тюгу. Процесс их формирования был достаточно сложен: на тюркоязычный субстрат, обитавший в предгорьях Алтая, наслоились пришлые кочевники из рода Ашина, который занял особое, привилегированное положение и был правящим и у тюрков-тюгу, и в ряде других политических образований тюркоязычных кочевников. Впоследствии алтайские тюрки покорили весьма многочисленные племена теле (около 50 тыс. кибиток), а в 552 г. объединенные силы тюрков-тюгу и подчиненных ими теле полностью разгромили жужаней, которые до этого господствовали в Великой степи. Это событие стало отправной точкой истории I тюркского каганата [Бичурин, 1950, С. 227—228; Гумилев, 1967, С. 22—28]. На всей территории этого политического объединения на первый взгляд господствовал единый погребальный обряд, для которого были характерны подкурганые погребения в сопровождении верхового коня. Однако многие исследователи подчеркивают, что при всем внешнем единообразии эти погребения весьма существенно отличались друг от друга. Кроме того, нам известно, что определенная часть тюрков-тюгу, во всяком случае их верхушка, хоронила умерших по обряду трупосожжения. На данной территории исследованы также различные типы поминальных памятников: например, квадратные или прямоугольные каменные оградки. Относительно принадлежности всех этих погребальных памятников конкретным племенам, входившим в состав тюркского каганата, в археологической литературе ведется длительная и оживленная дискуссия. Основные точки зрения, высказанные в ходе ее, удачно суммированы в работе Ю. Н. Трифонова [1973]. Впрочем, в плане нашего исследования этот вопрос не является первостепенным. Для нас важно, что у специалистов не вы-

зывает сомнения связь различных элементов погребального обряда эпохи тюркского каганата, не уступавшего по своей пестроте раннескифскому, с различными по происхождению контингентами кочевого населения, занимавшими различные ступени иерархической лестницы этого политического образования. Это вполне согласуется с изложенной выше трактовкой скифского погребального обряда VII—V вв. до н. э. Подобные черты отличают и раннесарматский погребальный обряд, более близкий скифскому территориально и хронологически. Антропологический материал из погребений раннесарматского этапа указывает на неоднородный состав сарматов поволжских и приуральских степей. В Заповжье, например, среди населения сарматского времени преобладали потомки андроновских племен, а в Южном Приуралье в сарматское время был наиболее распространен памиро-ферганский антропологический тип. Характерные особенности имеет и антропологический материал из сарматских погребений, открытых в районе Астрахани. «Усложнение антропологического состава сарматских районов последних веков до н. э., — отмечал в этой связи К. Ф. Смирнов, — находится в полном соответствии с увеличением числа типов погребальных сооружений, выражающим усложнение племенного состава сарматов указанных областей» [1954, С. 200—201]. Дальнейшая стандартизация погре-

бений и всей культуры сарматских племен Поволжья и Приуралья объяснялась, по его мнению, сложением единого этнического массива аланских и аорских племен [там же, С. 204].

Значительная унификация погребального обряда скифов в IV в. до н. э. свидетельствует о некотором упрощении структуры скифского общества, скорее всего об исчезновении двойного — этнического и социального — принципа его деления. С этого момента и погребения скифских царей, и захоронения рядовых кочевников производятся в перекрытых курганами катакомбах, отличаясь друг от друга размерами курганной насыпи, глубиной входной ямы, объемом погребальной камеры. Именно вариации этих признаков, соотношенные с количеством и составом погребального инвентаря, а не наличие различных типов погребальных сооружений позволяют археологически выделять социальные группы в скифском обществе этого времени [Rolle, 1979, S. 33; Мозолевский, 1979, С. 148, сл.; Генинг, 1984; Бунятян, 1985]. Все убеждает нас, что к IV в. до н. э. в среде скифов произошли значительные этнические изменения, именно с этого времени скифский этнос можно считать практически сложившимся. А значит, процесс его формирования в основном охватывал период скифской архаики, а повлиявшие на его течение события произошли в VII—V вв. до н. э.

Первыми в ряду основных событий ранней истории скифов следует назвать походы через Кавказ в страны Передней Азии. К VII в. до н. э. наиболее мощным политическим образованием в Передней Азии стала Ассирия. Ее последнее возвышение началось при царе Тиглатпаласаре III (744—727 гг. до н. э.)*, который осуществил значительные преобразования военного дела. В результате реформы была создана регулярная армия, в состав которой входили различные рода войск (пехота, кавалерия, колесницы) и вспомогательные подразделения [подробнее см.: Садаев, 1979, С. 94—95]. «Роль этой могучей военной державы,— неслучайно отмечал С. П. Толстов,— в мировой истории военного дела до сих пор оценена в ничтожной мере... Памятники материальной культуры свидетельствуют о могучем развитии военной техники, о сложной структуре тактически дифференцированной армии, включавшей тяжелую и легкую пехоту, тяжелую и легкую конницу, боевые колесницы, метательные и стенобитные машины» [1948, С. 225]. Проведенные преобразования отразились на общем уровне ассирийского военного искусства, привели к разработке и совершенствованию новых тактических приемов, повышению воинской дисциплины и выучки войск. Опираясь на мощную армию, Тиглатпаласар III проводил активную завоевательную политику, продолженную и его преемниками, что привело к превращению Ассирии в великую военную державу древности.

* Даты правления ассирийских царей приведены по: [Бикерман, 1976].

Ее сердце — собственно Ассирия, располагалось среди холмов плодородного нагорья в верхнем течении Тигра. К югу на огромной плоской равнине, образованной наносами Тигра и Евфрата, равной которой по плодородию не было на всем Ближнем Востоке [Ллойд, 1984, С. 8—10], простиралась Вавилония — извечная соперница Ассирии. В 729 г. до н. э. Тиглатпаласар III захватил ее и присоединил к своему царству. Однако Вавилон упорно боролся с владычеством Ассирии, опираясь на поддержку Элама. Практически каждому из преемников Тиглатпаласара III приходилось вновь покорять Вавилон и утверждать там господство Ассирии. О степени ожесточенности этого противоборства может свидетельствовать полное разрушение Вавилона войсками Синаххериба в 689 г. до н. э.

На западе с Ассирией граничили многочисленные княжества Сирии, Финикии, Палестины, отделявшие ее от Средиземного моря. Уже Тиглатпаласару III удалось выйти на его побережье, создав из покоренных сирийских княжеств новую провинцию, наместником которой стал его сын Салманасар V (726—722 гг. до н. э.). И здесь ассирийским царям приходилось вести постоянные военные действия с целью поддержания своей власти. Мятежные сирийские цари и князья пользовались достаточно широкой поддержкой Египта, с войсками которого пришлось столкнуться полкам Саргона II (721—705 гг. до н. э.). Только при Асархаддоне (680—669 гг. до н. э.) ассирийские войска нанесли поражение Египту и захватили его столицу Мемфис. Территория Египта

была разделена на ряд мелких полунезависимых княжеств. Однако такое положение сохранялось недолго. При преемнике Асархаддона Ашшурбанапале (688—635/27 гг. до н. э.) один из правителей такого княжества Псамматих встал во главе независимого египетского государства [Садаев, 1979, С. 94—143].

Экспансии Ассирии на север, в горные долины Армянского нагорья, препятствовало усилившееся в VIII в. до н. э. Урарту. Хотя Тиглатпаласару III, а затем Саргону II удалось нанести серьезные поражения урартийским царям, Урарту сохранило свою независимость и вплоть до своей гибели в начале VI в. до н. э. продолжало играть активную роль в политической жизни Древнего Востока [Пиотровский, 1959].

На востоке к Ассирии примыкало обширное Иранское плоскогорье, отделенное от Месопотамии горами Загра. На северо-западе региона, на берегах соленого озера Урмия, в VIII в. до н. э. весьма усилилось Манейское царство, особое положение которого было связано с тем, что оно граничило и с Ассирией, и с Урарту. Поэтому его внешняя политика обуславливалась противоборством внутри государства ассирийской и урартийской партий. Для закрепления позиций Ассирии ее царям, в частности Саргону II, приходилось неоднократно организовывать военные походы на территорию страны Манна [Меликишвили, 1949].

Между Манейским царством на севере и Эламом на юге, горами Загра на западе и соленой пустыней Деште-Кевир на востоке обитали многочисленные и воинственные племена мидийского союза. Часть этой территории была захвачена Ассирией во время правления Саргона II. Здесь образовалось несколько ассирийских провинций. Однако сбор дани в этих провинциях осуществлялся только при помощи военной силы, а власть Ассирии более или менее прочно поддерживалась в районах, примыкавших к ассирийским крепостям [Дьяконов, 1956, С. 212—213].

Сложившуюся ситуацию довольно образно охарактеризовал один из наиболее известных ассириологов А. Оппенгейм. Касаясь политической истории Ассирии, он отмечает, что последняя в периоды неоднократно переживаемых ею на протяжении многовекового существования подъемов неизменно вела внешнеполитическую борьбу на три фронта. Первый — это районы, населенные горными народами, столкновения с которыми не прекращались, второй был направлен против Вавилонии, третий развернут в сторону Средиземного моря. Некоторым царям-завоевателям удавалось значительно расширить границы Ассирии, однако после их смерти, как правило, завоеванные районы начинали выходить из-под власти Ассирии [Оппенгейм, 1980, С. 169—170].

Подобная ситуация наблюдалась и в период расцвета Новоассирийского царства. Впрочем, приведем в этой связи еще один отрывок из работы А. Оппенгейма: «Тиглатпаласар III был выдающимся завоевателем. Он в широких масштабах использовал веками утвердившийся метод переселения побежденных народов, и при нем влияние Ассирии распространялось даже на Аравию: две арабских царицы посылали ему дань. Ассирийское владычество охватило тогда Сирию и Палестину, что создало для Ассирии нового врага — Египет. Почти все царствование Саргона II ушло на отвоевание тех стран, которые Ассирия потеряла после смерти Тиглатпаласара III, а его собственная смерть в бою снова вызвала их отпадение и восстания во всех странах. Ассирийское могущество отнюдь не имело надежной основы; почти каждому царю приходилось преодолевать сопротивление больших районов древнего Ближнего Востока. Сопротивление ассирийскому господству, по-видимому, устойчиво возрастало во всем регионе. Сын Саргона Синаххериб (704—681 гг. до н. э.) был убит своими сыновьями во время восстания, после того как он провел всю свою жизнь в борьбе против врагов и повстанцев на всех трех фронтах. Асархаддон (680—669 гг. до н. э.),

узурпировав трон, вынужден был не только усмирять саму Ассирию, но и бороться против новых врагов с гор—скифов и киммерийцев» [1980, С. 172—173].

Действительно, в конце VIII в. до н. э. на границах Ассирии появились пришедшие с севера из-за Кавказского хребта отряды степных кочевников — киммерийцев, к которым затем присоединились и скифы.

Древневосточные письменные источники, упоминавшие связанные с этим события, достаточно полно освещены в литературе. Во многом своей доступностью они обязаны усилиям И. М. Дьяконова, систематизировавшего переводы ряда клинописных документов [Дьяконов, 1951] и осуществившего их научный анализ в фундаментальной монографии, посвященной истории древней Мидии [Дьяконов, 1956]. Упомянутые материалы достаточно широко рассматривались также в исследованиях Б. Б. Пиотровского [1954; 1959], Г. А. Меликишвили [1949], И. Алиева [1960; 1979], В. Б. Виноградова [1964], В. А. Белявского [1964]. Пользуясь этим обстоятельством, ограничимся кратким пересказом наиболее существенных моментов из насыщенной событиями истории скифских походов в Переднюю Азию.

Древнейшее упоминание киммерийцев в ассирийских документах относится к 722—715 гг. до н. э. В 679/78 гг. до н. э. они напали на Ассирию, но были разбиты. В 676—674 гг. до н. э. киммерийцы уничтожили Фригийское царство, расположенное в центре современной Анатолии. Примерно в 660 г. до н. э. они появляются на границах Лидии, которая располагалась в западной части Малой Азии. В битве с киммерийцами пал царь Лидии Гиг, что произошло около 654 г. до н. э. [Дьяконов, 1956, С. 235—237].

Скифы впервые упоминаются в клинописных источниках, датированных временем Асархаддона (680—669 гг. до н. э.). В них прямо сообщается, что в этот период скифы проникли на территорию Маннейского царства и во главе с их предводителем Ишпакаем

поддерживали последнее в борьбе с Ассирией [Дьяконов, 1951, № 65, 68]. Обеспокоенные сложившимся положением, ассирийцы стремятся привлечь скифов на свою сторону. Сохранился запрос Асархаддона к оракулу бога Шамаша о том, будет ли верен данному слову Партатуа, царь «страны Ишкуза», если он получит в жены дочь ассирийского царя [Дьяконов, 1951, № 69]. К сожалению, неизвестно, были Ишпакай и Партатуа современниками или Партатуа являлся преемником первого, как это предполагает И. М. Дьяконов [Дьяконов, 1956, С. 272], был ли заключен династический брак, последствия которого так интересовали Асархаддона, ясно одно — в конце концов в среде скифов победила ассирийская ориентация и союз был заключен.

Последствия союза не замедлили сказаться. Переход скифов на сторону Ассирии помог последней в ее борьбе с восставшими в 673 г. до н. э. под руководством Каштарити мидийскими племенами, которые, однако, все же сумели создать независимое Мидийское государство [Дьяконов, 1956, С. 272—280]. Еще более значительную роль сыграл союз несколько десятилетий спустя. В это время войска усилившегося Мидийского царства проникли в глубь Ассирии и осадили Ниневию. На помощь Ассирии пришло «огромное войско скифов, которых вел царь скифов Мадий, сын Прототия». С полным основанием исследователи идентифицируют Прототия Геродота и Партатуа ассирийских источников. Его сын, поспешивший на выручку столице Ассирии, нанес поражение мидянам, после чего скифские отряды доходят до границ Египта [Геродот, I, 103—105].

Эти события знаменуют начало 28-летнего скифского господства в Передней Азии. Впрочем, их точная дата не ясна, что объясняется различными причинами, в частности сложностями с определением времени правления первых мидийских царей. Исходя из разного понимания этого достаточно запутанного вопроса, И. М. Дьяконов датирует скифское господ-

ство периодом между 652 и 625 гг. до н. э. [1956, С. 229], а В. А. Белявский — между 623/22 и 595/94 гг. до н. э. [1964, С. 93; 1971, С. 61]. К одной из этих двух точек зрения, обычно не аргументируя своего выбора, присоединяются и другие специалисты. Впрочем, какому бы из названных вариантов мы бы ни отдали предпочтение, в любом случае очевидно, что и после падения скифской гегемонии в Передней Азии, которое Геродот [I, 106] связывает с красочно переданным им эпизодом уничтожения Киаксаром скифских вождей во время пира, данного в их честь, скифы продолжали оставаться в течение определенного времени довольно значительной силой. Об этом может свидетельствовать рассказ Геродота [I, 74] о причинах и ходе войны между Киаксаром и царем Лидии Алиаттом, в которой скифы играли отнюдь не последнюю роль, и окончившуюся около 585 г. до н. э. [Струве, 1968, С. 98].

Из этого, пусть крайне сжатого изложения событий вытекают, на наш взгляд, со всей очевидностью два вывода.

Во-первых, становится ясен характер скифской гегемонии в Передней Азии, главным условием установления которой была протекавшая в этот период борьба Ассирии и противостоящих ей стран. При такой политической ситуации, охарактеризовать которую мы попытались во введении к настоящей главе, скифы на некоторое время становятся третьей и решающей силой в этом регионе, поскольку от их позиции в значительной степени зависел исход борьбы переднеазиатских государств. Несомненно, во многом скифское господство в Передней Азии обуславливалось и поддержкой все еще могущественной Ассирии, вынужденной считаться со столь необходимым союзником. Овладение Ниневией объединенными силами Мидии и Вавилона в 612 г. до н. э. и последовавшее за этим уничтожение союзными войсками последних оплотов ассирийской державы, продолжавшееся до 605 г. до н. э. [Дьяконов, 1956,

С. 306—316], означали наступление в Передней Азии относительного мира и спокойствия. Именно эти события, подорвавшие военнополитическую основу скифского господства в регионе, а не «кровавый пир Киаксара» — эффективное, но, по-видимому, вполне обычное для того времени происшествие, привели к окончанию переднеазиатской эпопеи скифов, хотя последние и позднее пытались использовать в своих интересах различные политические конфликты, в том числе упоминавшееся нами столкновение Мидии и Лидии.

Во-вторых, приведенные данные противоречат известным выводам М. И. Артамонова, трактовавшего движение скифов в Переднюю Азию как единовременный акт, как массовое и организованное переселение всего народа с целью обосноваться на захваченной территории [1975, С. 103]. Из письменных источников мы знаем по крайней мере о двух волнах скифских вторжений в Закавказье и Переднюю Азию — скифов Ишпакая и Партатуа в 70-е годы VII в до н. э., и более позднем вторжении полчищ Мадия. Эти акции, как явствует из письменных источников, имели ярко выраженный характер воинских походов и едва ли привели к оседанию значительной части скифского населения в завоеванных районах. Во всяком случае такая возможность вызывает все большие сомнения специалистов. Однако, чтобы разобраться в этой проблеме, одних письменных источников явно недостаточно — здесь необходимо привлечение археологического материала.

На территории Передней Азии археологические находки скифского облика представлены в основном бронзовыми двух- и трехлопастными наконечниками стрел. Да это и вполне понятно — здесь, как и на других смежных территориях, например в Закавказье, присутствие скифов в период переднеазиатских походов фиксируется не только и не столько по собственно скифским памятникам, сколько по вещам скифского типа, обнаруженным в памятниках местного

населения, воспринявшего под влиянием скифов отдельные черты их материальной культуры. На территории Передней Азии, народы которой достигли высокого уровня развития, культурное влияние скифов почти не ощущалось, проявляясь главным образом в заимствовании населением этого района таких компонентов скифской материальной культуры, которые соответствовали самым высоким требованиям того времени. А именно такому условию отвечали наконечники стрел скифского типа, распространившиеся позднее вместе со «скифским» луком и навыками в его применении повсеместно на Древнем Востоке — недаром в своем труде Геродот упоминает об обучении сыновей мидийского царя Киаксара стрельбе из лука скифскими воинами [1, 73]. Поэтому независимо от того, найдены «скифские» наконечники стрел там, где присутствие скифов исторически зафиксировано, или в пунктах, где их присутствие точно не установлено (например, в Кархемише), в любом случае распространение таких наконечников стрел непосредственно связано с пребыванием скифов в Передней Азии и археологически отражает это событие. Кроме того, в последнее время все более четко прослеживается зависимость персидского акинака от скифского короткого меча, что также отражает влияние скифской материальной культуры на культуру местного населения [Мурзин, 1984, С. 72—73].

Сводка находок «скифских» наконечников стрел на территории Малой и Передней Азии приведена в известной работе Т. Сулимирского [1954]. Помимо наконечников стрел, в числе древностей скифского типа он приводит также две бронзовые формы для их отливки, удила и псалии из погребения № 15 некрополя Сиалк В, а также вещи из знаменитого Саккызского клада [см. также: Coghlen, 1952; Тереножкин, 1971, рис. 3; Girshman, 1950; Barnett, 1956]. Хотя со времени публикации работы Т. Сулимирского прошло более 30 лет, дополнить приведенную им сводку мы мо-

жем лишь незначительно. Так, в погребении на городище Норшун-Тепе (современная Турция) были обнаружены наконечники копий, удила, ножи и две бронзовые уздечные бляхи, оформленные в виде головы грифона [Hauptmann, 1985]. Прекрасные наборы вооружения скифского типа, включающие акинак с почковидным перекрестием, биметаллический клевец, а также многочисленные бронзовые двухлопастные наконечники стрел, в том числе древнейшего «енджинского» типа, происходят из двух разрушенных погребений на территории Центральной Анатолии [Vuslat Onal, 1982].

И дело не в том, что находки такого рода на интересующей нас территории редки. Во многом это явление обусловлено тем, что зарубежные исследователи в последние годы не всегда проявляют достаточный интерес к проблеме взаимоотношений скифов и народов Передней Азии. Показательно, что в одной из немногих работ, затрагивающих этот вопрос, — обширной статье Р. Ролле, посвященной контактам северных кочевников с населением Урарту [Rolle, 1977], используются в основном материалы, полученные при исследовании урартийских центров на территории Советского Закавказья.

Для археологов немаловажно, что в Закавказье вещи скифского типа найдены не только в памятниках урартов, исследуемых на территории Армении, но и в других районах, лежащих к югу от Главного Кавказского хребта. Они широко представлены в Абхазии (могильники Куланурхва, Гуадиху, Красный Маяк, погребение у с. Колхида и др.), Южной Осетии (Тлийский могильник), Центральной (Самтаврский и Дванский могильники) и Южной (могильники у селений Мусиери и Бешташени) Грузии, Азербайджане (Малый курган, памятники Мингечаура, Кедабекский могильник). Полная сводка такого рода была опубликована в нескольких изданиях [Погребова, 1981; Тереножкин, Ильинская, 1983, С. 25—40; Есаян, Погребова, 1985], что позволяет не приво-

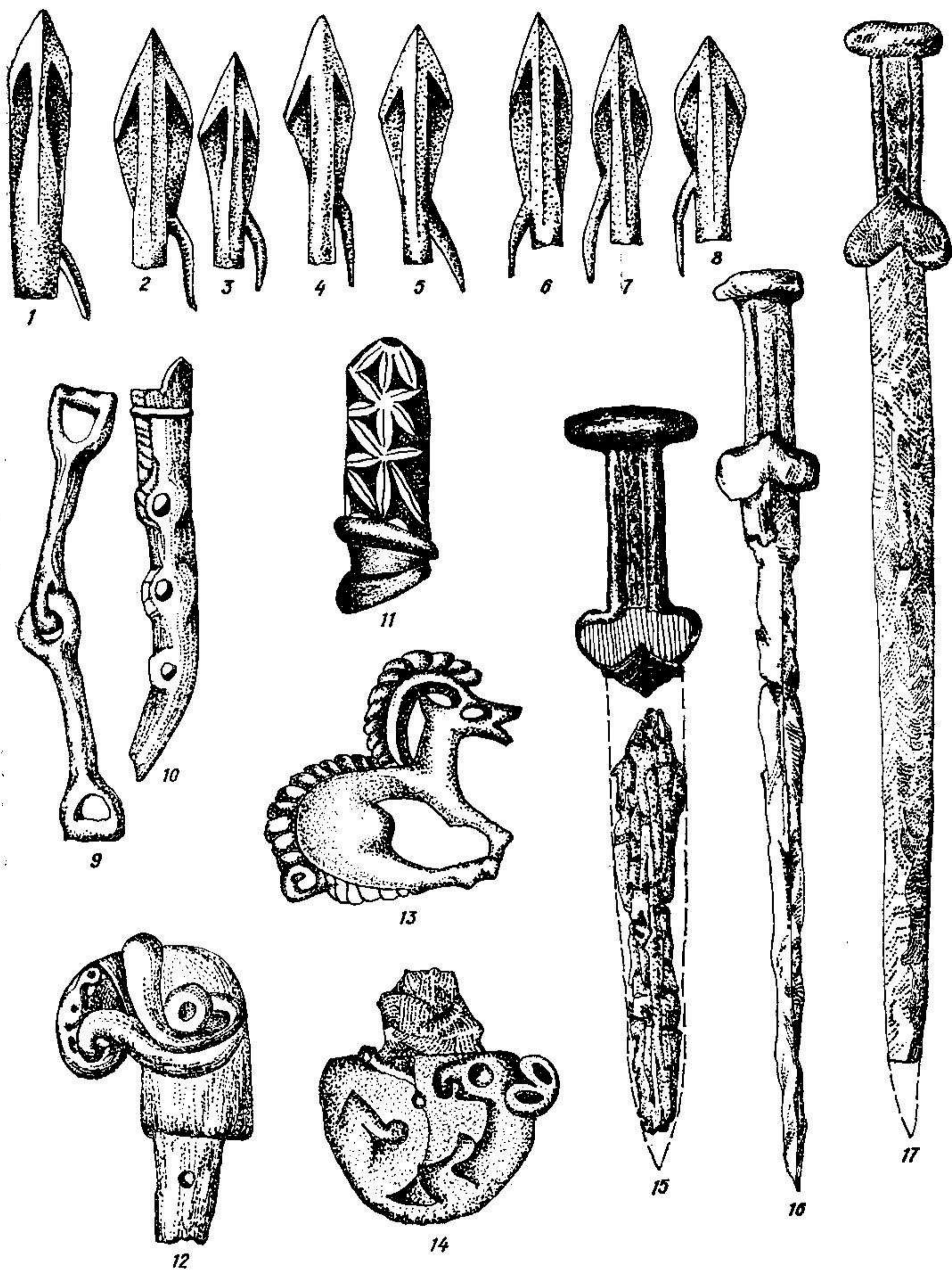

Рис. 11. Вещи скифского типа из Закавказья:

1, 9, 10, 14, 15 — Тлийский могильник; 2—8, 11, 16 — Самтаврский могильник; 13 — могильник Гуадиху; 12, 17 — Кармир-Блур.

дить их описание. Отметим лишь, что вещи скифского типа, найденные в Закавказье, происходят в основном из памятников местных культур и представлены предметами вооружения и снаряжения коня, образцами скифского звериного стиля (рис. 11).

Следует отметить, что инициатива в историческом осмыслении указанных материалов принадлежала не скифологам, а специалистам по археологии Кавказа. В работах Б. Б. Пиотровского, Е. И. Крупнова, М. М. Трапша, Р. М. Абрамишвили, Б. В. Техова эти памятники использовались как иллюстрации письменных свидетельств о скифских походах через Закавказье в Переднюю Азию, археологическое подтверждение контактов местных и скифских племен, наконец, в качестве надежного датирующего индикатора. В результате исследований было установлено два важных момента: время появления в Закавказье памятников, содержащих вещи скифского типа, соответствует периоду скифских походов через Кавказ; локализация этих памятников отражает реальные маршруты скифских передвижений.

Эти выводы подвергла сомнению М. С. Пирцхалава, которая считает, что древнейшие находки образцов скифской материальной культуры на территории Закавказья относятся к более позднему времени, чем первое упоминание скифов в переднеазиатских письменных источниках, датируемых, как известно, 70-ми годами VII в. до н. э. По ее мнению, считать переднеазиатские походы скифов тем фактом, который обусловил распространение вещей скифского типа к югу от Главного Кавказского хребта, нет оснований [Пирцхалава, 1975].

В связи с этим на первый план выдвинулась задача надежно датировать элементы скифской культуры в Закавказье. Она была успешно решена в монографии М. Н. Погребовой [1984], которая обратила внимание, что формы выявленных в Закавказье предметов вооружения и узды скифского типа (акинаки с брусковидными навершиями и бабочковидными перекрестиями, стремячковидные удила,

втульчатые двухлопастные стрелы) несомненно обладают признаками глубокой архаичности. Кроме того, их ранняя дата подтверждается найденными с ними в одних комплексах местными вещами, в частности урартскими. Все это позволило М. Н. Погребовой заключить, что «вещи скифского происхождения должны были появиться в Закавказье не позже конца VII в. до н. э.» [1984, С. 37].

На наш взгляд, этот вывод слишком осторожен, а названная дата — конец VII в. до н. э. — явно завышена, о чем свидетельствует выявленная на территории Передней Азии и Закавказья (в Тарсусе, Джераре, Тли, Самтавро и др.) группа наиболее ранних скифских наконечников стрел — двухлопастных удлиненно-ромбических типа Енджи [Іллінська, 1973, рис. 41, 42]. Учитывая их датировку — начало — середина VII в. до н. э., можно смело утверждать, что первое появление вещей скифского типа на территории Закавказья вполне соответствует по времени началу скифских походов.

Здесь необходимо сделать небольшое отступление. Б. А. Шрамко отмечал, что нельзя выделять археологическую культуру на основе лишь нескольких отрывочно взятых признаков или по этим признакам определять этническую принадлежность населения, оставившего те или иные памятники. Далее, он, ссылаясь на статьи В. А. Ильинской и автора настоящей работы, писал: «Между тем именно такое положение сложилось в скифологии, где очень часто считают возможным определять скифскую принадлежность памятников лишь по наличию «скифской триады» или даже по одному из элементов этой триады, например по наконечникам стрел. Это ведет к тому, что со скифами связываются совершенно разнородные погребальные комплексы на разных территориях, в которых встречаются двухлопастные с ромбической головкой втульчатые наконечники стрел (типа Енджи или раннежаботинские), хотя остальной материал позволяет считать их киммерийскими новочеркасского типа... Очень странно выглядят по-

пытка видеть в распространении раннежаботинских стрел скифское влияние и делать вывод об освоении скифами в начале VII в. до н. э. Северного Причерноморья и Северного Кавказа при отсутствии в это время чисто скифских погребальных комплексов» [НАА.—1980.—№ 6.—С. 93—94].

С первым положением Б. А. Шрамко спорить не приходится — выделять археологическую культуру или определять этническую принадлежность конкретных памятников на основании отдельных фактов, тем более на основании такого искусственно созданного, что справедливо отмечала В. А. Ильинская [НАА.—1980.—№ 5.—С. 121—122], «культурообразующего признака», как «скифская триада», конечно, не стоит. Однако второе его положение вызывает недоумение, поскольку ни В. А. Ильинская, ни автор настоящей монографии никаких попыток толковать этническую принадлежность конкретных памятников, содержащих в составе инвентаря енджинские наконечники стрел (например, погребение у Енджи и Белоградце), естественно, не делали. Они лишь писали, что появление на территории Северного Кавказа и Северного Причерноморья таких наконечников, не имеющих прототипов в позднейшей предскифской культуре новочеркасского типа и генетически связанных с восточными районами Евразии, археологически отражает проникновение в указанные районы новой волны кочевников с востока, или, как мы условились называть их выше, протоскифов [Іллінська, 1973, С. 26; Мурзін, 1978, С. 23—24; 1984, С. 92—93]. Надежным индикатором являются они и в археологических памятниках Закавказья и Передней Азии, где в контексте соответствующих письменных свидетельств о скифских походах через Кавказ такие наконечники стрел выделяют немногочисленную, но чрезвычайно важную группу памятников, отражающих первые контакты аборигенов и древнейших скифов.

В этой ситуации уместно вспомнить интересную мысль В. И. Абаева, который по поводу аналогичной ситуа-

ции, возникшей, правда, в сфере языкознания, писал: «...в данном случае один или два факта имеют такую же доказательную силу, как десять или двадцать, *если для них нельзя подыскать другое объяснение, кроме прямого факта*» (курсив мой.— В. М.) [1965, С. 131]. Синхронность появления вещей скифского типа в Закавказье и Передней Азии и древнейших письменных упоминаний скифов в переднеазиатских документах позволяет с полным основанием считать археологические материалы полноценным источником для реконструкции истории скифских вторжений в Переднюю Азию. К кругу вопросов, подлежащих уточнению методами археологии, относятся прежде всего такие моменты, как выяснение маршрутов скифских походов через Кавказ и изучение возможности существования в эпоху походов «Скифского царства» на территории Закавказья или Передней Азии.

Маршруты проникновения скифов в Закавказье многократно рассматривались в специальной литературе — достаточно вспомнить работы Е. Минна [Minns, 1913, P. 41—42]. Н. М. Анфимова [1953, С. 79], Я. А. Манандяна [1944, С. 47]. В обобщающей статье Е. И. Крупнова были намечены четыре пути в Закавказье, используемые скифами: через Дербентский проход; по Дарьяльскому ущелью и далее через Крестовый перевал (Военно-Грузинская дорога); через Мамисонский перевал (Военно-Осетинская дорога); вдоль побережья Черного моря (Меото-Колхидская дорога). При этом основную роль, по мнению Е. И. Крупнова, играл путь вдоль побережья Каспийского моря, что подтверждается свидетельствами Геродота [I, 104] — имеются в виду данные о походе Мадия, войско которого прошло, «имея по правую руку Кавказские горы», и археологическими материалами [Крупнов, 1954].

В свою очередь, В. Б. Виноградов привел ряд данных в пользу активного использования скифами центральнокавказских проходов [1964, С. 38—40]. В частности, он еще раз подчеркнул значение для исследования этого

вопроса рзанных разделов свода грузинских летописей «Картлис Цховреба», в которых под именем хазар, как считают многие исследователи, скрыты почти совсем забытые к моменту составления свода скифы: «В ту пору усилились хазары и начали войну с племенами леков и кавкасов... Вслед за этим хазары избрали себе царя. Вся хазарщина стала повиноваться избранному царю, и возглавляемые им хазары прошли Морские ворота, которые ныне именуются Дарубанди. Не в силах оказались Таргомосианы противостоят хазарам, ибо было их бесчисленное множество. Полонили они страну Таргомосианов, сокрушили все города Арарата, Масиса и Севера... Хазары освоили оба пути, как-то: Морские ворота Дарубанди и ворота Арагвские, которые суть Дариала»*.

С точки зрения археологии подошла к этой проблеме М. Н. Погребова. Ей удалось выявить определенные закономерности в размещении на территории Закавказья памятников, содержащих вещи скифского типа, прежде всего их наибольшую концентрацию в Западном и Центральном Закавказье, и на этом основании заключить, что для скифов в VII—VI вв. до н. э. более предпочтительны пути через Центральный и Западный Кавказ. В результате в период походов здесь осела определенная часть собственно скифского населения [1984, С. 41, 197].

С выводом М. Н. Погребовой спорить не приходится. Для того чтобы согласиться с ним, достаточно сравнить две карты: маршрут скифских походов через Кавказ, составленный Е. И. Крупновым (рис. 12), и карту памятников скифской культуры на территории Закавказья, составленную М. Н. Погребовой (рис. 13). При таком сравнении нетрудно заметить, что проведенные Е. И. Крупновым стрелы, обозначающие движение скифов вдоль побережья Каспийского моря, «повисают в воздухе», не имея твер-

дой опоры в археологическом материале. Подтверждается данный вывод и тем, что подобная закономерность прослеживается не только в Закавказье, но и на территории Северного Кавказа — значительная концентрация как собственно скифских, так и аборигенных памятников со следами скифского влияния наблюдается в районе Кавказских Минвод, в Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и Чечено-Ингушетии, примыкающих к центральнокавказским проходам с севера [Мурзин, 1978, С. 31—32].

Вместе с тем нельзя думать, что путь через Дербент использовался скифами лишь как исключение. По всей вероятности, восточный — вдоль побережья Каспия — и западные — через Центральный и Западный Кавказ — пути играли различную роль на разных этапах длившихся более ста лет скифских походов в Переднюю Азию. Восточно-кавказский путь наиболее активно использовался в начальный период походов. Это вытекает из анализа исторической ситуации, возникшей во время походов Ишпакая, Партатуа и Мадия, из которой следует, что восточный маршрут был удобен тем, что позволял скифам проникать во внутренние районы Передней Азии, минуя территорию Урарту и Ассирии [Виноградов, 1964, С. 35—36]. Этот путь достаточно четко окаймлен редкой цепочкой находок наиболее древних наконечников стрел енджинского типа. Они встречены в восточных районах Северного Кавказа — на территории разрушенного в начале VII в. до н. э. кобанского поселения у с. Сержень-Юрт, в дюнах Бажигана, непосредственно на территории Дербента [Козенкова, Крупнов, 1966, рис. 36, 1, 3; Іллінська, 1973, рис. 3, 1; Кудрявцев, 1982, С. 40—41]. Наиболее интересны обстоятельства находок последних. Они выявлены на труднодоступном дербентском холме, крутизна склонов которого делает его естественной крепостью, в слоях со следами пожаров. Едва ли можно сомневаться, что в данном случае мы имеем дело с археологическим отражением одного из наиболее ранних

* Цит. по: Мровели Л. Жизнь Картлийских царей: Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана / Пер., предисл. и коммент. Г. В. Цулая. — М.: Наука, 1979, С. 25.

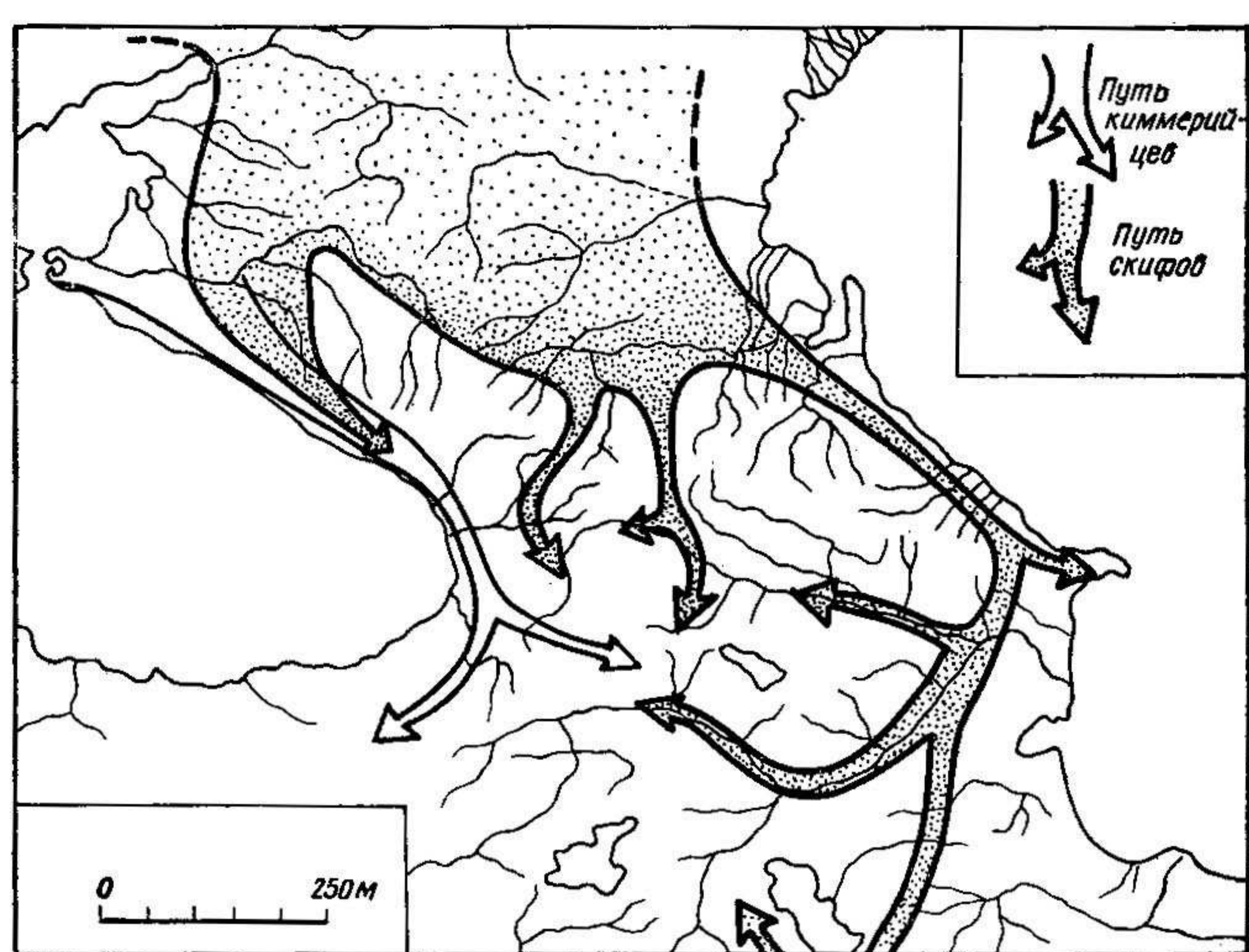

Рис. 12. Маршруты походов киммерийцев и скифов через Кавказ (по Е. И. Крупнову).

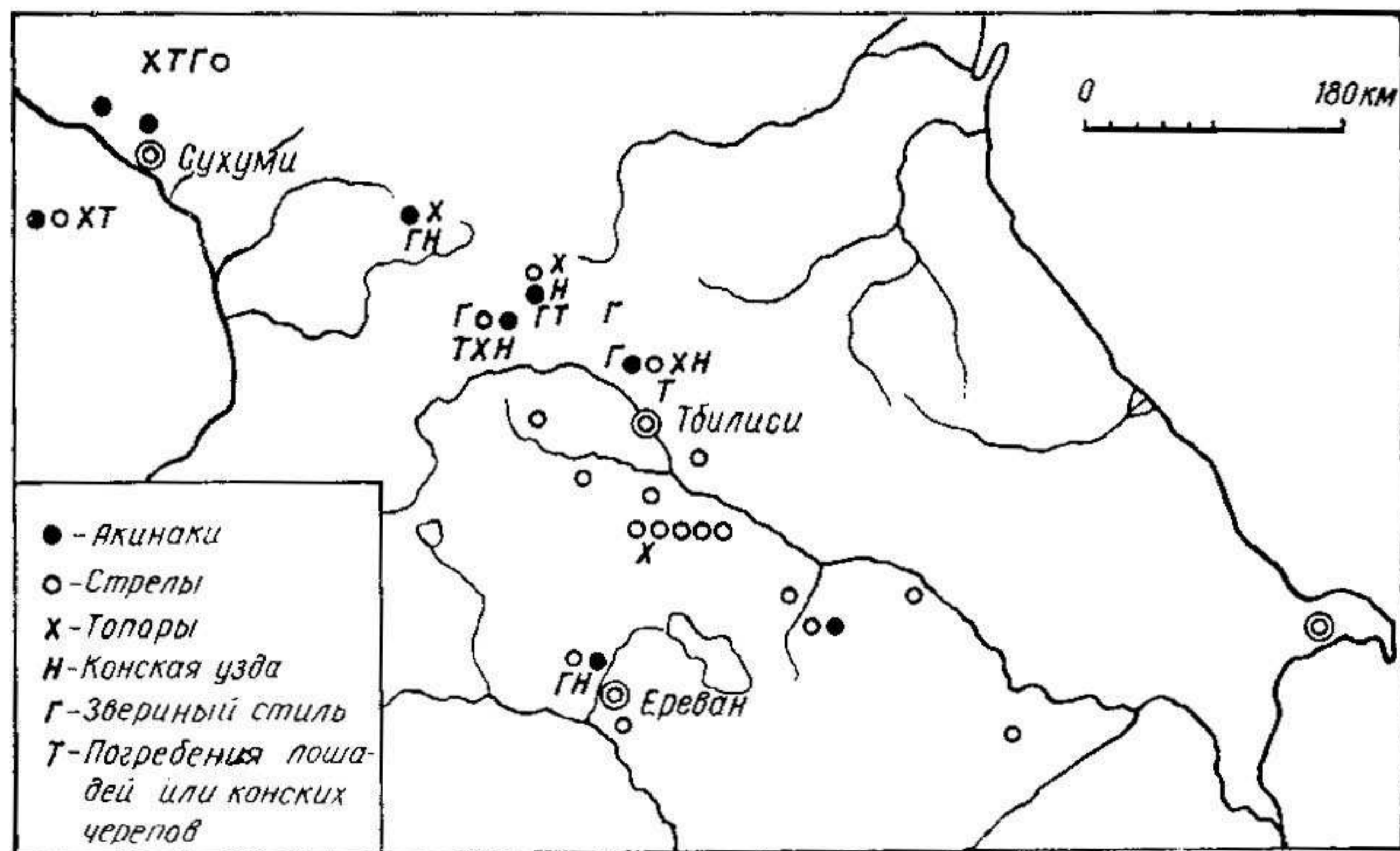

Рис. 13. Памятники скифской культуры в Закавказье (по М. Н. Погребовой).

эпизодов скифских походов. Показательно, что штурм холма был предпринят несмотря на наличие свободного прохода шириной 3,5 км — между холмом и побережьем Каспийского моря. Столь широкий проход означает, что блокированный на холме противник не мог воспрепятствовать движению крупных воинских отрядов. Штурм холма был целесообразен лишь в том случае, если путь через Дербентские ворота использовался не эпизодически, например во время похода Мадия, а регулярно, в качестве той коммуникации, через которую проходило пополнение воинскими контингентами находящегося в Передней Азии войска скифов и осуществлялась его связь с основной территорией и т. д. В этом отношении данный маршрут удобен также и тем, что он проходим в любое время года, тогда как пути, пролежавшие через перевалы Главного Кавказского хребта, зимой практически закрыты.

По мере активизации скифов в Передней Азии ими начинают широко использоваться и дороги, ведущие в Закавказье наиболее коротким путем. Об этом свидетельствует уже упоминавшееся наблюдение М. Н. Погребовой. Использованию путей, пролегающих через Крестовый и Мамисонский перевалы, могло способствовать и то обстоятельство, что к середине VII в. до н. э. сложились вполне мирные отношения между скифами и урартами, к границам которых выводили эти маршруты. Этому благоприятствовало значительное улучшение в середине VII в. до н. э. отношений между Урарту и основным союзником скифов в Передней Азии — Ассирией [Пиотровский, 1959, С. 114, 241—244].

Не менее дискуссионен в литературе и вопрос о существовании самостоятельного «Скифского царства» к югу от Главного Кавказского хребта, который во многом связан с тем, что в запросах Асархаддона к оракулу бога Шамаша о последствиях брака ассирийской царевны с вождем скифов Партатуа последний прямо именуется царем «страны Ишкуза» [Дьяконов, № 68]. По мнению И. М. Дья-

конова, ассирийцы, таким образом, считали главу скифов именно «царем» определенной страны, причем находившейся в пределах сферы действия ассирийской дипломатии [1956, С. 246].

В ассирийских документах этого же времени имя скифов упоминается при описании событий в Манейском царстве, союзником которого был Ишпакай. Более того, в запросах Асархаддона непосредственно упоминается «войско скифов, которые живут в области Страны Маннеев», откуда оно, пройдя через перевалы, нападает на пограничные районы Ассирии [Дьяконов, № 68]. Неподалеку от г. Саккыза, на территории бывшего Манейского царства, располагавшегося в Приурмийском районе, найден и знаменитый клад, хронология и этническая атрибуция которого до сих пор находятся в центре внимания исследователей. Уже в одной из первых публикаций, посвященных Саккызскому кладу, ее автор Р. Гиршман определял время создания клада второй четвертью VII в. до н. э. и допускал связь клада со «Скифским царством», столица которого могла располагаться в районе Саккыза [Girshman, 1950, P. 201]. Несколько позже Р. Барнетт предложил датировать клад концом VII в. до н. э. и доказал, что большинство вещей представляет собой инвентарь погребения [Barnett, 1956]. Б. Б. Пиотровский обратил внимание на значительные параллели в декоре многих вещей из Саккыза и орнаментальных деталях на вещах из Келермесса и Мельгунова, что позволило ему поддержать вторую точку зрения относительно датировки клада. Отмечая, что большинство предметов из погребения скифского вождя у г. Саккыза составляет добычу, захваченную при разгроме Ассирии, Б. Б. Пиотровский также локализует «Скифское царство» в районе озера Урмия [1954, С. 151; 1959, С. 245—246, 255]. Если говорить о скифологах, то подобную точку зрения высказывали А. И. Тереножкин и В. А. Ильинская, указавшие на находки других вещей скифского типа, в частности костяных

пластинчатых псабиев из окрестностей Саккыза [Тереножкин, Ильинская, 1983, С. 43].

К иному заключению пришел И. М. Дьяконов. В результате анализа письменных источников он локализовал ядро «Скифского царства» в среднем течении р. Куры, на территории современного Азербайджана — там, где позднее располагалась область Сака-сена. Археологическое подтверждение своему выводу он видел в погребальных памятниках Мингечаура, содержащих ряд элементов скифской культуры [1956, С. 246—254].

Сомневаться в присутствии скифов на территории Манейского царства не приходится — данные письменных источников на этот счет вполне определены. Объяснить это присутствие можно рядом причин. Главную роль, с нашей точки зрения, играли географические особенности этого района. Во-первых, здесь — в окрестностях современного Саккыза — всегда было развито земледелие, позволявшее снабжать хлебом даже прилегавшие области. Это обстоятельство, конечно, было весьма привлекательным для кочевников-скифов, поскольку позволяло использовать местные экономические ресурсы в целях снабжения своих отрядов. Во-вторых, хорошо защищенные горными хребтами долины расположены почти в центре Передней Азии и имеют выходы на запад — на плодородные равнины Двуречья, являвшиеся основной целью скифских походов, и север — в степи Азербайджана, откуда через Дербент пролегал хорошо освоенный скифами путь в степные районы Восточной Европы.

Значение указанного района для скифов в период их походов в Переднюю Азию можно в какой-то степени представить, знакомясь с историей существовавшего здесь много позднее Арделанского княжества, ставшего одним из центров курдских племен и сумевшего сохранить благодаря трудной доступности района свою независимость вплоть до 60-х годов XIX в. Арделанские князья водили отряды к Мосулу, Багдаду, Шуше. Географическое положение их княжест-

ва позволяло использовать политические разногласия, возникавшие между другими государствами. Так, один из них — Тимур-хан, который «принимал сторону то Турции, то кызылбашей», «в любую сторону гнал коня отваги и своеволия, грабил и разорял окрестности, угонял скот и овец. Далекие и близкие от страха перед ним были в тревоге и смятении, весь мир был утрачен им» [Хусрав ибн Мухаммад Бани Ардалан. Хроника, 17 б] *. Этот красочный рассказ летописца Арделанского княжества, перекликаясь с известным рассказом Геродота о буйствах скифов в Передней Азии **, невольно заставляет вспомнить историю скифской гегемонии и с определенными поправками на иное время и иную политическую карту данного региона дает яркое и образное представление о ее характере, выяснить который, как мы уже писали, можно только через призму борьбы Ассирии и противостоящих ей стран.

Благоприятствовала скифам и этническая обстановка, сложившаяся в Приурмийском районе в VII в. до н. э. Чем бы ни завершились споры историков и лингвистов по поводу этнической принадлежности основной части населения этой территории накануне образования Мидийского государства, совершенно очевидно, что к VII в. до н. э. в области, примыкающей к озеру Урмия, имелась значительная прослойка родственного скифам по языку иранского населения [см., напр.: Дьяконов, 1956, С. 277—278; Грантовский, 1975, С. 314].

Проикновению скифов на указанную территорию способствовала также политика манейских царей, которые стремились к союзу со скифами и не препятствовали их расселению в

* Цит. по: Ибн Мухаммад Бани Ардалан Х. Хроника. Издание текста, пер. с перс.; Введ. и примеч. Е. И. Васильевой. — М.: Наука, 1984—220 с.

** «В течение двадцати восьми лет скифы властвовали над Азией и за это время они, преисполненные наглости и презрения, все опустошили. Ибо, кроме того, что они с каждого взимали дань, которую налагали на всех, они еще, объезжая страну, грабили у всех то, чем каждый владел» [Геродот, I, 106].

пределах своего царства [Меликишвили, 1949, С. 67].

Но значат ли эти факты, что территория Маны была завоевана скифами и здесь было создано самостоятельное «Скифское царство»? Едва ли. Они свидетельствуют, что прилегающая к озеру Урмия с юга территория была выгодна скифам как стратегически удобный плацдарм, находившийся в непосредственной близости от жизненно важных центров древневосточных государств. Естественно, в таком случае скифские вожди были заинтересованы в сохранении довольно сильного Маннейского царства и использовании его в качестве надежного союзника, обеспечивающего безопасность этого плацдарма. Не случайно в VII в. до н. э. Мана начинает играть на политической арене очень заметную роль, тесня вначале вместе со скифами Ассирию, а затем, так же, как и скифы, — став ее союзником и выступая против Мидии и Вавилона [Меликишвили, 1949, С. 67—68]. Причем в текстах этого времени Манна упоминается в качестве самостоятельного государства, союзного скифам, но существующего параллельно «Скифскому царству» [Дьяконов, 1956, С. 248].

Посмотрим теперь, могло ли последнее находиться к северу от Маны, между Курой и Араксом, как это предполагает И. М. Дьяконов. Действительно, раскинувшиеся здесь степи на протяжении многих веков привлекали проникавших в Закавказье кочевников. Уже на рубеже I—II тыс. н. э. здесь, как считают И. Алиев и М. Н. Погребова, появляются пришедшие из южнорусских степей группы ираноязычного населения. В античное время в этом районе находились Камбисена и Сакасена письменных источников. В первые века н. э. эти места стали базой вторгшихся в Закавказье аланских племен [Алиев, 1971; Алиев, Погребова, 1981, С. 129]. Все это делает локализацию «Скифского царства» правдоподобной.

Однако В. Б. Виноградов, анализируя письменные источники, очень точно подметил малочисленность сведе-

ний о «Скифском царстве» в клинописных документах, что, по его мнению, свидетельствует о слабом знакомстве ассирийцев с этим политическим образованием. Такой факт можно объяснить лишь в том случае, если допустить, что территория «Скифского царства» находилась вообще за пределами Закавказья. Более поздние источники, указывающие на обитание в интересующем нас районе зависимого от Мидии скифского населения, могут свидетельствовать о возникновении уже после окончания переднеазиатских походов на территории освоенных ранее районов современного Азербайджана небольшого скифского объединения, вскоре попавшего в зависимость от Мидии [Виноградов, 1964, С. 27—28]. Выводам В. Б. Виноградова прямо соответствуют наблюдения И. В. Пьянкова, согласно которым основная территория кочевников при набегах на Переднюю Азию всегда находилась в северных степях, откуда на юг проникали лишь отряды воинов [Пьянков, 1979, С. 198]. Это же подтверждают и некоторые археологические данные. В специальной статье, посвященной элементам скифской культуры в Азербайджане, Дж. А. Халилов [1971, С. 187] счел возможным отметить: «Среди находок из Азербайджана той поры предметы «скифского» облика занимают очень незначительное место... Вероятно, скифы имели здесь какую-то опорную базу, где после очередного похода они приводили в порядок свое войско и готовились к следующим набегам... Но сколько-нибудь ощутимых признаков «Скифского царства» в Азербайджане нет».

С выводами В. Б. Виноградова и Дж. А. Халилова не согласился И. Алиев, который, придерживаясь взглядов И. М. Дьяконова на локализацию «Скифского царства», прямо связывает со скифами грунтовые погребения Мингечаура [Алиев, 1979]. Помочь в этом затянувшемся споре мог только подробный археологический анализ соответствующих памятников. Его проделала М. Н. Погребова. Картографировав и хронологиче-

ски разделив памятники скифского типа в Закавказье, она убедительно показала, что постоянное скифское население в Восточном Закавказье появляется не ранее VI в. до н. э. С VI по IV в. до н. э. территория «в районе слияния Куры и Иоры может со значительной долей уверенности отождествляться с Сакасеней. Археологических данных для определения территории Сакасеней в предшествующий период пока нет» [Погребова, 1984, С. 199—200].

Сейчас мы совершенно уверены, что поиски следов «Скифского царства» на территории Передней Азии или Закавказья лишены какой-либо перспективы. Мы полностью согласны с точкой зрения В. Б. Виноградова, согласно которой «царство Ишкуза» ассирийских письменных источников должно было находиться к северу от Главного Кавказского хребта, соответствуя основной территории скифских кочевий. Такой территорией в VII—VI вв. до н. э. были степи Прикубанья и Северного Кавказа, где в эпоху переднеазиатских походов обитало основное ядро скифских племен [Мурзин, 1978; 1984, С. 99—100].

На территории Северного Кавказа собственно скифские погребальные памятники интересующего нас времени обнаружены в степных районах Ставропольщины, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и Чечено-Ингушетии.

В числе таких памятников Ставрополя отметим прежде всего исследованные В. Г. Петренко у хут. Красное Знамя курганы, среди которых наиболее известен курган № 1. Под его 11-метровой насыпью находилась каменная гробница, окруженная несколькими рядами плетня и каменной крепидой. Рядом с крепидой выявлен жертвенный комплекс — довольно обширное прямоугольное помещение, построенное из камня. Здесь были найдены скелеты двух коней, рядом с ними находились уздечки со стремячководными удилами, наконечники стрел, бронзовая обкладка дышла с изображением богини Иштар и пр. За крепидой, к востоку от центра, было про-

слежено еще одно каменное сооружение, в котором находился каменный жертвенник с остатками костра. В. Г. Петренко датирует курган серединой — третьей четвертью VII в. до н. э. [1975; 1983, С. 44].

Неподалеку от кургана № 1 были исследованы еще три кургана, которые также можно датировать в пределах VII в. до н. э. [там же, 1983, С. 44]. Этим же временем датируется Алексеевский курган, откуда происходят бронзовые двухлопастные наконечники стрел жаботинского типа, бронзовые стремячководные удила с дополнительными звеньями, бронзовые трубчатые трехдырчатые псалии жаботинского типа и другие принадлежности конской узды [Минаева, 1956, С. 131].

К VII — началу VI в. до н. э. относятся Ставропольский курган 1953 г., где найдены двух- и трехлопастные бронзовые наконечники стрел, стремячководные удила, наконечник копья и др., и Ставропольский курган 1924 г., датируемый на основании найденного здесь жаботинского наконечника стрелы [там же, С. 329—332].

Курган у с. Сотниковское датируется VI в. до н. э.; разрушен, обнаруженные в нем вещи поступили в Ставропольский краевой музей. Среди вещей два бронзовых трехлопастных наконечника стрел, нижняя часть акинака, точильный брусок, отросток оленьего рога и два фрагмента лепного горшка [там же].

Многочисленные вещи скифского типа происходят из разрушенных курганов на р. Мамайка (юго-восточная окраина г. Ставрополя): принадлежности конской узды, железные акинаки с брусковидными навершиями и бабочковидными перекрестиями, бронзовый двухлопастный наконечник стрелы с головкой, близкой по форме к ромбической. Типы вещей позволяют суммарно датировать Мамайские курганы VI—V вв. до н. э. [там же, С. 332—334].

На территории Кабардино-Балкарской АССР памятники VII—VI вв. до н. э. еще не так давно были из-

вестны сравнительно мало. Несомненно, этим временем датируется Кармовский курган, откуда происходит бронзовое зеркало с ручкой на обороте [Виноградов, 1972, С. 35, 42], и некоторые из разрушенных Вольно-Аульских курганов, с которыми связан бронзовый конский налобник, аналогичный по форме ранним налобникам Прикубанья и Поднепровья [Виноградов, 1972, рис. 4, 5; Мурзин, Черненко, 1980]. Однако несколько лет назад у с. Нартан близ г. Нальчика, исследованы 24 кургана, в каждом из которых содержалось по одной гробнице в виде обширных (размерами от 3×3 до $6,5 \times 6,5$ м при глубине до 2,2 м) квадратных ям, перекрытых деревом. Судя по наличию канавок, выкопанных в дне некоторых ям вдоль стенок (курганы № 12 и 16), стены в них были облицованы деревом. Деревянные конструкции в ряде погребальных сооружений были, очевидно, подожжены после совершения обряда захоронения. Ярко выраженные следы в виде углей, золы, докрасна обожженной глины зафиксированы в курганах № 12—14, 16.

Погребения индивидуальные и парные. Разрушенные в большинстве случаев грабителями скелеты умерших, судя по всему, фиксируют скорченное положение погребенных. В большинстве гробниц (19 из 24 исследованных) обнаружены также скелеты лошадей — от 1 до 4—5. Инвентарь погребений многочислен и разнообразен. В его составе предметы вооружения, конская узда, вещи, оформленные в скифском зверином стиле.

Предварительно курганы датированы VI—V вв. до н. э. [Нагоев, 1980]. В принципе, эта датировка сохранена и в подробной публикации Нартановских курганов В. М. Батчаева. По его мнению [1985, С. 51—52], наиболее вероятной датой могильника следует считать VI—V вв. до н. э., допуская при этом удревнение отдельных комплексов до конца VII или рубежа VII—VI вв. до н. э. С нашей точки зрения, материалы Нартановского кургана едва ли дают основание датировать эти памятники вре-

менем позже VI в. до н. э. Требуется пересмотра и нижняя хронологическая граница могильника. Совершенно очевидно, что некоторые комплексы твердо могут быть отнесены к VII в. до н. э. В отношении материалов из кургана № 20, где обнаружены бронзовые стремячковые удила, бронзовые сосуды кавказского происхождения, а также бронзовый шлем кубанского типа, это уже отмечалось ранее [Галанина, 1985, С. 172—173]. Этим же временем, по нашему убеждению, можно датировать и курган № 14, в котором найдены золотые круглые бляхи, украшенные выполненным в духе позднейших предскифских традиций геометрическим орнаментом, и бронзовая обойма для ремней, изготовленная в виде клюва хищной птицы, аналогичная подобным же вещам из Кармир-Блура и погребения 1921 г. Каменноостского могильника. Такая же бронзовая обойма была найдена и в кургане № 21 у с. Нартан. Из этого кургана происходит и костяной резной наконечник ножен меча, выполненный в виде свернувшегося в кольцо кошачьего хищника, аналогии которому известны среди датируемых VII в. до н. э. материалов Тлийского могильника. К VII в. до н. э. следует отнести, по-видимому, и курганы № 15—17, из которых происходят покрытые геометрическим орнаментом уздечные бляхи.

Значительный интерес представляет и вопрос об этнической принадлежности Нартановских курганов. Затрагивая его, В. М. Батчаев [1985, С. 53] приходит к выводу, что их следует рассматривать как «скифские», подразумевая при этом связь Нартановских курганов с широким кругом раннекочевнических культур скифского типа. Едва ли в данном случае такое широкое толкование вполне определенного этнического термина имеет смысл. По всем своим характерным чертам курганы у с. Нартан заметно тяготеют к собственно скифским памятникам, в частности к погребальным памятникам северопричерноморских скифов. Наличие в Нартановских курганах обширных прямоугольных ям, перекрытых

деревом, сооруженных в грунтовых ямах деревянных гробниц, следы сожжения деревянных конструкций, сопровождающие конские захоронения, находит аналогии среди архаических собственно скифских погребальных памятников [Мурзин, 1984, С. 48—56] и может быть использовано в качестве доказательства собственно скифской принадлежности курганов у с. Нартан. Об этом свидетельствует и большая насыщенность Нартановских курганов вещами скифского типа, выделяющая их на фоне местных памятников. Настораживает лишь то обстоятельство, что многие из погребенных в этих курганах были положены скорченно на боку. Впрочем, на материале ранних — VII—VI вв. до н. э. — скифских памятников Северного Причерноморья зафиксированы довольно многочисленные отклонения от характерной для скифов традиции хоронить умерших в вытянутом положении на спине [Мурзин, 1984, С. 53]. Все это дает нам основание отнести курганы у с. Нартан к числу скифских памятников VII—VI вв. до н. э.

На территории Чечено-Ингушетии одним из древнейших памятников скифской культуры является курган у с. Гвардейское, откуда происходит бронзовый литой шлем кубанского типа [Виноградов, 1973]. В статье, посвященной доспехам такого рода, Л. К. Галанина убедительно обосновывает тезис, что истоки шлемов такой формы следует искать в древностях Передней Азии, а их появление в скифских памятниках было прямым следствием переднеазиатских походов [Галанина, 1985], что позволяет отнести находку из с. Гвардейское к VII— началу VI в. до н. э.

Этим же временем датируется курган у с. Степное. Под насыпью найдено погребение, совершенное в могильной яме размерами $2,2 \times 1,2 \times 0,4$ м, стенки которой были обложены бревнами. Незначительная глубина ямы, возможно, говорит в пользу того, что данное погребальное сооружение представляло собой деревянный склеп, возведенный практически на поверхности и лишь незначительно впущенный в

древнюю почву. Скелет погребенного лежал на растительной подстилке вытянуто на спине, головой на запад. При нем находился железный акинак с бронзовой рукоятью, снабженный брусковидным навершием и бабочковидным перекрестием. На клинке акинака сохранились следы истлевших деревянных ножен, украшенных на нижнем конце бронзовым литым изображением свернувшейся в кольцо пантеры, выполненным в соответствии с традициями раннескифского звериного стиля. Рядом с деревянным срубом, в котором покоился умерший, выявлены конские кости, — по-видимому, остатки сопровождающего захоронения коня [Виноградов, 1974].

Весьма архаичным скифским памятником является и курган, разрушенный при строительных работах у станции Червленной. Погребение совершено на уровне древнего горизонта. Инвентарь представлен двухлопастными бронзовыми наконечниками стрел с шипами на втулке, фрагментами керамики и глиняной статуэткой, изображающей мужчину в острокопечном головном уборе [Виноградов, 1966].

Вторая, довольно многочисленная и вместе с тем компактная группа скифских памятников, расположена в Среднем Прикубанье. Одним из наиболее ранних среди них является комплекс из ст. Махошевской, который, по мнению А. А. Иессена, представлял инвентарь погребения. В него входят бронзовые двухкольчатые удила, семь бронзовых трехпестельчатых псалиев с расширяющейся нижней лопастью, три навершия скифского облика [Иессен, 1953, С. 63]. М. И. Ростовцев сообщал о находке вместе с этими вещами и бронзового шлема [Rostovtseff, 1922, P. 49], который, как справедливо заметил Е. В. Черненко [1968, С. 81], мог быть скорее всего шлемом кубанского типа.

Широкую известность приобрели Келермесские курганы, четыре из которых раскопаны Д. Г. Шульцем, а два — Н. И. Веселовским.

Описывать их едва ли необходимо. Отметим лишь, что до недавнего вре-

мени наиболее широко публиковались и исследовались происходящие из этих курганов вещи уникальные, такие, как серебряное зеркало и ритон [Максимова, 1954; 1956], золотая чаша с изображениями бегущих птиц [Манцевич, 1962], парадный меч [Черненко, 1980] и пр. Между тем в Келермесских курганах выявлено более 200 наконечников стрел, более 20 наверший, десятки удил, псалиев и прочих деталей конской узда. Эти вещи особенно важны для датировки Келермесских комплексов. Успешная работа в этом направлении ведется Л. К. Галаниной. На основании уздечных наборов ей удалось уточнить хронологию погребальных памятников Келермесса. В результате выяснилось, что наиболее древними комплексами являются курганы, исследованные Н. И. Веселовским. Они датируются третьей четвертью VII в. до н. э. Остальные памятники несколько более поздние, однако и они не выходят за пределы рубежа VII—VI — начала VI в. до н. э. [Галанина, 1983].

Примерно одновременно с Келермесским комплексом I Разменный курган у ст. Костромской, где найдена знаменитая золотая бляха в виде оленя с подогнутыми ногами, украшавшая щит. Началом VI в. до н. э. датируются три кургана, исследованные неподалеку от Ульского аула в 1908 г., и курган, открытый здесь в 1910 г. [Тереножкин, Ильинская, 1983, С. 68].

Таким образом, на территории степных районов Предкавказья и Северного Кавказа к настоящему времени известно не менее 50 скифских комплексов VII—VI вв. до н. э. Большинство из них отличается внушительностью погребальных сооружений и богатством инвентаря. Все это дало

нам основание предположить, что центр скифского политического объединения в эпоху переднеазиатских походов и сразу после их окончания находился в степях Прикубанья и Северного Кавказа, поскольку именно эти районы подходили в качестве опорной территории при походах в Закавказье и Переднюю Азию [Мурзин, 1984, С. 104]. Неслучайно описанные выше памятники довольно заметно объединяются в две группы — прикубанскую, имевшую выход к побережью Черного моря и далее на юг, и северокавказскую, расположенную у центральнокавказских путей в Закавказье. Успешному проведению походов был подчинен выбор маршрутов, зависящий от конкретной обстановки и освоения удобных в стратегическом отношении районов в современном Азербайджане и к югу от озера Урмия. Целям походов была подчинена политика скифских вождей в Передней Азии, заключающаяся в использовании разногласий между Ассирией и противостоящими ей странами. В результате в скифские кочевья поступают значительные богатства, захваченные во время походов, не исключено, что сюда же приводили пленных ремесленников, которые снабжали оружием и другим военным снаряжением [Тереножкин, 1975, С. 9]. Эпоха переднеазиатских походов — одна из вершин скифской истории, что нашло археологическое отражение в сооружении в это время грандиозных погребальных комплексов скифских вождей, таких, как курганы у хут. Красное Знамя, Келермесские, Ульские, Костромской. Только учитывая все это, можно подойти к очень важному для нас вопросу о путях сложения северопричерноморской Скифии.

Глава IV ОБРАЗОВАНИЕ СЕВЕРОПРИЧЕРНОМОРСКОЙ СКИФИИ

Археологи, изучающие историю скифского населения Северного Причерноморья, хорошо знают о крайней малочисленности наиболее архаических скифских памятников на этой территории. Так, к VII—VI вв. до н. э. относятся не более 20 скифских погребений, открытых в южных районах Украины, которые равномерно «разбросаны» на этом обширном пространстве и в большинстве своем, за исключением курганов у слободы Криворожье на р. Калитва и Мельгуновского, отличаются весьма скромным инвентарем.

Иначе обстоит дело с памятниками более позднего времени. В сводках, учитывающих материалы, полученные примерно к 1980 г., удалось учесть более 80 скифских погребений конца VI—V вв. до н. э., расположенных между Дунаем и Доном. При этом основная их масса — до 70% — концентрируется в Нижнем Поднепровье и Степном Крыму, где обнаружены и наиболее богатые скифские памятники этого времени — такие курганы, как Острая Томаковская Могила и Бабы, Первая Завадская и Чабанцева Могилы, Золотой, Ак-Мечетский курганы и т. д. [Тереножкин, Ильинская, 1983, С. 89—118; Мурзин, 1984, С. 11—47]. В отличие от более ранних число памятников этого времени постоянно растет в результате новых археологических исследований. За пять лет, прошедших с момента составления указанных выше сводок, открыто не менее 50 (большинство не опубликовано) погребений конца VI—V вв. до н. э. Они выявлены главным образом на территории Днепропетровского, Запорожской, Херсонской и

Николаевской областей. Необходимо добавить, что выше речь шла лишь о памятниках, датировка которых не вызывает ни малейших сомнений. Между тем известно значительное число рядовых скифских погребений, инвентарь которых может быть отнесен как ко второй половине V, так и к первой половине IV вв. до н. э. Возможно, в дальнейшем в результате разработки более дробной хронологической шкалы для памятников V—IV вв. до н. э. — такая попытка была сделана, например, С. В. Полиным [Полін, 1987, С. 30—32] — многие из них пополнят список скифских памятников V вв. до н. э., сделав эту группу археологических объектов еще более весомой.

Малочисленность древнейших (VII—VI вв. до н. э.) скифских памятников на территории степного Северного Причерноморья вполне контрастно выделяется не только на фоне расположенных в этом регионе обширных и часто встречающихся могильников IV вв. до н. э., но и на фоне скифских памятников V вв. до н. э., что, несомненно, требует объяснения.

Наибольшее распространение получили два истолкования этого факта. Согласно В. А. Ильинской, причина кроется в существовании в период архаики специальных, удаленных от степного Причерноморья и укрытых на местности кладбищ, которые она отождествляет с упомянутым Геродотом Герросом. По ее мнению, описанию Геродота наиболее соответствует Посульская группа курганов скифского времени [Ильинская, 1968, С. 187]. В основе точки зрения, неоднократно излагавшейся М. И. Артамоновым

[см., напр.: 1970, С. 26—29; 1975, С. 102—104], и, по сути, поддержанной А. М. Хазановым [1975, С. 226], лежит представление о запустении Северного Причерноморья в VII—VI вв. до н. э. вначале в связи с оттоком наиболее активной части его населения к югу от Главного Кавказского хребта, вызванным переднеазиатскими походами скифов, а затем крахом скифской экспансии в Переднюю Азию, который на определенное время обескровил племена кочевых скифов.

Предположению В. А. Ильинской противоречат, с нашей точки зрения, два обстоятельства. Во-первых, упоминаемая Геррос, Геродот имел в виду совершенно определенную местность, где в его эпоху, т. е. в V в. до н. э., скифы хоронили своих царей [Геродот, IV, 71]. Никакими сведениями о наличии специальных кладбищ скифской знати в VII—VI в. до н. э. и их местоположении мы не располагаем. Во-вторых, возникновение посульских курганов относится, по В. А. Ильинской, ко времени не ранее второй четверти VI в. до н. э. [Ильинская, 1968, С. 181], что по-прежнему оставляет незаполненным практически столетний отрезок времени, т. е. VII—начало VI в. до н. э. Ситуация едва ли изменится, если даже мы учтем наметившуюся в последние годы тенденцию к удревнению многих скифских памятников, в том числе таких опорных для хронологии скифской культуры, как Келермес. В любом случае посульские курганы в плане относительной хронологии более поздние, чем Келермесские. Следовательно, дата наиболее ранних скифских курганов Посулья вряд ли может быть опущена ниже рубежа VII—VI вв. до н. э.

Что же касается точки зрения М. И. Артамонова, то для ее уяснения необходимо вернуться к наблюдениям, сделанным в предыдущей главе.

Мы уже отмечали, что имеющиеся данные противоречат выводам М. И. Артамонова, трактовавшего движение в Переднюю Азию как переселение

всего народа с целью обосноваться на захваченной территории. Скифские вторжения в Переднюю Азию носили характер военных походов, бравших начало в степных районах Северного Кавказа. Соответственно ликвидация скифской гегемонии в Передней Азии, обусловленная не столько полным разгромом вторгшихся скифов, сколько изменением политической обстановки в этом регионе, не могла привести к катастрофическим последствиям, способным отразиться на жизнеспособности «царства Ишкуза», расположенного к северу от Главного Кавказского хребта. Поэтому объяснить относительную малочисленность скифских памятников VII—V вв. до н. э. на территории степной части Северного Причерноморья упадком и ослаблением скифских племен едва ли возможно.

Кроме того, об ослаблении скифов, по мнению ряда исследователей [Яценко, 1959, С. 109; Артамонов, 1970, С. 28—29], говорит также преобладание в степной части Северного Причерноморья среди древнейших скифских захоронений погребений, впущенных в насыпи более ранних курганов. Однако это, с нашей точки зрения, обусловлено совсем иными причинами. А. Д. Грач, зафиксировавший подобную картину в погребальных памятниках Тувы, где курганы алды-бельской культуры перекрывают более ранние захоронения, усматривает своеобразную символику победы и завоевания данной территории [Грач, 1980, С. 60—61]. Если учесть, что насыпи северопричерноморских курганов сложены из плиток дерна и представляют собой, по мнению Р. Ролле [Rolle, 1979, S. 42], не что иное, как «скатанные», сконцентрированные в одном месте пастбищные угодья, то традиция сооружения впускных захоронений у ранних скифов, хорошо известная, кстати, и у ряда других кочевых народов в период их вторжения на новую территорию, может рассматриваться как стремление идеологически закрепить свое право на обладание завоеванными районами. Вероятно, в этом кон-

тексте несколько иное значение приобретает и ответ скифского царя Иданфирса Дарию I Гистаспу, на предложение которого решить в битве, кому владеть северопричерноморскими степями, он сказал: «Если же тебе нужно во что бы то ни стало спешно вступить в битву, то у нас есть отчие могилы. Попробуйте найти их и попытайтесь разрушить, и тогда вы узнаете, будем ли мы сражаться из-за могил или не будем» [Геродот, IV, 127].

Таким образом, малочисленность скифских погребений в Северном Причерноморье объясняется, с нашей точки зрения, тем, что северопричерноморские степи на заре скифской истории оставались достаточно малонаселенной перефирией территории скифов, освоение которой только начиналось, тогда как центр Скифии размещался в степях Прикубанья и Северного Кавказа, где, как мы стремились показать выше, сосредоточены довольно многочисленные захоронения скифской знати и царей VII—VI вв. до н. э.

Однако существование центра Скифии в степях Предкавказья и Северного Кавказа было сравнительно недолгим. Как явствует из рассказа Геродота о вторжении в Скифию войск Дария I, к концу VI в. до н. э. обширные пространства Северного Причерноморья были уже прочно освоены скифскими племенами, объединенными под властью скифов-царских. Оформились к этому времени и границы северопричерноморской Скифии, причем восточная ее граница проходила по р. Дон [Геродот, IV, 17—21].

Соответствует рассказу Геродота и археологический материал: именно с конца VI в. до н. э. на территории степного Северного Причерноморья заметно увеличивается число скифских погребальных памятников, появляются скифские захоронения с многочисленным и богатым инвентарем. К сожалению, процесс перемещения ядра Скифии из восточных районов в Северное Причерноморье не фиксируется. Единственным отголоском этих событий является рассказ Геродота, согласно которому скифов на пу-

ти в Северное Причерноморье «ожидали трудности, не меньшие, чем война с мидийцами; они обнаружили, что им противостоит немалое войско: дело в том, что жены скифов, когда их мужья долгое время отсутствовали, вступили в связь с рабами... И вот дети, родившиеся от этих-то рабов и жен, достигли юношеского возраста. Узнав об обстоятельствах своего рождения, они задумали воспротивиться тем, кто возвращался из страны мидийцев» [Геродот, IV, 1—3]. Полулегендарный, эпический характер данного повествования не вызывает сомнения. Не случаен здесь и переданный Геродотом рассказ [IV, 4—5] о том, что скифы, не сумев покорить потомков рабов с помощью оружия, прибегли к помощи плетей, завидев которые их противник разбежался. Подобный сюжет довольно распространен в эпических сказаниях различных кочевых народов,— например, в эпосе тюрко- и монголоязычных народов плеть служит не только для управления конем, ею наказывают младших по возрасту родственников. Ею же убивают врагов, недостойных почетного удара клинком или саблей [Липец, 1984, С. 81]. Поэтому можно вполне понять тех специалистов, в том числе и С. А. Жебелева [1953, С. 329—330], которые усомнились в исторической ценности приведенного повествования*.

Вместе с тем другие исследователи склонны видеть в этом отрывке отражение конкретных событий, связанных с окончательным освоением скифами обширных пространств Северного Причерноморья, возвращением позиций, утраченных в период переднеазиатских походов, полным покорением местных северопричерноморских племен [Хазанов, 1975, С. 228—229]. Однако и при таком толковании сведений Геродота по-прежнему неясными остаются три основных вопроса: 1) к какому времени относятся описываемые события? 2) кто конкретно

* Подробнее о проблеме выделения скифских фольклорных мотивов в IV книге Геродота и других произведениях античных авторов см.: [Лелеков, Раевский, 1979; Раевский, 1985, С. 33—76].

противостоял скифам в этой войне? 3) каковы конкретные причины этого конфликта? Ответ на эти вопросы во многом прояснит процессы, связанные с формированием северопричерноморской Скифии.

К сожалению, информативные возможности письменного источника в данном случае крайне ограничены. Поэтому единственный путь для выяснения поставленных вопросов заключается в анализе исторической ситуации, сложившейся на территории восточноевропейской степи в период и накануне упомянутых выше событий. Установить этот отрезок времени не представляет особого труда, поскольку военные действия, описанные Геродотом, имеют надежные хронологические координаты: они произошли в период между окончанием переднеазиатских походов и полной стабилизацией восточной границы северопричерноморской Скифии. Одним из последних событий, связанных с пребыванием скифов на территории Закавказья и Передней Азии, была война между мидийским царем Киаксаром и лидийским правителем Алиаттом, завершившаяся около 585 г. до н. э. Окончательное же оформление границ Скифии в пределах Северного Причерноморья относится ко времени не позднее конца VI в. до н. э. Таким образом, описанное Геродотом столкновение могло произойти где-то около середины VI в. до н. э., а интересующий нас промежуток времени соответственно охватывает всю первую половину VI в. до н. э.

Как отмечалось ранее, конец VII—начало VI в. до н. э. является временем наивысшего расцвета скифской культуры в степных районах Предкавказья и Северного Кавказа. Переднеазиатские походы, ставшие неисчерпаемым источником обогащения, нашли отражение в погребальном инвентаре грандиозных курганов Прикубанья и Ставропольщины, сравнимых по своим размерам и количеству накопленных в них богатств разве что с курганами скифских царей IV в. до н. э. Усиление Мидии и ликвидация скифского господства в Передней

Азии, а затем и полное изгнание скифов из этого района крайне негативно воздействовали на развитие скифского общества, так как лишали его весомой доли прибавочного продукта, получаемого к тому же в виде столь необходимых скифам ремесленных изделий и продукции земледельческого хозяйства. Северокавказские степи, некогда служившие скифам базовой территорией для действий в Передней Азии, лишившись своего основного преимущества, превратились в довольно изолированный регион, удаленный от основных земледельческих центров того периода.

Можно заключить, что окончание переднеазиатских походов в определенной степени отразилось и на положении, сложившемся в степном Северном Причерноморье. Если к VII в. до н. э. традиционно относят погребение на Темир-Горе*, датируемое на основании найденной здесь родосско-милетской ойнохой серединой — третьей четвертью VII в. до н. э. [Копейкина, 1972], то на рубеже VII—VI вв. до н. э. число памятников на этой территории несколько увеличивается. Определенный приток населения в данное время фиксируется прежде всего по материалам известных курганов на р. Калитва и Мельгуновского, содержащих вещи переднеазиатского происхождения и хронологически сопоставимых с Келермесом. К сожалению, остальные древнейшие памятники Северного Причерноморья, среди которых многократно публиковавшие-

* Столь ранняя датировка погребения только на основании импортного сосуда, вероятно, несколько занижена. Образцы скифского звериного стиля из этого комплекса, в частности резная головка хищной птицы, находят наиболее близкие аналоги в памятниках VI в. до н. э. — в погребении у Нижних Серогоз [Браун, 1906, С. 84—85], Семеновки [Leskov, 1974, S. 74], № 3 Комаровского могильника [Абрамова, 1974, С. 202], № 4 кургана № 6 у с. Высочино и № 8 кургана № 7 у с. Новоалександровка [Кореняко, Лукьяшко, 1982, рис. 2,2; 6,2]. По-видимому, время создания комплекса на Темир-Горе следует определять по этим, более поздним вещам. Во всяком случае мнение М. И. Артамонова относительно необходимости пересмотра хронологии Темир-Горы [Артамонов, 1975, С. 108] заслуживает самого пристального внимания.

ся захоронения у сел Константиновка Запорожской, Семеновка и Нижние Серогозы Херсонской, Огородного Одесской областей и т. д., из-за малочисленности обнаруженного в них инвентаря нельзя датировать так точно: при определении времени их возникновения остается довольствоваться датой менее конкретной — VI в. до н. э. Однако несмотря на относительное увеличение количества памятников в степных районах Северного Причерноморья с VI в. до н. э. абсолютное число этих памятников, «разбросанных» на значительном удалении друг от друга, остается по-прежнему столь небольшим, что говорить о наличии в северопричерноморской степи ранее конца VI в. до н. э. какой-то более или менее многочисленной и единой группы кочевого населения не приходится.

Иначе обстояло дело на территории лесостепной части Северного Причерноморья. Среди выделенных здесь археологических групп особое место занимают западно- и восточно-подольские, киево-черкасская и ворсклинская, возникшие на местной чернолесской основе. Цельный в культурном и, по-видимому, в этническом отношении массив территориально простирался от Верхнего Днестра до Днепра и продолжался далее по нижнему и среднему течению Ворсклы, что составляет около 400 км. Его протяженность с юга — от границ степи, на север — до границ леса, достигала 380 км [Рыбаков, 1979, С. 135]. Существовавшая на этом пространстве в скифское время яркая и самобытная культура переживает в VII—VI вв. до н. э. период особого расцвета и подъема. Высокий уровень экономики, основанный на пашенном земледелии, приводит к консолидации местных племен. Небольшие поселения и укрепленные поселки чернолесского времени сменяются огромными городищами, среди которых выделяются Немировское, Матронинское, Трахтемировское и др., служившие центрами межплеменных объединений [Граков, 1971, С. 128]. Усиливается процесс имущественной и социальной

дифференциации, происходит выделение военной аристократии.

До недавнего времени такая тенденция более четко прослеживалась в восточных районах Правобережной Лесостепи, на территории хорошо изученной киево-черкасской группы памятников. Так, по наблюдениям В. А. Ильинской [1975, С. 108], по-настоящему выразительный набор вооружения встречается в курганах бассейна р. Тясмин с рубежа VII—VI вв. до н. э. В погребениях первой половины VI в. до н. э. количество предметов вооружения заметно возрастает. Вторая половина VI в. до н. э. характеризуется наличием в курганах практически всего состава паноплии скифского типа. Наиболее высока концентрация предметов вооружения в курганах местной аристократии. Среди них — погребение № 2 кургана Репяховатая Могила [Ильинская, Тереножкин, Мозолевский, 1980, С. 39—54], курган № 38 у с. Гуляй-Город, № 432 у с. Журовка [Ильинская, 1975, С. 15, 25], где в обширных погребальных сооружениях с парными захоронениями обнаружены великолепные образцы защитного и наступательного вооружения, многочисленные детали конской узды.

Близкая картина выявлена Г. Т. Ковпаненко в курганах Поросья. Здесь значительные наборы вооружения обнаружены в курганах № 100 у с. Синявка, № 68 у с. Куриловка, № 40 у с. Бобрица и др. [Ковпаненко, 1981, С. 71].

К сожалению, гораздо хуже изучены памятники на территории Восточной и Западной Подолии, однако открытые Г. И. Смирновой на территории Среднего Поднестровья курганы у сел Долиняны и Перебыковцы также содержат многочисленные предметы вооружения и конской узды. В этом отношении особо выделяются курганы № 2 у с. Перебыковцы, № 2, 3 у с. Долиняны [Смирнова, 1978, С. 118—119, 123—125]. На территории ворсклинской группы захоронения воинов-аристократов обнаружены в курганах VI в. до н. э. — № 13 у с. Куриловка, Опишлянка, Витова

Могила и др. [Ковпаненко, 1967, С. 96—99].

Огромную роль в развитии экономики интересующего нас района с VII в. до н. э. начинают играть торговые связи между населением Правобережной Лесостепи и античным миром, осуществляемые при посредничестве греческих колонистов, осваивающих северное побережье Черного моря. Установление этих связей относится ко времени не позднее второй четверти VII в. до н. э. Археологически данный процесс прослеживается по находкам восточноморской расписной керамики, сосредоточенным в основном в лесостепном междуречье Днестра и Буга [Онайко, 1966, С. 37]. В числе подобных находок, тщательно учтенных Н. А. Онайко [1966, С. 56], такие наиболее известные вещи, как горло родосско-ионийского кувшина из кургана у с. Болтышка Кировоградской обл., фрагменты родосско-ионийских ойнохой, обнаруженные на Немировском городище, обломок сосуда того же происхождения, найденный на поселении у с. Жаботин Черкасской обл. Значительная активизация торговли между населением Лесостепи и античными центрами происходит в VI в. до н. э. Наибольшая концентрация изделий греческих мастеров отмечена в памятниках VI в. до н. э., расположенных в районе Канева и бассейна Тясмина, где наряду с амфорами обнаружены художественная ионийская и аттическая керамика, привозные металлические изделия [Онайко, 1966, С. 22, 41]. Эти данные свидетельствуют, что основным направлением торговой деятельности греческих колонистов в VI в. до н. э. были восточные районы Правобережной Лесостепи, соответствующие распространению киево-черкасской группы памятников. Именно отсюда в греческие города устремлялся основной поток произведенного в Среднем Поднепровье хлеба. Показателем активности хлебной торговли, по мнению Б. А. Рыбакова, является наименование Ольвии — «торжище Борисфенитов», поскольку под «борисфенитами», с его точки зрения, следует пони-

мать население, оставившее вытянутую вдоль Днестра почти на 400 км киево-черкасскую группу археологических памятников скифского времени [Рыбаков, 1979, С. 138].

Соответственно основными источниками греческого импорта в VII—VI вв. до н. э. были античные поселения Днепро-Бугского лимана, прежде всего Березень и Ольвия. Согласно исследованию Л. В. Копейкиной [1979], наиболее ранним археологическим материалом Березанского поселения является родосско-ионийская керамика, отдельные немногочисленные образцы которой можно отнести ко второй четверти VII в. до н. э. (необходимо обратить внимание на соответствие этой даты времени появления аналогичной керамики на территории Днепро-Бугского лесостепного Правобережья). Основная масса такой керамики на Березани относится ко второй половине VII — середине VI в. до н. э. Имеется достаточно оснований полагать, что Березанское поселение возникло около третьей четверти VII в. до н. э.

Что касается времени возникновения Ольвии, то здесь вопрос несколько более сложный. С. И. Капошина отмечала, что наиболее древние погребения Ольвийского некрополя относятся ко времени не ранее середины VI в. до н. э. [Капошина, 1956, С. 234, 238]. В свою очередь, С. Д. Крыжицкий писал, что на территории Ольвии культурный слой первой половины VI в. до н. э. до сих пор не обнаружен [Крыжицкий, 1979, С. 119]. Однако Ю. Г. Виноградов полагает, что по некоторым археологическим и эпиграфическим материалам время основания Ольвии может быть отнесено к рубежу VII—VI вв. до н. э. [Виноградов, 1971; 1976, С. 81].

Нельзя оставить без внимания и то, что образование таких ионийских колоний, как поселение на о-ве Березань и в Ольвии произошло в период переднеазиатских походов скифов. Вполне закономерно возникает вопрос, не обусловлено ли это событие в какой-то мере тем, что скифы, проникшие на территорию Передней и Малой Азии, были знакомы с населением Ио-

нии*. В принципе, в таком предположении нет ничего невероятного. Согласно И. С. Свенцицкой [1978], ионийские города, стремившиеся к расширению своей территории, встретили противодействие со стороны Лидии. Цари последней — Гиг, Ардис, Садиатт, Алиатт — вели непрерывную борьбу с Милетом, Эфесом, Клазоменами и другими греческими городами. Заключив в конце концов мирный договор с Милетом и Эфесом, Алиатт отдал свою дочь замуж за эфесского тирана и сам женился на ионянке. Между тем мы знаем, что на территории Лидии обитало какое-то скифское население. Присутствие скифов в Лидии послужило, по Геродоту [I, 73—74], причиной конфликта между Алиаттом и мидийским царем Киаксаром. Едва ли кто станет отрицать, учитывая столь тесные отношения Лидии и ионийских городов, вероятность контактов между жителями последних и обитавшими на территории Лидии скифами.

Археологическим отражением таких контактов могут служить некоторые изделия греческих ремесленников, обнаруженные в архаических скифских памятниках Прикубанья и Северного Причерноморья вместе с вещами переднеазиатского происхождения. Это серебряные зеркало и ритон из Келермесских курганов, золотая диадема с фигурами обезьяны и птиц из Мельгуновского кургана, верхняя часть кувшина в виде головы барана из Криворожского кургана на р. Калитве.

Особый интерес представляет серебряное зеркало из Келермесса, обстоятельный анализ которого с точки зрения искусствоведа был проведен М. И. Максимовой [1954]. Зеркало объединяет отдельные черты скифской культуры (форма зеркала, фигурка «пантеры» в третьем секторе, характерная для скифского искусства поза барана в четвертом секторе) с ионийской традицией, в русле которой выполнена основная часть изображений, покры-

вающих обратную сторону предмета (рис. 14). Такое сочетание, очевидно, объясняется тем, что ионийский мастер изготовлял зеркало специально для заказчика-скифа, учитывая его вкусы. И, видимо, не так уже далеки от истины Б. Б. Пиотровский и М. И. Артамонов, считавшие, что названные греческие вещи попали на северное побережье Черного моря вместе с вернувшимися из Передней Азии кочевниками [Пиотровский, 1959, С. 252—253; Артамонов, 1974, С. 61—69].

Если учесть эти отрывочные данные, то трудно отказаться от мысли, что отплывшие от берегов Ионии к северному побережью Черного моря первые торговцы и колонисты были не только хорошо осведомлены об обитавших там народах, возможностях ведения торговли, хозяйства и т. д., но и рассчитывали на прямую поддержку скифов, кочевья которых в VII—VI вв. до н. э. захватывали и Нижнее Поднепровье. Однако основная часть скифских племен, как уже отмечалось, обитала в это время на территории Прикубанья и Северного Кавказа. Едва ли они смогли по-настоящему воспользоваться всеми выгодами возникшей ситуации. Не случайно в скифских памятниках Северного Кавказа чрезвычайно слабо представлены материалы, свидетельствующие о торговле с Березанью и Ольвией, по сути, они ограничиваются найденными здесь шестью зеркалами «ольвийского» типа [Виноградов, 1972, С. 136]. Главным торговым партнером Ольвии и Березани вскоре после их основания стали обладавшие значительным запасом хлеба земледельческие племена Днепровского лесостепного Правобережья.

Значит ли сказанное, что мы безоговорочно присоединяемся к мнению тех специалистов, которые считают, что Великая греческая колонизация VIII—VI вв. до н. э. была вызвана исключительно стремлением к развитию торговли, расширению источников сырья и рынков сбыта? Отметим, что спор между сторонниками «торгового» и «земледельческого» характера греческой колонизации насчитывает не

* Эта мысль высказывалась нами [Мурзин, 1985, С. 91]. Тогда же к подобному выводу пришел и М. В. Агбунов [1985, С. 9—10].

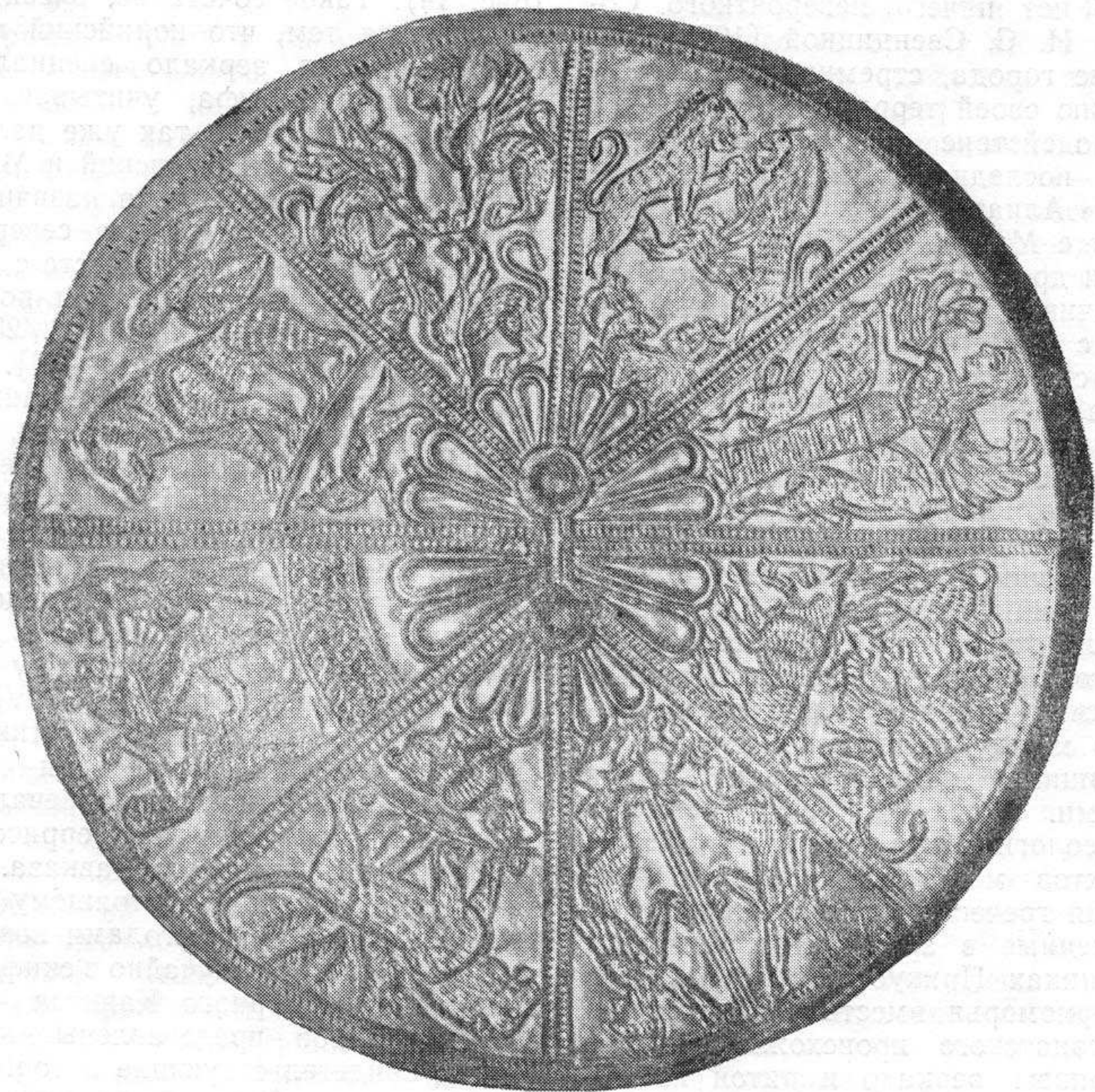

Рис. 14. Зеркало из Келермесса.

один десяток лет. Коснулся он, естественно, и причин возникновения Березанского поселения и Ольвии, которые трактуются очень и очень по-разному. Однако сейчас — и это нашло отражение в историографических обзорах последних лет [см., напр.: Блаватский, Кошеленко, Кругликова, 1979; Брашинский, Щеглов, 1979; Яйленко, 1982, С. 31—46] — все большее распространение получает высказанная еще М. И. Ростовцевым [1918, С. 36, 77] и А. А. Иессеном [1947] точка зрения о двусторонности колониационного процесса, сочетавшего достижения задач «торгового» и «земледельческого» характера. Вероятно, с этой позиции следует подходить и к выяснению экономической сущности

Березанского поселения и Ольвии. Существенная роль торгового обмена с местным населением Северного Причерноморья в экономике этих айпокий с момента их образования несомненна. Главное доказательство тому — наличие греческого импорта в местных памятниках Северного Причерноморья уже с VII в. до н. э. Однако они не могли развиваться и без собственного сельскохозяйственного производства, придавшего им необходимую экономическую устойчивость [Блаватский, Кошеленко, Кругликова, 1979, С. 13—14]. Иными словами, не будет, вероятно, преувеличением сказать, что образование Березанского поселения и Ольвии в определенном смысле было следствием заинтересованности как со стороны греков, так и местного населения в торговом обмене. Обмен способство-

вал развитию греческих колоний, а их развитие, в свою очередь, приводило к интенсификации торговли. Так, во второй половине VII — первой половине VI в. до н. э. на территории Северного Причерноморья впервые складывается своеобразная историческая ситуация, определявшая судьбы населения этого региона на протяжении многовекового отрезка времени.

Главной особенностью этой ситуации, являвшейся результатом установления регулярных торговых связей между земледельческим населением украинской Лесостепи и торгово-ремесленными центрами Средиземноморья при посредничестве античных поселений на северном побережье Черного моря, было то, что территории торговых партнеров не соприкасались. Они разделялись широкой полосой северопричерноморской степи, по которой пролегли связывающие эти две культурные области торговые коммуникации, в частности, такие хорошо освоенные пути, как Днепр и Южный Буг. В таких условиях территория Нижнего Поднепровья естественно становилась центром притяжения для кочевых племен, стремившихся установить контроль над пересекающими степной коридор торговыми путями. В этой связи представляет значительный интерес известное сообщение Константина Багрянородного. Оно не только характеризует обстановку, существовавшую в X в. на южных границах Киевской Руси, но и дает определенное представление об общих закономерностях в отношениях степных кочевников и земледельцев Лесостепи: «И Руссы стараются жить в мире с печенегами: они покупают у них быков, коней, и овец и от этого живут легче и привольнее, так как на Руси ни одного из названных животных не водится. При том Руссы вовсе даже не могут выступать на заграничные войны, если не живут в мире с печенегами, так как последние во время их отсутствия могут сами делать набеги и уничтожить и портить им имущество. Посему Руссы, дабы не получать от них вреда, и в виде того, что народ этот очень силен, всегда

стараются быть в союзе с ними и получать от них помощь, чтобы вместе и избавляться от вражды с ними, и пользоваться помощью.

Руссы не могут даже приезжать в сей царственный град Ромеев, если не живут в мире с Печенегами, ни ради войны, ни ради торговых дел, так как, достигнув на судах речных порогов, они не могут проходить их, если не вытащат суда из реки и не перевезут их на плечах; нападая тогда на них, печенежские люди легко обращают в бегство и избивают (Руссов), так как те не могут исполнять одновременно двух трудов»*.

Подобная ситуация сохранялась и позднее. Сменившие печенегов половецкие орды по-прежнему угрожали безопасности днепровского, известного в летописях под наименованием «греческого», пути. Требовалась постоянная его охрана, посылка в ключевые пункты (Канев, район порогов) русских войск. Только на протяжении 60-х годов XII в. русские князья организовали несколько походов против половцев, нарушавших торговые коммуникации [Толочко, 1980, С. 58].

Впрочем, как отмечает А. Л. Якобсон, половцы не всегда препятствовали русской торговле. С возникновением крупного пункта транзитной торговли в Судаче, находившемся под контролем половцев, последние, например, способствовали ее развитию. Благодаря этому русские торговые пути в Тавриду в XII в. несколько оживились [Якобсон, 1950, С. 26].

Приведенные данные свидетельствуют не только о прямой зависимости торговых взаимоотношений поднепровских славян и Византии от позиции кочевой Степи, но и о возникновении определенного экономического единства в пределах степных и лесостепных районов Северного Причерноморья, основанного на взаимном дополнении двух различных хозяйственных систем. Очевидно, равновесие внутри такой экономической системы

* Цит. по : Константин Багрянородный. Об управлении государством / Пер. В. В. Латышева // ГАИМК.— 1935.— Вып. 91.—С. 6.

в значительной степени зависело от реального соотношения сил. Древнерусское централизованное государство успешно противостояло натиску южных номадов. Важными вехами этого противоборства была деятельность Святослава и Владимира по защите южных рубежей Киевской Руси от печенегов, создание укрепленных поселений на границах со степью. Не менее активные военные действия, направленные против новой волны степных кочевников-половцев, вели русские дружины в XII в. Крупные военные операции против захвативших торговые коммуникации половцев неоднократно обсуждались на съездах русских князей, в частности на съезде 1168 г., созванного по инициативе киевского князя Мстислава [Толочко, 1980, С. 176]. Несколько иначе протекали события в скифскую эпоху.

Не вызывает сомнения, что скифы были первыми в длинном ряду кочевых народов, испытавших на себе притягательную силу Нижнего Поднепровья как ключевого пункта, открывавшего доступ к получению значительной доли прибавочного продукта, производимого земледельцами Лесостепи, путем установления контроля над пролежавшими в этом районе торговыми коммуникациями [Артамонов, 1972, С. 59]. Только с этих позиций объясним факт перемещения центра архаической Скифии из северокавказской степи, утратившей свое значение после окончания переднеазиатских походов, в нижнее течение Днепра и Степной Крым. Последствия этого события не замедлили сказаться. По-видимому, перемещение центра Скифии в Северное Причерноморье способствовало увеличению объема поступавшего в Ольвию хлеба.

О развитии хлебной торговли в конце VI—V в. до н. э. может свидетельствовать следующее. В V в. до н. э. прекращается жизнь на многих поселениях Ольвийской хоры, что говорит о резком сокращении сельскохозяйственной территории города. Однако упадок хоры не отразился на самом городе — Ольвия в это время процветает. Я. В. Доманский [1981]

совершенно справедливо считает, что причины следует искать в возникновении экономического альянса между населением Ольвии и обитателями степи, благодаря которому потребности города в продовольствии обеспечивались полностью и стабильно. В конце V в. до н. э. хора Ольвии вновь восстанавливается, что весьма показательно — именно тогда Ольвия перестает быть основным торговым партнером Скифии, которым становится Боспору. Естественно, должно было измениться и направление хлебного потока.

О значении хлебной торговли между античными центрами и Скифией в определенной степени могут свидетельствовать и обстоятельства похода Дария I Гистаспа в Северное Причерноморье, предпринятого им в конце VI в. до н. э. Касаясь причин этой масштабной военной акции, М. И. Артамонов, в частности, допускал в том числе и стремление Дария, потенциальным противником которого была Греция, захватить контроль над черноморской торговлей и лишить последнюю необходимого ей скифского хлеба [Артамонов, 1974, С. 77]. Близкую точку зрения высказывает и Б. А. Рыбаков, который считает, что цель похода Дария вполне понятна: «Персы начали подготовку к тяжелой войне на суше и на море, стремясь отрезать Грецию от хлебобродных и богатых скотом и рыбой областей Балкан и Скифии» [1979, С. 169]. Е. В. Черненко [1984, С. 11—13], не соглашаясь с таким решением вопроса о причинах похода персидского царя, на первый взгляд совершенно логично отмечает, что в таком случае поход был бы направлен не против скифов, как это произошло на самом деле, а против Ольвии, которую Дарий обошел стороной. Кроме того, Дарий мог лишить Грецию скифского хлеба и более простым способом, не прибегая к вторжению в скифские степи — для этого было достаточно перекрыть черноморские проливы. Все это, конечно, так. Блокирование проливов, захват и уничтожение Ольвии нанесли бы ощутимый ущерб снабжению Гре-

ции продовольствием, но ущерб кратковременный. Полное решение этой стратегической задачи могло быть обеспечено лишь покорением кочевых скифов, контролирующих торговые пути, связывающие производителей хлеба и античные города-колонии на северном побережье Черного моря.

Если изложенная нами трактовка событий, связанных с перемещением центра Скифии из степей Северного Кавказа в степи Северного Причерноморья, верна, то из этого следует, что рассказ Геродота о борьбе скифов с «потомками слепых рабов», ради объяснения которого нам пришлось сделать столь длинное отступление, и был отголоском событий, связанных со стремлением скифов захватить господствующую позицию в торговле греков и местного населения, которая именно к середине VI в. до н. э. превратилась в реальный фактор экономического развития Северного Причерноморья.

Однако остается неясным еще один вопрос — кто противостоял скифам в их продвижении на запад? Как отмечалось выше, в исторической литературе давно закрепились точка зрения, согласно которой рассказ Геродота о войне скифов с «потомками рабов» является отголоском действительной борьбы скифов с местным доскифским населением северопричерноморских степей. Еще М. И. Ростовцев [1918, С. 33] усматривал в нем отражение борьбы скифов с киммерийцами. Б. Н. Граков [1971, С. 36] писал, что это предание «указывает на раннее развитие рабства покоренных в Скифии и на возникновение среди рабов восстания». М. И. Артамонов [1972, С. 58] считал, что в данном пассаже Геродота отражена борьба между скифами-царскими, вернувшимися из походов в Переднюю Азию, с кочевниками, которые в этих походах не участвовали. Близка ему точка зрения А. М. Хазанова [1975, С. 226—229], который трактовал описанные Геродотом события как «вторичное завоевание» скифами Северного Причерноморья, местные племена которого от-

делились от скифов в период переднеазиатских походов.

Однако из изложения Геродота следует, что скифы столкнулись в Северном Причерноморье с сильным и хорошо организованным противником, сумевшим определенное время противодействовать натиску кочевников, сохранивших, несмотря на бесславное завершение походов, значительный военный потенциал. Вместе с тем, как мы уже неоднократно упоминали, VI в. до н. э. представлен в северопричерноморской степи единичными разрозненными археологическими памятниками. Если даже допустить, что обнаруженный в них инвентарь, соответствующий нашим представлениям о скифской культуре этого времени, является своеобразным камуфляжем, скрывающим от взгляда исследователя связи населения, оставившего эти памятники, с местными племенами, населявшими Северное Причерноморье в доскифское время, трудно представить, что это малочисленное и разобщенное население смогло оказать серьезное противодействие скифской экспансии. Единственным реальным противником скифов в Северном Причерноморье было население Лесостепи. Рассмотренные нами археологические памятники, свидетельствующие о выделении внутри лесостепного земледельческого общества специальной воинской прослойки, подтверждают этот вывод.

Нам могут, правда, возразить, указав на несоответствие нашего предположения с конкретным местом, где протекали события, описанные Геродотом. Действительно, по Геродоту, основные события, связанные с борьбой скифов и «потомков слепых», происходили на территории Крыма, скорее всего в его восточной части — на территории Керченского п-ва*. Понятно, что представить Керченский п-ов в качестве театра военных действий между кочевыми скифами и отрядами лесостепного населения весьма трудно.

* О локализации этих событий подробнее см.: [Доватур, Каллистов, Шишова, 1982, прим. 131 на с. 204—205].

Однако отсутствие других исторических деталей в этом рассказе Геродота, его эпический характер заставляют усомниться в такой точной географической привязке*. Кроме того, необходимо учитывать и следующие. Не исключено, что сам Геродот совершил путешествие к берегам Керченского пролива и ознакомился с Керченским п-овом [Рыбаков, 1979, С. 75—81]. В этом случае он не мог не знать о пересекавших полуостров с юга на север и сохранившихся до наших дней Узунларском и Тиритакском валах. Имеются некоторые сведения, что еще один вал, защищавший его с запада, проходил через Ак-Монайский перешеек. В настоящее время многие исследователи считают, что именно эти валы и имел в виду Геродот, упоминая «киммерийские укрепления» на Боспоре [Геродот, IV, 12]. В то же время довольно распространена точка зрения, согласно которой и ров, выкопанный «потомками рабов» для защиты от скифов, следует отождествлять или с гипотетическими укреплениями Ак-Монайского перешейка, или с Узунларским валом и рвом [Шмидт, 1941; Сокольский, 1957; Масленников, 1983]. Иными словами, весьма вероятно, что реальным основанием и для описания Геродотом рва, выкопанного «потомками рабов», и для упоминания им «киммерийских укреплений» послужили одни и те же сооружения. Это весьма важно. Есть все основания полагать, что валы (и рвы) Керченского п-ова, среди которых наиболее хорошо известны Узунларский и проходивший восточнее Тиритакский, были построены еще до начала греческой колонизации полуострова. Более того, А. А. Масленников [1983, С. 20] предположил, что эти укрепления сооружены в эпоху энеолита носителями кеми-обинской культуры! В таком случае и версия об их

* А. М. Хазанов [1975, С. 226] также считает, что события, о которых повествует легенда, не ограничивались территорией Крыма, а захватывали и другие районы Северного Причерноморья.

** В этой связи вспомним обоснованное мнение И. М. Дьяконова [1956, С. 230—232], согласно которому «киммерийская» топоними-

«киммерийской» принадлежности**, и версия о возведении их «потомками рабов» есть не что иное, как попытка греческого населения Боспора объяснить происхождение этих внушительных сооружений. Скорее всего в рассказе о войне скифов с «потомками слепых рабов» не следует искать конкретные исторические детали. Этот рассказ — не более чем отголосок (ставший ко времени Геродота историческим преданием*) тех военных действий, которые привели к созданию северопричерноморской Скифии под началом ираноязычных кочевников. А имеющиеся в нашем распоряжении археологические материалы определенно свидетельствуют, что эти действия протекали в районах, примыкавших к территории Днепровского лесостепного Правобережья.

В этом плане особый интерес представляют археологические памятники Днепровского лесостепного Левобе-

режья Боспора отражает не реальное обитание здесь некогда киммерийских племен, а восходит к греческому названию Керченского пролива — «Боспор Киммерийский», получившему свое имя в отличие от расположенного на юге «Боспора Фракийского» (Босфора). Эта точка зрения поддержана И. В. Куклиной [1981; 1985, С. 60].

* Следует учитывать, что специалисты по фольклору различают историческое предание и легенду: «Предание, если оно остается таковым, не содержит в своей основе ничего чудесного, т. е. такого, принципиальную возможность чего нельзя допустить... Легенда, как и предание, — созданный устно эпический прозаический рассказ, имеющий установку на достоверность. Но в отличие от предания основным содержанием легенды является нечто необыкновенное» [Азбелев, 1965, С. 11—13]. И тот, и другой жанр устного творчества скифов нашел отражение в труде «отца истории». Преданиями является большинство зафиксированных им рассказов о прошлом скифов — рассказы о приходе скифов из-за Аракса, о ходе скифо-персидской войны, об «исконной Скифии» и т. д. Яркие выраженные легенды — это рассказы о генеалогическом древе скифов, их происхождении от Таргитая или Геракла. При исследовании различных отрывков из труда Геродота не следует забывать, что в преданиях и легендах содержится различная доля историзма: предания созданы очевидцами тех или иных событий и со временем в результате отсеивания деталей получили устойчивую традиционную форму, в генеалогических легендах проявились самосознание народа, понимание им своего этнического пути, связей с другими народами [Толстова, 1984, С. 18—20].

режья — мы имеем в виду Посульскую группу курганов скифского времени. В своем исследовании В. А. Ильинская [1968] учла данные о 120 памятниках, насыпи которых достигали высоты от 2 до 20 м. В 85 курганах открыты погребения конных воинов. Погребальные сооружения имеют вид ям, перекрытых деревом, или деревянных гробниц, сооруженных в ямах. Погребенные вытянуты на спине, преимущественно головой на юг. Погребальный инвентарь отличается значительным количеством предметов, характерных для комплекса скифской материальной культуры и близких по своим деталям к инвентарю скифских памятников Кавказа и Прикубанья. Особенно заметна эта близость при сравнении материалов Посульских и Нартановских курганов.

В. А. Ильинская обратила внимание, что появление на территории Посулья кочевнических по своему облику и соответствующих нашему представлению об архаической скифской культуре памятников примерно совпадает с периодом окончания переднеазиатских походов. В сочетании с материалами о наличии иранской гидронимии на территории Днепровского лесостепного Левобережья это позволило ей связать данное обстоятельство с продвижением сюда ираноязычных скифских племен [Ильинская, 1968, С. 174].

Ее предположение выглядит более чем правдоподобно. Время появления посульских курганов — рубеж VII—VI вв. до н. э. — соответствует некоторому увеличению числа скифских памятников на территории Степного Поднепровья, появлению памятников скифского типа на территории Трансильвании. Согласно В. Васильеву [Vasiliev, 1980, P. 128—133], время возникновения последних также укладывается в рамки начала — первой половины VI в. до н. э. Эти факты могут фиксировать начальный импульс процесса перемещения основного ядра скифских племен из степей Северного Кавказа на запад.

Следует отметить, что в последние годы вывод В. А. Ильинской находит определенную поддержку. С ним со-

гласился Б. А. Рыбаков [1979, С. 193], признал, в принципе, обоснованными аргументы В. А. Ильинской и А. М. Хазанов [1975, С. 233]. Тем не менее А. М. Хазанов отмечает, что согласиться с ней полностью мешает необходимость признать, что скифы «не столько завоевали степную зону Северного Причерноморья, сколько лесостепь для постоянного местожительства. Но такое допущение сразу же вызывает много недоуменных вопросов... Прежде всего, зачем потребовалосьномадам перейти к земледелию, да еще в лесостепи, а не в степи? Как могло случиться, что обычно очень болезненный и затяжной переход совершился столь быстро, всего лишь за несколько десятилетий? Должны ли мы полагать, что скифы одновременно вторично смогли завоевать степную зону, покоряя отпавшие племена, и заселить обширные лесостепные пространства?...».

Однако это затруднение с нашей точки зрения вполне преодолимо. Обратим внимание на следующее. Из 120 погребальных памятников Посулья 2/3 (около 80) относится к VI в. до н. э., более 1/4 (31 курган) — к V и лишь 9 — к IV в. до н. э. Между тем на этой территории сейчас известно всего лишь восемь городищ скифского времени, не отличающихся особыми размерами. При этом расцвет их относится к V, скорее даже к IV в. до н. э., что не соответствует периоду возникновения большинства посульских курганов [Ильинская, 1968, С. 181, 186].

Эти факты могут быть расценены как доказательства, что период наибольшей концентрации скифского населения на территории Днепровского лесостепного Левобережья был весьма кратковремен и охватывал VI в. до н. э. Захоронения этого периода, кочевнические по своему облику, а также почти полное отсутствие земледельческих памятников того же времени в Посулье противоречат выводам о каком-либо процессе оседания на землю проникших сюда скифов. Мы думаем, что причины возникновения такого феномена, как курганы

Посулья, следует искать в политических событиях VI в. до н. э., и считаем, что их появление отражает временное «подтягивание» какой-то многочисленной группы кочевников, — кстати, учитывая достаточную унификацию черт погребального обряда, довольно единую в этническом смысле (скифов-царских?), — к границам земледельческой Лесостепи, вызванное потребностями борьбы за господство в Северном Причерноморье. Если наше предположение верно, придется признать, что перемещение основного ядра скифских племен из степей Северного Кавказа в Нижнее Поднепровье происходило через восточные районы украинской Лесостепи. Это допущение может окончательно опровергнуть тезис о слабости и малочисленности скифских племен в эпоху архаики, которые до этого статично помещались на очерченной Геродотом территории. С нашей точки зрения, понять историю архаической Скифии можно только с позиции признания динамики ее центра, ее ядра, выделяя для каждого этапа скифской истории районы наибольшей концентрации скифского населения. Видимо, нам придется привыкнуть к тому, что проблема этногеографии скифских племен — это не только идентификация тех или иных групп археологических памятников с перечисленными Геродотом племенами, но и изучение упомянутого выше процесса, без уяснения которого невозможно вообще понимание скифской проблемы.

Однако вернемся к дальнейшему изложению интересующих нас событий. Очевидно, театр военных действий между кочевыми скифами и земледельцами Лесостепи, охватывающий пограничные степные и лесостепные районы, был хорошо знаком каждому из противников. Во всяком случае многочисленные находки лесостепной керамики VII—VI вв. до н. э., выявленные на территории Нижнего Побужья, свидетельствуют, что в этот период значительные группы лесостепного населения свободно пересекали степную полосу, отделявшую первые поселения греков от земледельческих

центров Среднего Поднепровья [Марченко, 1974, С. 15—16].

Ситуация изменилась в конце VI в. до н. э. Характеризуя комплекс лепной керамики Нижнего Побужья, К. К. Марченко, в частности, отмечает: «Определение этнокультурной принадлежности комплексов V — первой половины IV в. до н. э. не вызывает серьезных затруднений. Отсутствие заметных связей этого материала с кружалой греческой, а также лесостепной и гето-фракийской лепной посудой позволяет с некоторыми оговорками рассматривать его как органическое целое. Сопоставление материалов с лепной керамикой Каменского городища на Днепре — общепринятого эталона скифской степной культуры V—III вв. до н. э. — приводит к заключению об их предельной близости. Это не оставляет сомнения в том, что варварский компонент населения Ольвии и окружающих ее сельскохозяйственных поселений состоял в это время почти исключительно из осевших в Нижнем Побужье степных скифов» [там же, С. 16].

Таким образом, в отличие от более позднего времени, когда славянское население Лесостепи, объединенное в рамках единого государственного образования, успешно отражало натиск кочевого населения, в VI в. до н. э. победа оказалась на стороне степняков. Она была закреплена окончательным оформлением северопричерноморской Скифии в междуречье Дона и Дуная, основным центром которой являлись степи Нижнего Поднепровья, имевшие важное стратегическое значение. Именно здесь концентрируется основная масса скифских памятников V—IV вв. до н. э., среди которых особое место занимает укрепленное Каменское городище, традиционно отождествляемое со столицей степных скифов, а также наиболее богатые скифские курганы. Огромное количество вещей античного производства в курганах фиксирует определенные изменения в распределении продуктов торгового обмена между населением Лесостепи и Степи. Установление степными номадами контроля над

прилегающими через подвластную им территорию торговыми путями имело, по-видимому, и другие последствия. Одним из них было возникновение вынужденного экономического единства двух различных хозяйственных укладов в рамках Степи и Лесостепи. При этом, естественно, основу этого единства не следует сводить только к установлению контроля кочевых скифов над хлебной торговлей в Северном Причерноморье. Это с нашей точки зрения было основным, но все же не единственным фактором, определяющим экономическое развитие Скифии. Исследователи, занимающиеся поздними кочевниками, давно заметили, что установление контроля над торговыми путями, взимание дани, захват добычи во время военных действий и прочие насильственные способы получения кочевниками прибавочного продукта, производимого земледельцами, обогащали лишь кочевую верхушку. Поэтому основная масса рядовых кочевников была весьма заинтересована в установлении нормальных торговых связей с земледельцами [см., напр.: Кляшторный, 1973, С. 256].

Есть все основания полагать, что аналогичная ситуация имела место и в скифском обществе. Так, Б. А. Шрамко давно и вполне обоснованно отстаивает точку зрения, согласно которой большинство изделий из металла шло к кочевым скифам из Лесостепи [Шрамко, 1971]. Действительно, многие исследователи отмечали [см., напр.: Тереножкин, 1966, С. 43], что у скифов, как и у большинства других кочевых народов, ремесла были слабо развиты. Причины этого различны. Немалую роль играли субъективные моменты, связанные с неприятием кочевниками иных, не связанных со скотоводством занятий. Об этом прямо пишет Геродот: скифы, как «и почти все варвары, считают тех, кто обучается ремеслам, и их по-

томков менее почтенными, чем остальные сограждане. Тех же, кто воздерживается от занятий ремеслами, они почитают благородными и более всего тех, кто занимается военным делом» [Геродот, II, 167]. Не случайно, основываясь на этом отрывке и ряде других данных, Э. А. Грантовский [1980, С. 138] считает, что ремесленники у скифов были неравноправной прослойкой.

Однако не менее существенную роль играли и факторы объективные, связанные с отсутствием в Степи необходимых природных ресурсов. Возьмем, например, железоделательное производство. Известно, что для него, кроме железной руды, запасы которой (болотная руда) есть повсеместно на всей территории Украины, необходимо большое количество топлива. В этом плане большой интерес представляют расчеты Б. А. Колчина [1955, С. 40], детализированные В. И. Бидзилей, Г. А. Вознесенской, Д. П. Недопакой и С. В. Паньковым [1983, С. 56—59]. Согласно этим расчетам для получения 20 кг металла необходимо затратить 100 кг древесного угля, для чего, в свою очередь, следовало выжечь около 800 кг дерева твердых пород, что по объему составляет около 1 м³, т. е. около 50 деревьев высотой 6 м и диаметром ствола около 8 см! Понятно, что широкое производство железа могло быть налажено только в лесистых районах.

Эти экономические факторы, среди которых наиболее важным, как мы уже писали, было установление контроля над хлебной торговлей со стороны кочевников, облегчили политическое объединение степного и лесостепного населения в рамках единого государства, которое произошло ко времени Геродота. Завершился процесс образования северопричерноморской Скифии — определяющий в ранней истории скифских племен.

В первую очередь рассмотрим на фоне раннескифской истории процесс этногенеза скифов и наметим его узловые моменты. Задача сложна и решение ее усугубляется отсутствием каких-либо прямых и однозначных письменных сведений относительно этнической истории скифов, а также отсутствием отработанной методики использования данных археологии для восстановления этнических процессов древности. По этой причине привлечены различные, зачастую весьма косвенные, данные, что, естественно, может вызвать споры относительно их трактовки. Сознавая дискуссионность наших выводов, отметим, что подобная работа проводится впервые и спорность некоторых ее положений вполне закономерна.

Обратимся к сведениям, отражающим первые шаги на пути этнической консолидации скифов. Исходной точкой этого процесса была встреча пришлых протоскифских и местных киммерийских племен в начале VII в. до н. э. Это событие можно считать началом собственно скифской истории, первый этап которой протекал под знаком походов в Переднюю Азию.

Письменные источники, характеризующие этот этап, представлены прежде всего различными древневосточными документами, содержащими упоминания скифов. Анализ этих документов позволяет произвести некоторые весьма любопытные для нашего исследования наблюдения.

Как уже отмечалось, оплотом вторгнувшихся в Переднюю Азию скифских отрядов была территория Маннейского царства, которая обладала

рядом стратегических преимуществ. В запросах Асархаддона оракулу бога Шамаша имеются прямые данные о базировании на этой территории войск Ишпакая и Партатуа, о производимых ими отсюда набегах на границы Ассирии. Причем наиболее интересно, что при определении противостоящего на этом направлении врага в ассирийских документах нет единодушия, и наряду со скифами, «угрожающими из-за перевалов Хубушкии», упоминаются союзные маннеям киммерийцы [Дьяконов, 1951, № 65—69]. И. М. Дьяконов [1956, С. 237—238, 265] склоняется к точке зрения, согласно которой под «киммерийцами» в данном случае подразумеваются собственно скифы. Причиной такой путаницы, считает И. М. Дьяконов, послужило то обстоятельство, что в вавилонском языке (а именно на нем написаны запросы) термин «киммерийцы» стал общепринятым для обозначения северных кочевников, и понимать его в каждом конкретном случае необходимо исходя из исторического контекста.

На наш взгляд, данное объяснение слишком сложно. Взаимоотношения с кочевниками играли немаловажную роль во внешнеполитической деятельности Ассирии, от развития которых во многом зависела судьба государства. Едва ли можно допустить, что в такой ситуации, требовавшей от властителей Ассирийского государства гибкой политики по отношению к различным группам кочевников (а то, что такая политика имела место, подтверждают и замысел Асархаддона о браке ассирийской царевны с Партатуа,

и достигнутый в конечном итоге союз Ассирии со скифами), ассирийский царь не различал киммерийцев и скифов, враждебных друг другу в соответствии с письменной традицией.

Это тем более сомнительно, поскольку при упоминании вождей кочевников, закрепившихся на территории Манной, в запросах Асархаддона никакой путаницы терминов не наблюдается — его интересуют именно «скиф Ишпакай» и «царь страны Ишкуза» Партатуа. О степени осведомленности ассирийцев в делах вторгшихся в Переднюю Азию кочевников может свидетельствовать и наличие оттенков в титулатуре их предводителей, что, по мнению В. Б. Виноградова [1964, С. 24], отражает реальное различие в статусе Ишпакай и Партатуа. Затруднения возникают лишь при определении принадлежности основной массы кочевого войска, угрожающего северо-восточным границам Ассирии. Исходя из сказанного, логично напрашивается самое простое объяснение одновременного упоминания на территории Маннейского царства и скифов, и киммерийцев. Войско скифских царей в этническом плане не было однородно и состояло из собственно скифов и какой-то части киммерийцев (другая их часть сумела сохранить независимость и, судя по источникам, властвовала в это же время на территории Малой Азии), покоренных ранее или влившихся в скифскую орду в период походов*. Причину их совместного упоминания в древневосточных письменных источниках видит в объединении сил скифов и киммерийцев за достижение господства в Передней Азии и Р. Фрай [1972, С. 106].

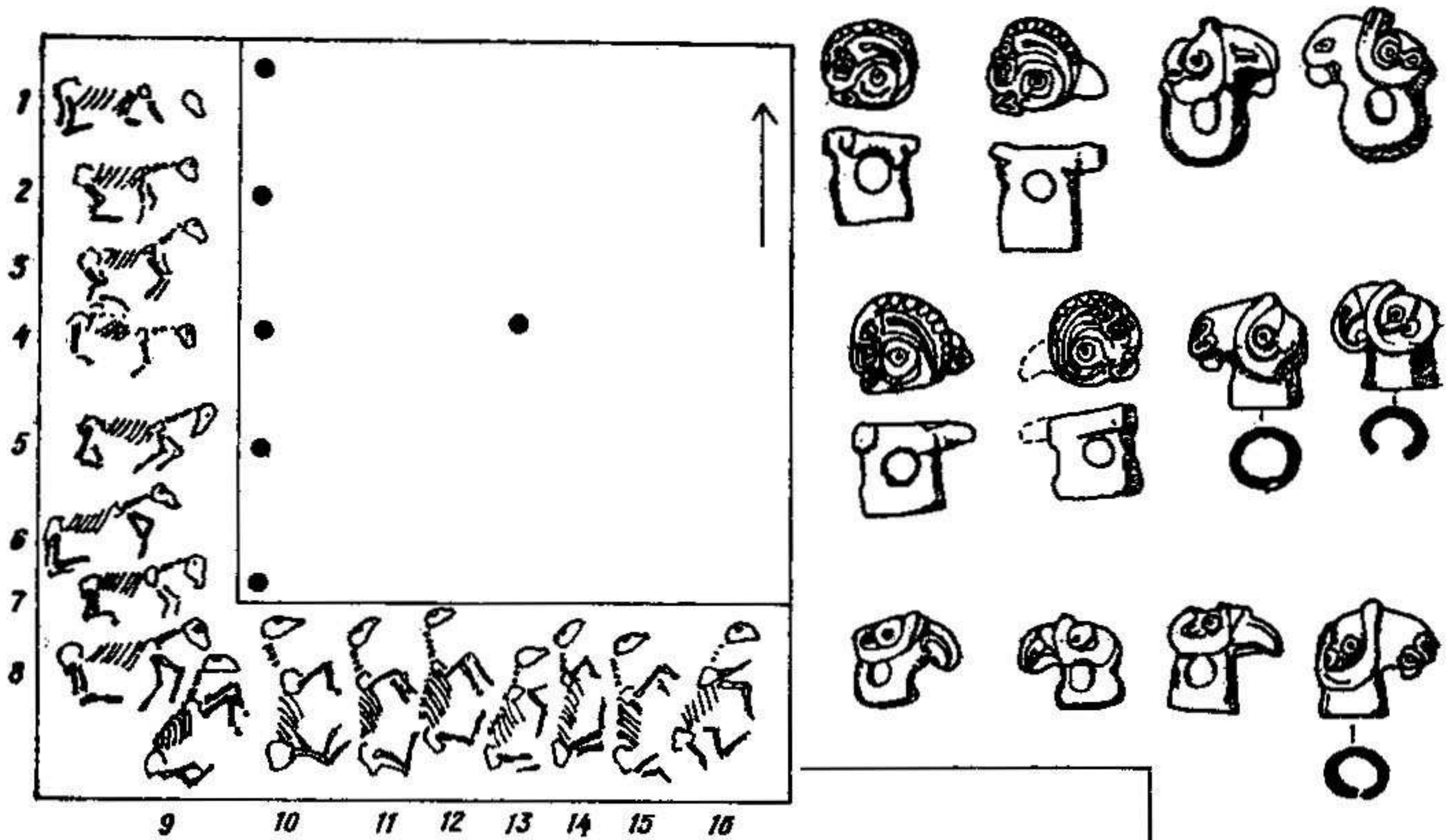
В таком случае термин «скифы», употребляемый по отношению ко всей массе воинов Ишпакай и Партатуа, является, как мы уже говорили ранее,

* Более чем через тысячу лет после скифских походов в Переднюю Азию аналогичное смешение терминов наблюдается в письменных источниках в отношении савир и хазар, проникших к югу от Главного Кавказского хребта. По мнению М. И. Артамонова [1962, С. 127], объяснить данное явление можно лишь тем, что и те, и другие входили в одно и то же политическое объединение.

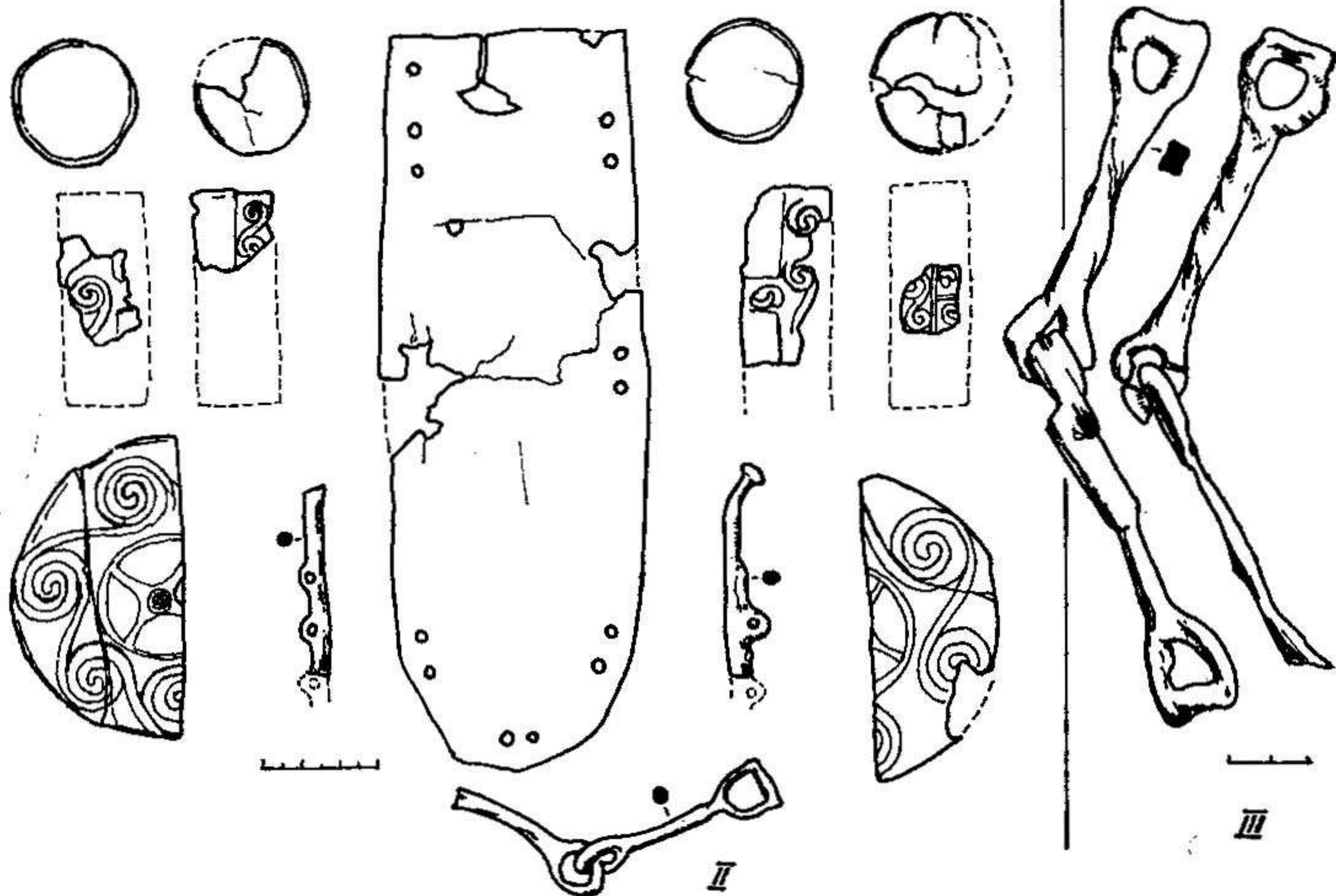
ярко выраженным политонимом, а разницей в терминологии, принятой в ассирийских документах, объясняется сложившаяся ситуация, при которой часть кочевников, входивших в объединения Ишпакай и Партатуа и являвшихся по этому признаку несомненно «скифами», в этническом плане таковыми не была. По мере усиления политического образования и установления гегемонии скифских вождей в Передней Азии скифская орда, очевидно, все сильнее притягивала к себе отдельные группы иноэтничных кочевников. Способствовало этому и крушение киммерийского господства в Малой Азии, которое произошло, как считает И. М. Дьяконов [1956, С. 237], вскоре после 645 г. до н. э. Отражением этого процесса может служить практически полное исчезновение этнонима «киммерийцы» в древневосточных документах со второй половины VII в. до н. э. С этого времени он вытесняется термином «скифы».

Подтверждаются ли наши соображения какими-либо археологическими материалами? Некоторые данные позволяют ответить на этот вопрос положительно. Их появлению мы во многом обязаны проведенной Л. К. Галаниной [1983] тщательной проработке уздечных наборов из Келермесских курганов, возникновение которых, как известно, совпадает со временем походов в Переднюю Азию. Уздечные наборы из Келермесса можно в основном разделить на две группы. В первую входят наборы, в составе которых присутствуют различные пластины, уздечные бляхи, фалары, покрытые выполненным в традициях позднейшей предскифской культуры черногорско-новочеркасского типа геометрическим орнаментом. Во вторую — наборы, детали которых оформлены в соответствии с канонами скифского звериного стиля.

Если обратиться к материалам двух из Келермесских курганов, раскопанных Н. И. Веселовским, то увидим, как распределяются уздечные комплексы этих двух групп. К сожалению, относительно четырех погребальных памятников, открытых Д. Г. Шуль-

I

III

Рис. 15. Материалы Келермесских курганов (по Л. К. Галаниной):

I — план могилы второго Келермесского (раскопки Н. И. Веселовского) кургана; II — набор коня № 14 из второго Келермесского кургана (раскопки Н. И. Веселовского); III — наборы коней № 19 и 20 из первого Келермесского кургана (раскопки Н. И. Веселовского).

цем, мы аналогичными сведениями не располагаем.

В первом из курганов уздечные наборы были найдены при 12 лошадях (№ 13—24) *, размещавшихся по вер-

* Еще при двух скелетах (№ 11, 12) были найдены уздечные наборы, украшенные сереб-

ху могильной ямы вдоль ее южного края. Первые шесть (№ 13—18) были снабжены уздечками первой группы, а шесть следующих (№ 19—24) — второй. При этом наиболее богатые уборы у первой в каждой шестерке лошадей, у последующих количество орнаментальных деталей в уздечных наборах постепенно уменьшалось.

Во втором кургане картина несколько иная (рис. 15): при одном коне (№ 6) найден набор первого типа, при десяти (№ 1, 3—5, 7, 8, 10—12, 14) — второго. Еще у трех (№ 13, 15, 16) уздечные наборы состояли из деталей, покрытых геометрическим орнаментом, и деталей, оформленных в скифском зверином стиле *.

Согласно идее, неоднократно высказавшейся М. П. Грязновым [1950, С. 69—70; 1980, С. 49—50], лошади из богатых курганов кочевой аристократии, в том числе и Келермесских, являются приношениями погребенному владыке от подчиненных ему общественных подразделений. Соответственно различия, наблюдаемые в оформлении уздечных наборов принесенных в дар лошадей, реально отражают собственные каждому из подразделений культурные особенности.

Исходя из этого, материалы Келермесса свидетельствуют о наличии внутри скифского объединения (а принадлежность Келермесских курганов его царям едва ли может оспариваться) двух различных групп населения [Ковалев, 1987], первая из которых являлась носителем традиций позднейшей предскифской культуры черноговско-новочеркасского типа, а вторая — новых культурных тенденций, появление которых мы связываем с протоскифскими племенами.

Различия уздечных наборов из Келермесса проявляются прежде всего в элементах декора. Типы основных деталей узды — псалиев и удил — в раз-

ряными полихромными фаларами, изготовленными скорее всего в Закавказье [Галанина, 1983, С. 44—45].

* В состав пятнадцатого набора (№ 9) входили миниатюрные бронзовые бляшки, дошедшие до нас в обломках. Это затрудняет его отнесение к одной из групп. Шестнадцатый набор (№ 2) не сохранился.

ных наборах одинаковы и в целом характерны для раннескифской культуры. Надо полагать, это одно из проявлений процесса культурной нивелировки различных по происхождению групп кочевого населения. Так же объясняется появление во втором из раскопанных Н. И. Веселовским курганов уздечных комплексов, состоящих из элементов первой и второй групп. Отсюда второй курган можно отнести к более позднему времени, чем первый. Разница во времени скорее всего весьма незначительна. Во всяком случае на других материалах из этих курганов она практически не фиксируется, поскольку процесс формирования единой материальной культуры проходил достаточно быстро. Установлено, что с конца VII в. до н. э. на всей территории Северного Кавказа и Северного Причерноморья распространяется весьма единообразная культура, известная под названием «скифской». Новочеркасские элементы в ней почти не ощущаются.

Несмотря на культурную ассимиляцию в этнической среде победителей, побежденные кочевые племена и народы обычно интегрировали, и в итоге образовывались новые таксономические родоплеменные единицы [Абрамзон, Потапов, 1975, С. 35]. Судя по всему, подобное явление имело место, конечно же, и в раннескифской истории.

В первой главе мы уже писали, что материалы раннескифского погребального обряда VI—V вв. до н. э. фиксируют сложную этносоциальную структуру скифского общества, основанную на покорении пришельцами с востока (протоскифами) местного доскифского кочевого населения (киммерийцев). Реконструкция указанной этносоциальной структуры необходима для понимания этнических процессов, протекавших в этот период.

Некоторые особенности этой системы непременно должны были найти отражение в скифских генеалогических легендах, которые, как установлено в отношении произведений такого рода, были призваны идеологически обосновать единство существующего эт-

носоциального организма. Обратимся к первой из них.

«Как утверждают скифы, из всех племен их племя самое молодое, а возникло оно следующим образом: первым появился на этой земле, бывшей в те времена пустынной, человек по имени Таргитай. А родители этого Таргитая, как говорят... Зевс и дочь реки Борисфена. Такого именно происхождения был Таргитай. У него родились три сына: Липоксай и Арпоксай и самый младший Колоксай. Во время их правления на скифскую землю упали сброшенные с неба золотые предметы: плуг с ярмом, обоюдоострая секира и чаши. Старший, увидев первым, подошел, желая их взять, но при его приближении золото загорелось. После того, как он удалился, подошел второй, и с золотом снова произошло то же самое. Этим загоревшееся золото отвергло, при приближении же третьего, самого младшего, оно погасло, и он унес его к себе. И старшие братья после этого, по взаимному соглашению, передали всю царскую власть младшему.

От Липоксая произошли те скифы, которые именуются родом авхатов. От среднего Арпоксая произошли именуемые катиарами и траспиями. От самого же младшего из них — цари, которые именуются паралатами. Все вместе они называются сколоты по имени царя; скифами же называли их греки.

...Так как страна очень велика, Колоксай разделил ее на три царства между своими сыновьями и одно из них сделал наибольшим — то, в котором хранится золото» [Геродот, IV, 5—7].

На основании этих данных исследователи скифского общества давно уже пришли к выводам о реальном делении Скифии на три царства-басилеи [см., напр.: Тереножкин, 1966, С. 46—47] и наличии у скифов традиции минората, т. е. наследования имущества и власти отца младшим сыном [Граков, 1947, С. 31; Артамонов, 1947, С. 72; Елагина, 1963, С. 77]. Б. Н. Граков писал по этому поводу: «Легенда... повествует о делении скифского

царства на три части: с главным царем во главе одной из них и двух других, имевших во главе своих как бы младших царей». И далее: «Предание о происхождении скифов указывает на вполне установившийся порядок наследования от отца к сыну, причем в раннее время, по-видимому, наследником был младший сын» [1971, С. 33 и 37]. В свою очередь, А. М. Хазанов подчеркивает, что «деление на три царства-басилеи, из которых одно являлось главным, было вполне реальным и сохранялось еще в конце VI в. до н. э., а возможно, и во времена Геродота. В войне с Дарием каждое царство выставило по отдельному войску во главе со своими басилевсами» [1975, С. 112].

Действительно, повествуя о событиях скифо-персидской войны, Геродот приводит чрезвычайно важное для нас свидетельство: скифы «...решили ни в коем случае не давать открытого сражения... но, постепенно отходя и угоняя скот, засыпать колодцы и источники, мимо которых они будут проходить, истреблять растительность на земле, разделившись при этом надвое. И к одной из частей скифского населения, той, над которой царствовал Скопасис, присоединить савроматов. Им следовало, отступая вдоль озера Меотиды, заманивать (врага) к реке Танаис, если Перс повернет в этом направлении; если же Перс отступит, преследовать, нападая. Такова была у них одна часть (населения) царства; ей был предписан тот путь, о котором как раз и говорилось. Две другие части (населения) царства — вторая большая, которой управлял Иданфирс, и третья, над которой царствовал Таксакис, слились воедино и к ним присоединились гелоны и будины. Держась впереди персов на расстоянии одного дня пути, они должны были уводить их, отходя и делая то, что было решено» [Геродот, IV, 120].

Примечательно, что в данном отрывке, повествующем о стратегических замыслах скифов в войне с Дарием, на первый план выступает не политическая, как в приведенной ранее этногенетической легенде, а военная функ-

ция триединой структуры скифского общества.

Деление войска на три части (два «крыла» и «центр») — широко распространенный в древности и средневековье обычай. Если говорить о кочевниках, то такая военная организация была, в частности, зафиксирована практически у всех тюрко- и монголоязычных номадов — от древних хунну до перекочевавших в степи Северного Кавказа в XVIII в. калмыков-ойратов. Ее элементы на территории Малой Азии, куда они проникли благодаря огузским племенам [Еремеев, 1971, С. 81—82], прослеживаются даже в структуре Османской армии, подразделявшейся на три войска — придворное, Анатолийское и Румелийское [см., напр.: Записки янычара, гл XI] *.

Так же, как и у скифов, у кочевых тюрков и монголов принцип трехчленности распространялся не только на военную организацию. По этому принципу была построена и сама кочевая орда. Такая параллель уже отмечалась рядом исследователей. А. М. Хазанов [1975, С. 128] в качестве примера упоминает трехчленное деление государств хунну и сяньби. Аналогичную структуру имело государство тюрков-тюгю и многие другие раннеклассовые кочевые объединения, список которых можно без труда продолжить [Бичурин, 1955, С. 48—49, 155, 233]. Отмеченное сходство, безусловно, объясняется тем, что и военная, и политическая, и хозяйственная структура кочевников опиралась на родоплеменную организацию. Основываясь на сравнительно простых связях, признаваемых самими кочевниками кровнородственными, она в условиях кочевого способа производства наилучшим образом обеспечивала единство этносоциального организма [Лашук, 1967, С. 26—29; Марков, 1976, С. 55—56]. Наличие такой общей основы позволяет широко использовать для реконструкции недостающих звеньев этносоциальной структуры скифов соответ-

ствующие сведения относительно иных кочевых обществ, несмотря на то что они существовали в различной этнической, пространственной и временной среде.

Однако существует и иная точка зрения: из-за слабой изученности социальных институтов скифов выводы, полученные в результате упомянутой операции, отнюдь не бесспорны, ибо не исключена возможность сопоставления различных по сути и лишь внешне сходных явлений (см. выступление Э. А. Грантовского в ходе дискуссии по основным проблемам скифоведения [НАА.— 1980.— № 6.— С. 69]). В результате есть «риск, что реконструируемые на основе сопоставления с другими обществами характеристики социальной организации скифов будут покоиться не на данных интерпретируемых источников, а почти исключительно на том, что почерпнуто из аналогии» [Яценко, Раевский, 1980, С. 115].

В качестве альтернативы при изучении социальных отношений внутри скифского общества предлагается самое широкое привлечение материалов о социальной структуре индоиранских народов, имеющих общее происхождение со скифами. В последние годы такой подход наиболее последовательно отстаивался Э. А. Грантовским и Д. С. Раевским.

В целом, различия в определении круга аналогов, допустимых при реконструкции социального строя скифов, можно свести к неоднозначному пониманию соотношения между общим (характерным для всех кочевников) и частным (специфическим индоиранским) в социальном устройстве скифов [подробнее см.: Хазанов, 1974]. Вполне очевидно, что теоретически спор лишен какого-либо смысла. Это соотношение должно определяться в каждом конкретном случае. Рассмотрим на этом фоне триединую структуру скифского общества.

С точки зрения Э. А. Грантовского [1960], поддержанной и значительно детализированной Д. С. Раевским [1977; 1985], эта черта скифского социального устройства относится непо-

* Записки янычара. Написаны Константином Михайловичем из Островицы / Пер. А. И. Рогова.— М.: Наука, 1978.— 135 с.

средственно к кругу специфически индоиранских проявлений. Опираясь на взгляды Ж. Дюмезиля о наличии трехчленной социальной структуры (общинники — воины — жрецы) в индоевропейском, и в частности в индоиранском, обществе, они доказывают, что аналогичная структура имела место и у скифов. О происхождении трех сословно-кастовых групп скифского общества, реально существовавших «вплоть до последних веков скифской истории» [Раевский, 1977, С. 149], и повествует легенда о Таргитае и его сыновьях. Символами сословно-кастового деления в легенде выступают священные дары (ярмо и плуг — символ общинников, занятых земледелием и скотоводством, секира — воинов, чаша — жрецов), соотносимые с функциями возводимых к Арпоксаю, Липоксаю и Колоксаю родовых подразделений катиаров и траспиев, авхатов, паралатов [Раевский, 1977, С. 66]. Однако действительно ли такое трехчленное социальное деление наблюдается только у ираноязычных кочевников?

Весьма показательно, что между структурными подразделениями политических образований тюрко- и монгольских кочевников Евразии (крыльями и центром) существовало подобное разделение функций и связанные с этим особые права и привилегии входивших в эти подразделения родов. «Принадлежность к той или иной части улуса, орды, аймака, — отмечает А. И. Карагодин [1984, С. 26], свидетельствует о конкретном социально-политическом статусе человека». При этом левое «крыло» обычно менее привилегированное и почетное, чем правое. Первое в рамках военной организации триадного типа выполняло функцию военного ополчения, второе — постоянного войска, а центр — органа военно-политической власти [Стратанович, 1974]. Противопоставление левого и правого «крыла», а также различия в их функциях восходят, несомненно, к универсальному, характерному для всех народов противопоставлению правой и левой рук, основанному на физиологических особенностях человека. При этом правая

рука в абсолютном большинстве случаев ассоциируется с активным началом, удачей, благополучием, безопасностью и т. д., тогда как левая воплощает пассивность и отрицательное начало [Иванов, 1972, С. 115—117; Гамкрелидзе, Иванов, 1984, С. 784—785]. По мнению Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова, у скифов, кроме того, существовало представление о правой руке как об агрессивной, наносящей основной удар. Именно поэтому, по их мнению, скифы отрубали правую руку у убитого врага (Геродот, IV, 62), символизируя тем самым полное его обезвреживание [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, С. 785, сн. 2].

Самое примечательное, что в данном случае отвергаемые Э. А. Грантовским и Д. С. Раевским «кочевнические» аналоги в определенной степени подтверждают справедливость их выводов о наличии трехчленной социальной структуры у скифов, которая, впрочем, утрачивает на этом фоне оттенок исключительности.

Совершенно очевидно, что трехчленная социальная структура была характерна не только для индоиранцев. Ее зарождение связано с процессом разложения первобытных отношений. Возникновение имущественного неравенства приводит к социально-экономической дифференциации между родами, выделению знатных и правящих родов. В результате племенная организация постепенно становится орудием господства родовой знати и военных вождей над рядовыми общинами [Генинг, Павленко 1984, С. 100].

Один из путей достижения этого господства — приспособление военной организации к «родовой» структуре, закрепление военных функций за определенными родоплеменными подразделениями [Аверкиева, 1970, С. 120; Стратанович, 1974, С. 222—223].

У кочевников с характерной, организованной по родоплеменному принципу, структурой по данной схеме строились отношения господства и зависимости внутри крупных племенных союзов и конфедераций. В условиях подвижного быта входившие в их со-

став племена образовывали обширные и довольно монолитные этносоциальные организмы [Лашук, 1967, С. 33]. При этом зависимым племенам выделялось особое место — обычно левое «крыло» — в рамках уже относительно единой родоплеменной структуры.

Последняя, таким образом, закрепляла и обосновывала «законность» коллективной эксплуатации внутри кочевых объединений. Так формировалась основа (два неравноправных «крыла») будущей триадной организации. В отличие от последней такая организация получила наименование «дуальной». С выделением центра — наиболее привилегированной части кочевого общества — триадная этносоциальная организация окончательно оформлялась, становясь орудием господства опирающейся на «природных» подданных правящей верхушки над вновь покоренными группами населения [Карагодин, 1984, С. 26—34].

Как явствует из письменных источников, принцип трехчленности лежал и в основе административно-территориального деления многих кочевых образований. При перекочевках — и в мирное и в военное время — «крылья» занимали по отношению к «центру» (ставке) соответствующее своему наименованию место [там же, С. 26]. Предводители «крыльев» назначались верховным владетелем.

Относительно введения такой административной системы, например, у хуннов шаньюем Маодунаем сообщают: «Ставятся левый и правый сянь-ваны; левый и правый луливаны; левый и правый великие военачальники, левый и правый великие дувэи; левый и правый великие данху; левый и правый гудухоу. Мудрого сюнну называют туци, поэтому старший сын (шаньюя) всегда называется левым туциваном. От левого и правого сянь-ванов до данху — сильных, имеющих 10 тыс. всадников, и слабых, имеющих несколько тысяч (всадников), — всегда 24 начальника, для которых установлено звание ваньци. Все сановники занимают должности по наследству... Каждый имеет выделенный участок земли, по которому кочует в поисках

воды и травы, причем наиболее крупными владениями располагают левый и правый сянь-ваны и левый и правый лули-ваны. Левый и правый гудухоу помогают (шаньюю) в управлении. Каждый из 24 начальников, так же (как и шаньюй), сам назначает тысячников, сотников, десятников, малых князей, главных помощников, дувэев, данху и цецзюев» [Материалы..., 1984, С. 33].

По мнению В. С. Таскина, в описании зафиксирована раздача шаньюем уделов, включавших определенную территорию и живших на ней людей, от численности которых зависела численность воинов. При этом большинство темников («ваньци») было родственниками шаньюя. Именно в этом смысле следует понимать указание источника, согласно которому сановники занимают должности по наследству, — в данном случае под наследованием следует понимать занятие определенного поста в зависимости от родственных связей с шаньюем. Введение такой системы знаменовало переход от племенного к феодальному владению землей и регламентации перекочевков, что свидетельствует в пользу возникновения государства [Таскин, 1984, С. 34—36]. Элементы улусно-удельной системы усматривает в данном отрывке и Л. П. Лашук [1967, С. 33—34].

Аналогичную реформу провел при образовании государства Сяньби его основатель Таньшихуай [Бичурин, 1955, С. 155], разделивший подвластную ему территорию на три аймака. Упоминания подобной структуры неоднократно встречаются и при описании других кочевых народов. Так, в одной из летописей упоминается, что, вступив на престол тюркского каганата, хан Тобо назначил своего старшего племянника «Эрфу-ханом и вверил ему управление Восточную стороною, младшего своего брата Жугань-хана поставил Буриханом с пребыванием в Западной стороне» [Бичурин, 1955, С. 233].

Опираясь на сведения легенды о Таргитае и его потомках, согласно которым Колоксай разделил Скифию

между тремя сыновьями, мы вправе предположить, что подобное административно-территориальное деление имело место и у скифов, а имя Колоксая, символизирующего на уровне космологических представлений одну из сфер мироздания [Грантовский, 1960, С. 9], обосновывало законность существующего порядка. Трехчленное деление Скифии, таким образом, являлось воплощением на социально-политическом уровне идеальной трехчленной модели мира, характерной для скифской культуры [Раевский, 1977, С. 72]. В условиях трехчленного административного деления Скифии соответствующие структурные подразделения скифской орды (два «крыла» и «центр») обладали, по-видимому, определенной территорией кочевания и управлялись ближайшими родственниками царя, которые также являлись «царями». Неудивительно, что эти структурные единицы воспринимались Геродотом как относительно самостоятельные царства-басилеи, что, несомненно, и нашло отражение при описании скифского плана войны с Дарием [Геродот, IV, 120].

Одним из проявлений улусно-удельной системы организации орды является весьма своеобразный порядок наследования. Суть его заключается в том, что политическая власть в орде передавалась внутри правящей семьи не по прямой нисходящей линии, а от старшего брата к младшему и от последнего — к старшему племяннику. В ожидании своей очереди на престол наследники занимали вполне определенное их генеалогией место в трехчленном аппарате управления, обладали соответствующим уделом и званием, отражающими их положение в иерархической структуре и менявшимися по мере продвижения к высшей власти. В идеале такая схема выглядела следующим образом: непосредственным наследником являлся глава привилегированного крыла, после его воцарения освободившееся место занимал предводитель второго крыла и т. д.

Такая система весьма архаична. В ее основе, вероятно, лежит структу-

ра так называемого «конического» клана, положение членов которого определялось близостью и генеалогическим старшинством по отношению к предку-основателю [см.: Куббель, 1982, С. 130]. Этот момент хорошо прослеживается в переписке одного из сыновей тюркского хана Шаболио со своим дядей Чулохоу, где права последнего на престол обосновываются так: «Мой дядя и отец имели этот корень. Их тела как бы соединены в одно. Я не более, чем ветвь или лист от этого дерева. Как осмелюсь я стать господином, сделать, чтобы корень и ствол дерева снизошли от веток и листьев и чтобы мой дядя, облеченный в высочайшее достоинство, спустился ниже такого ничтожного лица, как я» [Гумилев, 1959, С. 16].

Эта система не лишена и практического смысла: во-первых, она исключала переход власти к малолетнему наследнику; во-вторых, укрепляла единство кочевых образований, «привязывая» владельцев уделов к центральной власти, на получение которой в свое время мог рассчитывать каждый из них [Гумилев, 1959, С. 12; 1967, С. 56—58].

Не случайно один из тюркских каганов — Тобо, обращаясь перед смертью к сыну, просил его не претендовать на престол и соблюдать установленный порядок наследования, как соблюдали его предшественники: «...известно, что самое близкое родство есть между отцом и сыном. Но мой старший брат не уважал сего родства, а мне поручил престол» [Бичурин, 1955, С. 233—234].

Наиболее важное значение приобрело данное правило в тех случаях, когда в состав орды входили покоренные племена, опираясь на которые владетель удела мог противопоставить себя центральной власти. Примерами таких центростремительных процессов изобилует история кочевников. Вспомним хотя бы эпизод с одним из темников Золотой орды и потомков Чингисхана Ногаем, владения которого простирались между Дунаем и Доном и были населены в основном потомками половцев и других зависимых этнических

ких групп*. Его независимая политика привела к столкновению с ханом Золотой орды (кстати, взошедшему на престол не без помощи того же Ногай), которое закончилось гибелью Ногай в 1400 г.

Однако на практике схема престолонаследия выдерживалась далеко не всегда. Не случайно одним из внешних проявлений была постоянная династическая борьба между ближайшими родственниками, что неоднократно зафиксировано многочисленными письменными источниками [см., напр.: Бичурин, 1955, С. 234—235; Материалы..., 1984, С. 88, 207, 270—271 и др.]. Нашла она отражение и в народных преданиях,— в частности одна из сюжетных линий эпического сказания о знаменитом герое Гэсэре посвящена описанию перепитий династической распри между самим героем и его дядей Цотоном [Козин, 1935, С. 15 и сл.].

Привлекает внимание то, что подобная борьба происходила и внутри царского рода скифов. Она зафиксирована, например, Геродотом в рассказанных им судьбах Анахарсиса и Скила. Можно предположить, что данное свидетельство косвенно указывает на существование такого порядка престолонаследия у скифов.

Однако как быть в таком случае с представлениями большинства скифологов относительно бытования у скифов обычая минората? Убедительные доводы против этой распространенной точки зрения приводит А. М. Хазанов [1975, С. 94—96]. Вероятно, что и этногенетические легенды, на основе которых сделан вывод о минорате, не столько обосновывают законность перехода власти от отца к младшему сыну, сколько отражают концентрацию власти в новом («младшем») подразделении скифской ор-

* Позднее — в начале XV в.— это население образовало ядро Ногайской орды и послужило основой для формирования ногайской народности. В современных фамилиях ногайцев (Исуновы, Канглиевы, Купчаковы и т. д.) находят отражение названия племен кипчаков, усуней, канглы, некогда входивших в улус Ногай [Керейтов, 1981].

ды — «центре». Действительно, если судить по версии легенды о происхождении скифов Диодора Сицилийского [II, 43], которая дает ряд архаических деталей (например, существование центра Скифии на Кавказе), триадная организация скифов не была изначальной. Вот что рассказывается в интересующем нас отрывке. Вначале скифы жили «в очень незначительном количестве у реки Аракса и были презираемы за свое бесславие; но еще в древности под управлением одного воинственного и отличавшегося стратегическими способностями царя они приобрели себе страну в горах до Кавказа, а в низменностях побережья Океана и Меотийского озера и прочие области до реки Танаиса. Впоследствии по скифским преданиям, появилась у них рожденная землей дева, у которой верхняя часть тела до пояса была женская, а нижняя — змеиная. Зевс, совокупившись с ней, произвел сына по имени Скиф, который, превзойдя славой всех своих предшественников, назвал народ по своему имени — скифами. В числе потомков этого царя были два брата, отличавшиеся доблестью; один из них назывался Пал, а другой — Нап. Когда они совершили славные подвиги и разделили между собой царство, по имени каждого из них назывались народы — один палами, а другой — напами. Спустя несколько времени потомки этих царей, отличавшиеся мужеством и стратегическими талантами, подчинили себе обширную страну за рекой Танаисом до Фракии и, направив военные действия в другую сторону, распространили свое владычество до египетской реки Нила»*. Показательно, что описание содержит прямое указание на дуальную организацию кочевников накануне переднеазиатских походов. Как мы уже писали, развитие дуальной организации в триадную, а не наоборот, как это предполагает для скифов Д. С. Раевский [1977, С. 78—

* Цит. по: В. В. Латышев. Известия древних авторов о Скифии и Кавказе // ВДИ.— 1949.— № 4.— С. 250.

79] *, — вполне естественный путь развития этносоциальной структуры. Поэтому «центр» был действительно новым явлением в социально-политическом делении скифской орды.

Допустим, возразят нам, распространение минората у скифов сомнительно, но есть прямые свидетельства Геродота о наследовании власти отцом одним из сыновей. Как же тогда согласуется с предположением автора то, что для скифов был характерен переход власти от старшего брата к младшему, а затем — к племяннику? Отметим в этой связи, что если факт перехода власти от брата к брату у скифов зафиксирован достоверно — имеется в виду эпизод со Скилом, преемником которого стал его брат Октомасад [Геродот, IV, 79—80], то данные о переходе власти от отца к сыну гораздо менее определены. Остановимся на них подробнее.

Важнейшим из них является сообщение Геродота, согласно которому верховный скифский царь Иданфирс, прославившийся победой над Дарием I, был сыном скифского царя Савлия. Но его приходу к власти предшествовала гибель от руки Савлия дяди Иданфирса Анахарсиса, убитого,

по официальной версии, сообщенной Геродоту доверенным лицом скифского царского дома Тимном, за поклонение чужеземным богам [Геродот, IV, 76]. Если наше предположение о порядке престолонаследия у скифов верно, то именно Анахарсис был законным наследником Савлия. Это обстоятельство позволяет по-новому оценить действительные причины его убийства. Поэтому переход власти от Савлия к Иданфирсу свидетельствует не о том, что преемником скифских царей был один из его сыновей, а скорее всего дает повод усомниться в законности этого порядка.

Вспомним также сообщение Геродота о вторжении в Переднюю Азию полчищ скифского царя Мадия, сына Прототия [Геродот, I, 103], сопоставляемого обычно с упоминанием с ассирийских источников царем «страны Ишкуза» Партатуа. Однако и этот пример не противоречит нашему предположению. Во-первых, мы не знаем, был ли Мадий непосредственным преемником Партатуа, и, во-вторых, не знаем самого главного: был он царем «страны Ишкуза», как его отец, или одним из двух подчиненных царей, т. е. стоял во главе одного из «крыльев» скифской орды.

Эти косвенные данные, в принципе, могут свидетельствовать в пользу интересующего нас порядка престолонаследия, тем более что система передачи власти, предполагаемая у скифов, зафиксирована у ряда кочевых иранских племен. Например, основателю парфянского государства Аршаку I наследовал его брат Тиридат, а парфянскому царю Фраату I — его брат Митридат I. Переход власти к брату правителя или к сыну брата обычен в индо-иранских княжествах [Фрай, 1972, С. 246, 260].

Итак, проведенные аналогии позволяют уточнить характерные особенности этносоциальной организации скифской кочевой орды, в частности следующее:

1) на основе рассказа Диодора Сицилийского, т. е. содержащихся в нем хронологических привязок, можно предположить, что для протоскифов

* Позиция Д. С. Раевского вполне объяснима. Исходной точкой всех его построений служит предположение, что истоки трехчленного деления скифского общества следует искать в аналогичной структуре индоиранской общности. Признать, что у скифов триадной организации предшествовала дуальная, — значит разрушить всю построенную на этом предположении логическую конструкцию. Поэтому вначале он соглашается с теми специалистами, которые считают, что бинарный принцип построения космогонических схем предшествует триадному, затем пишет: «... версия ДС (Диодора Сицилийского. — В. М.) демонстрирует в этих (космологических. — В. М.) горизонтах ту же трехчленную модель, что и остальные версии (триада Зевс — Скиф — рождения земель змееногая дева). Следовательно, двухчленность характеризует не всю модель, отраженную в этом варианте скифского мифа, а только ее реализацию на уровне социальной структуры. Поэтому двучленная сословно-кастовая организация, нашедшая отражение в версии ДС, не может рассматриваться как свидетельство архаической этой версии в целом. Речь скорее идет о ломке традиционной трехчленной структуры...»

была характерна дуальная организация общества;

2) превращение ее в триадную организацию, зафиксированную для скифского кочевого объединения, произошло в результате покорения протоскифами местного киммерийского населения. Триадная организация являлась орудием господства правящей верхушки, опиравшейся на завоевателей-протоскифов, над завоеванным киммерийским населением;

3) записанная Геродотом легенда о Таргитае и его сыновьях выполняла двойную функцию, идеологически обосновывая единство сложившегося этносоциального организма, с одной стороны, и социальные различия между зависимым населением и завоевателями, принадлежащими к разным структурным подразделениям скифской кочевой орды, — с другой;

4) как свидетельство этносоциальной неоднородности скифов могут рассматриваться прослеживающиеся у них элементы улусно-удельной системы с характерным для нее порядком престолонаследия.

Таким образом, в обществе, сложившемся в результате взаимодействия местных и пришлых кочевых племен, социальная стратификация основывалась на этнической, что несомненно затрудняло процесс этнической консолидации.

Как мы уже отмечали, столь сложная этносоциальная структура скифского общества отразилась в раннескифском погребальном обряде, отличающемся многообразием форм. Однако к IV в. до н. э. происходит значительная унификация погребального обряда скифов, что, по нашему мнению, может свидетельствовать об изменении этносоциальной структуры, в частности о сложении в основном к этому времени скифского этноса. Что же способствовало преодолению этнических различий внутри скифского кочевого объединения? Обратимся еще раз к Геродоту.

Во втором варианте скифской этногенетической легенды, записанной им со слов северопричерноморских эллинов [Геродот, IV, 8—10], от брака Ге-

ракла с обитавшей в Гилее змееногой девой родились три сына — Агафирс, Гелон и Скиф. Покидая их, Геракл оставил свой лук и пояс и посоветовал после возмужания сыновей устроить им следующее испытание: если кто-то из них, — сказал он матери сыновей, — «натягивает этот лук вот так и подпоясывается поясом вот таким, ты и сама будешь довольна, и выполнишь мой приказ». В результате двое его сыновей, Агафирс и Гелон, «которые не смогли справиться со стоявшей перед ними задачей, ушли из страны, а самый младший из них — Скиф, — выполнив все, остался в стране. И от Скифа, сына Геракла, произошли нынешние цари скифов».

Главное отличие этого варианта от предыдущих версий, переданных Геродотом и Диодором Сицилийским, состоит в следующем. Если в первой Геродотовой легенде, а также в легенде Диодора Сицилийского обосновывается политическое единство кочевого населения — потомков протоскифов и киммерийцев, то во втором варианте Геродота генеалогическая легенда является обоснованием единства степных кочевников, которые рассматриваются здесь уже как одно целое, и нескифского населения Лесостепи.

Б. Н. Граков и А. И. Мелюкова [1954, С. 42—43] считали, что объединение в одной генеалогии трех неродственных народов — скифов, агафирсов и гелонов, — результат греческой переработки этой версии скифской этногенетической легенды.

Вероятно, с этим можно согласиться. У нас нет данных о включении агафирсов и гелонов в скифский политический союз. Более того, во время войны скифов с Дарием I агафирсы не только не стали союзниками скифов, как многие другие племена и народы, но и воспрепятствовали продвижению скифского войска в ходе боевых действий на свою территорию [Геродот, IV, 125].

Однако в целом вариант легенды, очевидно, достоверно отражает новую политическую ситуацию, возникшую в результате образования северопричерноморской Скифии в пределах Степи

и Лесостепи, господствующее положение в которой занимало кочевое население. Не случайно изображения, в основе которых лежал сюжет о Геракле и его сыновьях, были чрезвычайно популярны в Скифии IV в. до н. э. [Граков, 1950; Раевский, 1977, С. 74].

В этих условиях, естественно, должно было исчезнуть деление на «природных» и «новых» подданных как основа этносоциальной стратификации среди кочевников, ставших, в целом, по отношению к земледельцам Лесостепи «природными» подданными скифских царей. Исчезновение такого деления, по нашему мнению, и стало основным фактором, повлиявшим на ускорение объединительных этногенетических процессов внутри скифского кочевого образования. Одновременно объединение в рамках единого политического образования степного и лесостепного населения должно было привести к появлению этнических отношений между двумя этими группами населения Скифии [Ольдерогге, Поплинский, 1984], что при условии дальнейшей стабильности скифского государства в указанных территориальных границах, в свою очередь, привело бы к формированию нового гетерогенного этноса.

В результате мы можем выделить следующие этапы формирования скифского этноса:

начало — первая половина VII в. до н. э.— продвижение с востока на территорию степей Северного Кавказа и Северного Причерноморья протоскифских племен привело к взаимодействию пришлого и местного протоскифского населения, что явилось исходной точкой этногенеза скифов;

VII — начало VI вв. до н. э.— сложение в период походов в Переднюю Азию этносоциальной структуры скифского объединения, основанной на покорении протоскифами киммерийского населения. Эксплуатация покоренных осуществлялась в рамках трехчленной раннеполитической структуры, закреплявшей этносоциальную стратификацию внутри скифской кочевой орды;

VI в. до н. э.— образование северо-причерноморской Скифии в пределах Степи и Лесостепи под эгидой ираноязычных кочевников, осуществлявших коллективную эксплуатацию земледельцев Лесостепи;

конец VI—V в. до н. э.— формирование скифского этноса в результате ускорения объединительных этногенетических процессов внутри кочевой орды.

Итак, нами рассмотрен процесс формирования скифского этноса, происходивший при взаимодействии местных (киммерийских) и пришлых (протоскифских) этнических компонентов в рамках единого этносоциального организма, сложившегося в результате завоевания протоскифами киммерийских племен.

Устойчивость данной этносоциальной структуры, сословной по сути, обеспечивалась наличием военно-политической организации триадного типа, служившей орудием господства правящей верхушки скифского общества, опиравшейся на «природных» подданных, над покоренными группами кочевого населения. Соответственно время ее сложения отнесено к VII в. до н. э., когда, по нашему мнению, возникло скифское раннеполитическое образование.

Развитие скифской государственности, по-видимому, носило достаточно дискретный характер, поскольку для стабильного развития прочных кочевых образований были необходимы не только внутренние, но и внешние объекты эксплуатации [Хазанов, 1975, С. 255]. Последние играли весьма значительную роль в кочевых обществах в силу ограниченных экономических возможностей экстенсивного скотоводства, а также благодаря военному превосходству кочевников над соседними оседлыми народами [Першиц, 1976, С. 290]. Поэтому одной из основных целей раннеклассовых государственных образований кочевников стало всемерное расширение сферы своего политического влияния и возложение

даннических отношений на покоренные народы [Лашук, 1967, С. 255].

Не являлись исключением в этом плане и скифы, на всем протяжении своей истории не пренебрегавшие такими источниками доходов, как грабежи и взимание дани с покоренных народов, а также другими подобными формами получения продуктов ремесла и земледелия [Тереножкін, 1975, С. 10—11].

В период существования «царства Ашкуза» основным объектом такой эксплуатации являлось население Закавказья и Передней Азии, а позднее — в эпоху северопричерноморской Скифии, — земледельческие племена Украинской Лесостепи. В отличие от недолговечного «царства Ашкуза» (VII — первая половина VI в. до н. э.) временной отрезок, на протяжении которого существовала северопричерноморская Скифия (VI—IV вв. до н. э.), был более длительным, что создавало одну из предпосылок завершения этнического процесса, в развитии которого немалую роль играет фактор времени [Генинг, 1970, С. 118].

Второй важнейший фактор, влиявший на консолидацию кочевого населения северопричерноморской Скифии, — противостояние кочевников и земледельцев Лесостепи. Как известно, внешнеэксплуататорская деятельность тормозила развитие эксплуатации внутри кочевых обществ [Першиц, 1976, С. 302]. Данное обстоятельство не могло не способствовать затуханию этнических различий в среде скифских племен, привилегированное или подчиненное положение которых

относительно друг друга определялось принадлежностью к тому или иному компоненту формирующегося скифского этноса.

В условиях подвижного кочевого быта единство данного этнического новообразования, возникшего в условиях раннеклассового общества, осознавалось через призму подлинных и мнимых кровнородственных связей, закреплённых в скифских генеалогических легендах. Это характерная особенность практически всех кочевых этносов, специфичных своей архаичностью, что объясняется консервацией доклассовой по форме этнической общности в условиях экстенсивного скотоводст-

ва, препятствовавшего сложению территориальных связей [Першиц, 1982, С. 177—178].

Данное обстоятельство необходимо учитывать при определении исторического типа скифского этноса, который, с нашей точки зрения, может быть обозначен как «постплеменная народность», по Ю. В. Бромлею [1983, С. 285], «территориально-племенная общность», по Л. Н. Лашуку [1968, С. 106], или «территориально-этническая общность», по В. Ф. Генингу [1970, С. 118]. Сложение этого этноса, как мы уже писали выше, в основном завершилось к концу V в. до н. э.

- Абаев В. И. Скифо-европейские изоглоссы. — М.: Наука, 1965.—167 с.
- Абрамзон С. М., Потапов Л. П. Народная этногония как один из источников для изучения этнической и социальной истории (на материалах тюркоязычных кочевников) // СЭ.—1975.—№ 6.—С. 28—41.
- Абрамова М. П. Погребения скифского времени Центрального Предкавказья // СА.—1974.—№ 2.—С. 195—212.
- Агбунов М. В. Загадки Понта Эвксинского: (Античная география Северо-Западного Причерноморья). — М.: Мысль, 1985.—160 с.
- Азбелев С. Н. Отношение предания, легенды и сказки к действительности (с точки зрения разграничения жанров) // Славянский фольклор и историческая действительность. — М.: Наука, 1965.—С. 3—17.
- Акишев К. А. Саки азиатские и скифы европейские (общее и особенное в развитии) // Археологические исследования в Казахстане. — Алма-Ата: Наука, 1973.—С. 43—58.
- Алексеев В. П., Бромлей Ю. В. К изучению роли переселений народов в формировании новых этнических общностей // СЭ.—1968.—№ 2.—С. 34—45.
- Алиев И. История Мидии.— Баку: Изд-во АН АзССР, 1960.—360 с.
- Алиев И. Сармато-аланы на пути в Иран // История иранского государства и культуры.— М.: Наука, 1971.—С. 198—211.
- Алиев И. О скифах и Скифском царстве в Азербайджане // Переднеазиатский сборник. 3. История и филология стран Древнего Востока. — М.: Наука, 1979.—С. 4—14.
- Алиев И., Погребова М. Н. Об этнических процессах в областях Восточного Закавказья и Западного Ирана в конце II — начале I тыс. до н. э. // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. — М.: Наука, 1981.—С. 126—137.
- Анфимов Н. В. Древние поселения Прикубанья. — Краснодар: Кн. изд-во, 1953.—79 с.
- Анфимов Н. В. Новый могильник древнемеотской культуры (могильник у хут. Кубанский) // Скифский мир. — Киев: Наук. думка, 1975.—С. 35—54.
- Артамонов М. Общественный строй скифов // ВЛГУ.—1947.—№ 9.—С. 70—87.
- Артамонов М. И. К вопросу о происхождении скифов // СА.—1950.—№ 2.—С. 37—47.
- Артамонов М. И. История хазар.—Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962.—523 с.
- Артамонов М. И. Загадки скифской археологии // УИЖ.—1970.—№ 1.—С. 23—30.
- Артамонов М. И. Скифское царство // СА.—1972.—№ 3.—С. 56—67.
- Артамонов М. И. Киммерийцы и скифы. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1974.—156 с.
- Артамонов М. И. Киммерийцы и скифы в Азии // Первобытная археология Сибири.— Л.: Наука, 1975.—С. 100—108.
- Батчев В. М. Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. — Нальчик: Эльбрус, 1985.—Т. 2.—С. 7—115.
- Беляевский В. А. Война Вавилона за независимость (627—605 гг. до н. э.) и гегемония скифов в Передней Азии // Исследования по истории стран Востока. — Л.: Наука, 1964.—С. 93—128.
- Беляевский В. А. Вавилон легендарный и Вавилон исторический. — М.: Мысль, 1971.—318 с.
- Бидзиля В. И., Вознесенская Г. А., Недопако Д. П., Паньков С. В. История черной металлургии и металлообработки на территории УССР (III в. до н. э.—III в. н. э.).— Киев: Наук. думка, 1983.—109 с.
- Бикерман Э. Хронология Древнего мира.— М.: Наука, 1976.—334 с.
- Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена.— М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.—Т. 1.—380 с.
- Блаватский В. Д. Киммерийский вопрос и Пантикапей // ВМГУ.—1948.—№ 8.—С. 9—18.
- Блаватский В. Д., Кошеленко Г. А., Кругликова И. Т. Полис и миграции греков // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. — Тбилиси: Мицниереба, 1979.—С. 7—29.
- Бонград-Левин Г. М., Грантовский Э. А. От Скифии до Индии. — М.: Мысль, 1983.—206 с.
- Браун Ф. К. Отчет о раскопках в Таврической губернии в 1898 г. // ИАК.—1906.—19.—С. 81—116.
- Брашинский И. Б., Щеглов А. Н. Некоторые проблемы греческой колонизации // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. — Тбилиси: Мицниереба, 1979.—С. 29—46.
- Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса.— М.: Наука, 1983.—412 с.

Бунятян Е. П. Методика социальных реконструкций в археологии: На материале скифских могильников IV—III вв. до н. э. — Киев: Наук. думка, 1985.—226 с.

Виноградов В. Б. О скифских походах через Кавказ (по письменным источникам) // Тр. Чечено-Ингушского НИИ.—1964.—9.—С. 21—48.

Виноградов В. Б. Фигурки «скифов» из Чечено-Ингушетии // СА.—1966.—№ 2.—С. 298—301.

Виноградов В. Б. Кубанский шлем из Чечено-Ингушетии // Скифские древности. — Киев: Наук. думка, 1973.—С. 275—276.

Виноградов В. Б. Новые находки предметов скифо-сибирского звериного стиля из Чечено-Ингушетии // СА.—1974.—№ 4.—С. 258—263.

Виноградов В. Б., Дударев С. Л. К хронологии раннего этапа скифо-северокавказских взаимоотношений // Изв. Юго-Осетинского НИИ АН ГССР.—1983.—26.—С. 114—127.

Виноградов В. Б., Дударев С. Л. К этнокультурной интерпретации некоторых материалов VII в. до н. э. из Предкавказья // АСГЭ.—1983а.—№ 23.—С. 49—54.

Виноградов Ю. Г. Из истории архаической Ольвии // СА.—1971.—№ 2.—С. 232—238.

Виноградов Ю. Г. О политическом единстве Березани и Ольвии // Художественная культура и археология античного мира. — М.: Наука, 1976.—С. 75—84.

Гаврилюк Н. А. Керамика степной Скифии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Киев, 1981.—19 с.

Галанина Л. К. Раннескифские уздечные наборы (по материалам Келермесских курганов) // АСГЭ.—1983.—№ 24.—С. 32—55.

Галанина Л. К. Шлемы кубанского типа (вопросы хронологии и происхождения) // Культурное наследие Востока (проблемы, поиски, суждения). Л.: Наука, 1985.—С. 169—183.

Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Миграция племен — носителей индоевропейских диалектов — с первоначальной территории расселения на Ближнем Востоке в исторические места их обитания в Евразии // ВДИ.—1981.—№ 2.—С. 11—33.

Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. — Тбилиси: Изд-во Тбилис. ун-та, 1984.—1328 с.

Гафуров Б. Г. К 2500-летию Иранского государства // История Иранского государства и культуры.—М.: Наука, 1971.—С. 5—37.

Генинг В. Ф. Этнический процесс в первобытности. — Свердловск: Урал. ун-т, 1970.—126 с.

Генинг В. Ф. Проблема социальной структуры общества кочевых скифов IV—III вв. до н. э. по археологическим данным // Ф. Энгельс и проблемы истории кочевых обществ. — Киев: Наук. думка, 1984.—С. 124—153.

Генинг В. Ф., Павленко Ю. В. Институт племени как орган зарождающейся политической надстройки // Там же.—С. 60—109.

Гиндин Л. А., Мерперт Н. Я. Античная балканистика и этногенез народов Балкан: (К методологии междисциплинарных исследований) // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. — М.: Наука, 1984.—С. 3—10.

Граков Б. М. Скифы. — К.: Вид-во АН УРСР, 1947.—93 с.

Граков Б. Н. Скифский Геракл // КСИИМК.—1950.—34.—С. 7—18.

Граков Б. Н. Скифские погребения на Никопольском курганном поле // МИА.—1962.—№ 115.—С. 56—113.

Граков Б. Н. Легенда о скифском царе Аррианте (Геродот, кн. IV, гл. 61) // История, археология и этнография Средней Азии. — М.: Наука, 1968.—С. 101—115.

Граков Б. Н. Скифы. — М.: Изд-во МГУ, 1971.—170 с.

Граков Б. Н., Мелюкова А. И. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях европейской части СССР в скифское время // ВССА.—М.: Изд-во АН СССР, 1954.—С. 39—93.

Грантовский Э. А. Индо-иранские касты у скифов // XXV Междунар. конгр. востоковедов: Докл. делегации СССР.—М.: Наука, 1960.—22 с.

Грантовский Э. А. О распространении иранских племен на территории Ирана // История Иранского государства и культуры. — М.: Наука, 1975.—С. 286—327.

Грантовский Э. А. Проблемы изучения общественного строя скифов // ВДИ.—1980.—№ 4.—С. 128—154.

Грантовский Э. А., Раевский Д. С. Об ираноязычном и «индоарийском» населении Северного Причерноморья в античную эпоху // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. — М.: Наука, 1984.—С. 47—66.

Грач А. Д. Древние кочевники в центре Азии. — М.: Наука, 1980.—255 с.

Грязнов М. П. Первый Пазырыкский курган. — Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1950.—85 с.

Грязнов М. П. Аржан: Царский курган раннескифского времени. — Л.: Наука, 1980.—61 с.

Гумилев Л. Н. Удельно-лестничная система у тюрков в VI—VII вв.: (К вопросу о ранних формах государственности) // СЭ.—1959.—№ 3.—С. 11—25.

Гумилев Л. Н. Древние тюрки. — М.: Наука, 1967.—502 с.

Давыдов А. А. Афганская деревня. — М.: Наука, 1969.—262 с.

Дебец Г. Ф. О физических типах людей скифского времени // МИА.—1971.—№ 177.—С. 8—10.

Доватур Д. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. — М.: Наука, 1982.—455 с.

Доманский Я. В. Ольвия и варвары в V в. до н. э. // Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации. — Тбилиси: Мицниереба, 1981.—С. 157—163.

Дударев С. Л. Ранний этап освоения же-

леза в Центральном Предкавказье и в бассейне р. Терек (IX—VII вв. до н. э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Киев, 1983.—24 с.

Дьяконов И. М. Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту // ВДИ.—1951.— № 2.—С. 257—356; № 3.—С. 205—252.

Дьяконов И. М. История Мидии. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956.—483 с.

Дьяконов И. М. К методике исследований по этнической истории (киммерийцы) // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности.— М.: Наука, 1981.— С. 90—100.

Елагина Н. Г. О родоплеменной структуре скифского общества по материалам четвертой книги Геродота // СЭ.—1963.—№ 3.—С. 76—82.

Еремеев Д. Е. Этногенез турок (происхождение и основные этапы этнической истории). — М.: Наука, 1971.—272 с.

Есаян С. А., Погребова М. Н. Скифские памятники Закавказья.— М.: Наука, 1985.—151 с.

Жебелев С. В. Северное Причерноморье.— М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953.—388 с.

Иванов Вяч. Вс. Об одном типе архаических знаков искусства и пиктографии // Ранние формы искусства.— М.: Искусство, 1972.—С. 105—147.

Иессен А. А. Археологические памятники Кабардино-Балкарии // МИА.—1941.—№ 3.—С. 7—50.

Иессен А. А. Греческая колонизация Северного Причерноморья.— Л.: Изд-во АН СССР, 1947.—92 с.

Иессен А. А. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге европейской части СССР // СА.—1953.—№ 18.—С. 49—110.

Иессен А. А. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе // ВССА.— М.: Изд-во АН СССР, 1954.—С. 112—131.

Ильинская В. А. Скифы Днепровского лесостепного Левоборозья.— Киев: Наук. думка, 1968.—188 с.

Ильинская В. А. Бронзові наконечники стріл так званого жаботинського і новочеркаського типів // Археологія.—1973.— Вип. 12.—С. 13—26.

Ильинская В. А. Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин.— Киев: Наук. думка, 1975.—224 с.

Ильинская В. А. Современное состояние проблемы скифского звериного стиля // Скифо-сибирский звериный стиль.— М.: Наука, 1976.—С. 9—29.

Ильинская В. А., Тереножкин А. И., Мозолевский Б. Н. Курганы VI в. до н. э. у с. Матусово // Скифия и Кавказ.— Киев: Наук. думка, 1980.—С. 31—63.

Ильинская В. А., Тереножкин А. И. Скифия VII—IV вв. до н. э.— Киев: Наук. думка, 1983.—378 с.

Капошина С. И. Из истории греческой колонизации Нижнего Побужья // МИА.—1956.—№ 50.—С. 211—255.

Карагодин А. И. Дуальная организация у приволжских калмыков // СЭ.—1984.— № 5.—С. 25—36.

Керейтов Р. Х. Некоторые вопросы этногенеза ногайцев // Археология и краеведение — ВУЗу и школе: Тез. конф.— Грозный: Чечено-Ингуш. ун-т, 1981.— С. 39—40.

Клочко В. И., Мурзин В. Ю. О двух этапах продвижения протоскифов в степи Восточной Европы // Ист. чтения памяти М. П. Грязнова: Тез. конф.— Омск: Омский ун-т, 1987.— С. 24—26.

Клочко В. И., Мурзин В. Ю. О взаимодействии местных и привнесенных элементов скифской культуры // Скифы Северного Причерноморья.— Киев: Наук. думка, 1987а.— С. 12—19.

Клочко В. И., Мурзин В. Ю. О датировке черноторовских и новочеркасских памятников // Киммерийцы и скифы: Тез. Всесоюз. сем., посвящ. памяти А. И. Тереножкина.— Кировоград: Ин-т археологии АН УССР, 1987б.— Ч. 1.—С. 73—75.

Кляшторный С. Г. Древнетюркская письменность и культура Центральной Азии (по материалам полевых исследований в Монголии в 1968—1969 г.) // Тюркологический сборник 1972 г.— М.: Наука, 1973.—С. 254—264.

Ковалев А. А. О захоронениях лошадей в Келермесских курганах (к разработкам М. П. Грязнова) // Ист. чтения памяти М. П. Грязнова: Тез. конф.— Омск: Омский ун-т, 1987.—С. 29—30.

Ковпаненко Г. Т. Племена скифского часу на Ворсклі.— К.: Наук. думка, 1967.—186 с.

Ковпаненко Г. Т. Курганы раннескифского времени в бассейне р. Рось.— Киев: Наук. думка, 1981.—158 с.

Козенкова В. И., Крупнов Е. И. Исследования Сержень-Юртовского поселения // КСИА АН СССР.—1966.—№ 106.—С. 81—87.

Козин С. А. Социальные мотивы в Гесериаде (опыт историко-литературной характеристики) // Гесериада.— М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1935.—С. 7—34.

Колчин Б. А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси // МИА.—1955.—№ 32.—257 с.

Кондукторова Т. С. Антропология древнего населения Украины.— М.: Изд-во МГУ, 1972.—155 с.

Копейкина Л. В. Родосско-ионийская ойнохоя из кургана Темир-Гора // ВДИ.—1972.—№ 1.—С. 147—159.

Копейкина Л. В. Особенности развития Березанского поселения в связи с ходом колонизационного процесса // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья.— Тбилиси: Мицниереба, 1979.—С. 106—113.

Коренько В. А. Некоторые теоретические проблемы изучения древних погребений // Изв. СКЦВШ.—1976.—№ 1.—С. 53—58.

Коренько В. А., Лукьяшко С. И. Новые материалы раннескифского времени на левобережье Нижнего Дона // СА.—1982.—№ 3.—С. 149—164.

Косарев М. Ф. Бронзовый век Западной Сибири.— М.: Наука, 1981.—278 с.

Крупнов Е. И. О походах скифов через

Кавказ // ВССА.—М.: Изд-во АН СССР, 1954.—С. 186—194.

Крыжицкий С. Д. О развитии городской территории Ольвии в первом тысячелетии до нашей эры // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья.—Тбилиси: Мицниереба, 1979.—С. 119—125.

Крюков М. В., Сафронов М. В., Чебоксаров Н. Н. Древние китайцы: проблемы этногенеза.—М.: Наука, 1978.—342 с.

Куббель Л. Е. Этнические общности и постарно-политические структуры доклассового и раннеклассового общества // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе.—М.: Наука, 1982.—С. 124—146.

Кудрявцев А. А. Древний Дербент.—М.: Наука, 1982.—172 с.

Кузьмина Е. Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических данных // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности.—М.: Наука, 1981.—С. 101—125.

Куклина И. В. Ранние известия о скифах и киммерийцах // ВДИ.—1981.—№ 2.—С. 162—173.

Куклина И. В. Этногеография Скифии по античным источникам.—Л.: Наука, 1985.—205 с.

Лашук Л. П. Социальная организация средневековых кочевников // СЭ.—1967.—№ 4.—С. 25—39.

Лашук Л. Н. Опыт типологии этнических общностей средневековых тюрков и монголов // СЭ.—1968.—№ 1.—С. 95—106.

Лелеков Л. А., Раевский Д. С. Скифский рассказ Геродота: фольклорные элементы и историческая информативность // НАА.—1979.—№ 6.—С. 68—78.

Лесков А. М. Предскифский период на Украине: Автореф. дис. ... докт. ист. наук.—М.: Ин-т археологии АН СССР, 1975.—72 с.

Лесков А. М. Курганы: проблемы, находки.—Л.: Наука, 1981.—168 с.

Липец Р. С. Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе.—М.: Наука, 1984.—262 с.

Ллойд С. Археология Месопотамии.—М.: Наука, 1984.—280 с.

Максимова М. И. Серебряное зеркало из Келермесса // СА.—1954.—№ 21.—С. 281—305.

Максимова М. И. Ритон из Келермесса // СА.—1956.—№ 25.—С. 215—235.

Манандян Я. А. О некоторых проблемах истории древней Армении и Закавказья.—Ереван: Изд-во АН АрмССР.—1944.

Манцевич А. П. Золотая чаша из Келермесского кургана // *Opagiu lui George Orgescu.*—București, 1961.—P. 331—338.

Маргулан А. Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана.—Алма-Ата: Наука, 1979.—336 с.

Марков Г. Е. Кочевники Азии: Структура хозяйства и общественные организации.—М.: Изд-во МГУ, 1976.—317 с.

Марченко К. К. Варвары в составе населе-

ния Березани и Ольвии во второй пол. VII — первой пол. I вв. до н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук.—Л., 1974.—20 с.

Масленников А. А. Еще раз о боспорских валах // СА.—1983.—№ 3.—С. 14—22.

Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху.—М.: Наука, 1984.—486 с.

Меликшвили Г. А. Некоторые вопросы истории Маннейского царства // ВДИ.—1949.—№ 1.—С. 57—72.

Минаева Т. М. Археологические материалы скифского времени в Ставропольском краевом музее // МИСК.—1956.—8.—С. 329—342.

Мозолевский Б. М. Товста Могила.—К.: Наук. думка, 1979.—251 с.

Мурзин В. Ю. Скифы на Північному Кавказі // Археологія.—1978.—Вип. 27.—С. 22—35.

Мурзин В. Ю. Погребальный обряд степных скифов в VII—V вв. до н. э. // Древности степной Скифии.—Киев: Наук. думка, 1982.—С. 47—67.

Мурзин В. Ю. Скифская архаика Северного Причерноморья.—Киев: Наук. думка, 1984.—133 с.

Мурзин В. Ю. Проблема происхождения скифов в сучасній історіографії // Археологія.—1984.—Вип. 46.—С. 22—30.

Мурзин В. Ю. Об одном из аспектов возникновения северопричерноморской Скифии // Проблемы исследования Ольвии: Тез. докл. и сообщ.—Парутино: Ин-т археологии АН УССР, 1985.—С. 90—91.

Мурзин В. Ю. О военно-политической организации кочевых скифов // Киммерийцы и скифы: Тез. Всесоюз. сем., посвящ. памяти А. И. Тереножкина.—Кировоград: Ин-т археологии АН УССР, 1987.—Ч. 2.—С. 26—28.

Мурзин В. Ю., Черненко Е. В. О средствах защиты боевого коня в скифское время // Скифия и Кавказ.—Киев: Наук. думка, 1980.—С. 155—167.

Мурзин В. Ю., Черненко Е. В. // Ист.-филол. журн. АН АрмССР.—1985.—№ 3.—С. 227—231.—Рец. на кн.: *Погребова М. Н.* Закавказье и его связи с Передней Азией в скифское время.—М.: Наука, 1984.

Нагоев А. Х. Раскопки курганов скифского времени у с. Нартан // АО 1972 г.—М.: Наука, 1980.—С. 119.

Нейхардт А. А. Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии.—Л.: Наука, 1982.—239 с.

Новгородова Э. А. Ранний этап этногенеза народов Монголии (конец III—I тыс. до н. э.) // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности.—М.: Наука, 1981.—С. 207—214.

Ольдерогге Д. Я., Поплинский Ю. К. Проблемы скифологии в перспективе истории и этнографии // ВДИ.—1984.—№ 4.—С. 149—159.—Рец. на кн.: *Нейхардт А. А.* Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии.—Л.: Наука, 1982.—239 с.

Ольховский В. С. Скифские катакомбы в Северном Причерноморье // СА.—1977.—№ 4.—С. 108—128.

- Онайко Н. А. Античный импорт в Поднепровье и Побужье в VII—V вв. до н. э.— М.: Наука, 1966.—115 с.— (САИ; Вып. Д1-27).
- Оппенгейм А. Древняя Месопотамия.— М.: Наука, 1980.—406 с.
- Отрощенко В. В. Новый могильник белозерского времени // Скифский мир.— Киев: Наук. думка, 1975.— С. 193—206.
- Отрощенко В. В. Срубная культура степного Поднепровья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук.— Киев, 1981.—22 с.
- Першиц А. И. Некоторые особенности классовообразования и раннеклассовых отношений у кочевников-скотоводов // Становление классов и государства.— М.: Наука, 1976.— С. 280—313.
- Першиц А. И. Этнос в раннеклассовых оседло-кочевнических общностях // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе.— М.: Наука, 1982.
- Петренко В. Г. Правобережье Среднего Поднепровья в V—III вв. до н. э.— М.: Наука, 1967.— (САИ; Вып. Д1-4).—179 с.
- Петренко В. Г. Ставропольская экспедиция // АО 1974 г.— М.: Наука, 1975.— С. 125.
- Петренко В. Г. Памятники раннескифской культуры на Ставропольщине // Археология Северного Кавказа. VI Крупновские чтения в Краснодаре: Тез. конф.— М.: Ин-т археологии АН СССР, 1976.— С. 18—19.
- Петренко В. Г. Скифская культура на Северном Кавказе // АСГЭ.—1983.—№ 23.— С. 43—48.
- Пиотровский Б. Б. Скифы и Древний Восток // СА.—1954.—№ 19.— С. 141—158.
- Пиотровский Б. Б. Ванское царство.— М.: Изд-во АН СССР, 1959.—284 с.
- Пирцхалава М. С. Памятники скифской арханки на территории древней Грузии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук.— Тбилиси, 1975.— 21 с.
- Плетнева С. А. Кочевники Средневековья: Поиски исторических закономерностей.— М.: Наука, 1982.—187 с.
- Погрехова М. Н. Памятники скифской культуры в Закавказье // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье.— М.: Наука, 1981.— С. 42—58.
- Погрехова М. Н. Закавказье и его связи с Передней Азией в скифское время.— М.: Наука, 1984.—247 с.
- Полін С. В. Хронологія ранньоскіфських пам'яток // Археологія.—1987.— Вип. 59.— С. 17—26.
- Пьянков И. В. К вопросу о путях проникновения ираноязычных кочевников в Переднюю Азию // Переднеазиатский сборник. 3.— С. 193—207.
- Раевский Д. С. Скифо-авестийские параллели и некоторые сюжеты скифского искусства // Искусство и археология Ирана.— М.: Наука, 1971.— С. 275—280.
- Раевский Д. С. Очерки идеологии скифосакских племен.— М.: Наука, 1977.—215 с.
- Раевский Д. С. Модель мира скифской культуры.— М.: Наука, 1985.—255 с.
- Ростовцев М. И. Эллинизм и иранство на юге России.— Пг.: Огни, 1918.—190 с.
- Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия.— М.: Наука, 1979.—246 с.
- Садаев Д. Ч. История древней Ассирии.— М.: Наука, 1979.—247 с.
- Свенцицкая И. С. Греческие города в составе Лидийского царства // ВДИ.—1978.— № 2.— С. 26—38.
- Смирнов К. Ф. Вопросы изучения сарматских племен и их культуры в советской археологии // ВССА.— М.: Изд-во АН СССР, 1954.— С. 195—219.
- Смирнов К. Ф. Савроматы.— М.: Наука, 1964.—379 с.
- Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий.— М.: Наука, 1977.—82 с.
- Смирнова Г. И. Новое в изучении археологических памятников Северо-Западной Скифии (западноподольская группа памятников) // Культура Востока: Древность и раннее средневековье.— Л.: Аврора, 1978.— С. 115—130.
- Сокольский Н. И. Валы в системе Европейского Боспора // СА.—1957.—№ 27.— С. 91—106.
- Стратанович Г. Г. Военная организация триадного типа и ее судьбы // Проблемы алтаистики и монголоведения: Материалы Всесоюз. конф.—Элиста, 1974.—Вып. 1: Сер. лит., фольклора и истории.— С. 220—230.
- Струве В. В. Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии.— Л.: Наука, 1968.—354 с.
- Таскин В. С. Значение китайских источников в изучении древней истории монголов // Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху.— М.: Наука, 1984.— С. 3—69.
- Тереножкин А. И. Об общественном строе скифов // СА.—1966.—№ 2.— С. 33—40.
- Тереножкин А. И. Дата мингечаурских удил // СА.—1971.—№ 4.— С. 71—84.
- Тереножкин А. И. Черногоровская и новочеркасская ступени киммерийской культуры // Новейшие открытия советских археологов: Тез. докл. конф.— Киев: Наук. думка, 1975.— Ч. 2.— С. 3—4.
- Тереножкин А. И. Киммерийские мечи и кинжалы // Скифский мир.— Киев: Наук. думка, 1975а.—С. 3—34.
- Тереножкин О. І. Класи і класові відносини у Скіфії // Археологія.—1975.—Вип. 15.— С. 3—13.
- Тереножкин А. И. Киммерийцы.— Киев: Наук. думка, 1976.—220 с.
- Тереножкин О. І. Кіммерійські стели // Археологія.—1978.— Вип. 27.— С. 12—21.
- Толочко П. П. Киев и киевская земля в эпоху феодальной раздробленности.— Киев: Наук. думка, 1980.—224 с.
- Толстов С. П. Древний Хорезм.— М.: Изд-во АН СССР, 1948.—352 с.
- Толстов С. П. Среднеазиатские скифы в свете новейших археологических исследований // ВДИ.—1963.—№ 2.— С. 23—45.
- Толстова Л. С. Исторические предания южного Приаралья.— М.: Наука, 1984.— 246 с.

Трифонов Ю. Н. Об этнической принадлежности погребений с конем древнетюркского времени (в связи с вопросом о структуре погребального обряда тюрков — тюгю) // Тюркологический сборник 1972 г. — М.: Наука, 1973. — С. 351—374.

Трубачев О. Н. «Старая Скифия» (Арханη Σκythη) Геродота (IV, 99) и славяне: Лингвистический аспект // ВЯ.—1979.—№ 4.—С. 29—45.

Трубачев О. Н. Indoagica в Северном Причерноморье: Источники. Интерпретация. Реконструкция // ВЯ.—1981.—№ 2.—С. 3—21.

Фрай Р. Наследие Ирана.— М.: Наука, 1972.—467 с.

Хазанов А. М. Скифское общество в трудах Ж. Дюмезиля // ВДИ.—1974.—№ 3.—С. 183—192.

Хазанов А. М. Социальная история скифов.— М.: Наука, 1975.—343 с.

Халилов Дж. А. Археологические находки «скифского» облика и вопрос о «Скифском царстве» на территории Азербайджана // МИА.—1971.—№ 178.—С. 183—187.

Чебоксаров Н. Н. Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых // СЭ.—1967.—№ 4.—С. 94—109.

Черненко Е. В. Скифский доспех.— Киев: Наук. думка, 1968.—191 с.

Черненко Е. В. Древнейшие скифские парадные мечи // Скифия и Кавказ.— Киев: Наук. думка, 1980.—С. 7—30.

Черненко Е. В. Скифо-персидская война.— Киев: Наук. думка, 1984.—115 с.

Членова Н. Л. Хронология памятников карасукской эпохи // МИА.—1972.—№ 182.—246 с.

Членова Н. Л. О связях Северо-Западного Причерноморья и Нижнего Дуная с востоком в киммерийскую эпоху // Studia Thracica.—1975—1.—С. 69—80.

Шмидт Р. В. К исследованию боспорских оборонительных валов // СА.—1941.—№ 7.—С. 268—279.

Шрамко Б. А. К вопросу о значении культурно-хозяйственных особенностей степной и лесостепной Скифии // МИА.—1971.—№ 177.—С. 92—102.

Шульц П. Н. Скифские изваяния Причерноморья // Античное общество.— М.: Наука, 1967.—С. 225—237.

Шульц П. Н., Навротский Н. И. Прикубанские изваяния скифского времени // СА.—1973.—№ 4.—С. 189—204.

Яценко В. П. Греческая колонизация VII—V вв. до н. э.— М.: Наука, 1982.—312 с.

Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес (XII—XIV вв.) // МИА.—1950.—№ 17.—258 с.

Яценко И. В. Скифия VII—V вв. до н. э.: Археологические памятники степного Поднепровья VII—V вв. до н. э.— Тр. ГИМ.—1959.—36.—119 с.

Яценко И. В., Раевский Д. С. Некоторые аспекты состояния скифской проблемы // НАА.—1980.—№ 5.—С. 103—117.

Barnett R. D. The Treasure of Ziwiye // Iraq.—1956.—18.—P. 34—51.

Coghlen H. H. Casting mould made in metal // MAN.—1952.—52.—P. 162—164.

Girshman R. Le Tresor de Sakkes. Les origens de l'Art Mede et les Bronzes du Luristan // AA.—1950.—13.

Hauptmann H. Neue Funde eurasischer Steppennomaden in Kleinasien // Beiträge zur Altertumskunde Kleinasien. Festschrift für Kurt Bittel.—Mainz am Rhein: Ver. P. von Zabern, 1985.—S. 251—250.

Leskov A. Die skythischen Kurgane // Antike Welt.—1974.—Sondernummer.—85 S.

Minns E. H. Scythians and Greeks.—Cambridge: Univ. press, 1913.—720 p.

Petrescu-Dimbovita M. // Germania.—1984.—J. 62. H. 2.—S. 480—484. Res.: Leskov A. M. Jung und spätbronzezeitliche Depotfunde im nördlichen Swazmeergebiet. PBF. Bd. 5., 1981.

Rolle R. Urartu und die Reiternomaden // Saeculum.—1977.—28; 3.—S. 291—339.

Rolle R. Totenkult der Scythen. I. Das Steppengebiet // Vorgeschichtliche Forschungen.—1979.—Bd. 18. 1, 1.—188 S.; Bd. 18, 1, 2.—155 S.

Rostovtseff M. Iraniens and Greeks in South Russia.—Oxford: Clarendon, 1922.—260 p.

Sulimirski T. Scythian antiquities in Western Asia // AA.—1954. 17.—N 3/4.—P. 282—318.

Vasiliev V. Scitii agatirsi pe teritoriul Românee.—Cluj—Napoca: Dacia, 1980.—185 p.

Vuslat Onal. Zwei Gräber euroasischer Reiternomaden im nördlichen Zentralanatolien // Beiträge zur allgemeinen und vergleichenden Archäologie.—1982.—4.—S. 65—81.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	— Археологические открытия	
АСГЭ	— Археологический сборник го Эрмитажа	Государственно-
ВДИ	— Вестник древней истории	
ВЛГУ	— Вестник Ленинградского го университета	Государственно-
ВМГУ	— Вестник Московского Государственного уни- верситета	
ВССА	— Вопросы скифо-сарматской археологии.— М., 1954	
ВЯ	— Вопросы языкознания	
ИАК	— Известия Археологической комиссии	
Изв. СКЦВШ	— Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы.— Ростов-на-Дону	
КСИА АН СССР	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР	
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории мате- риальной культуры	
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР	
МИСК	— Материалы по истории Ставропольского края	
НАА	— Народы Азии и Африки	
СА	— Советская археология	
САИ	— Свод археологических источников	
СЭ	— Советская этнография	
УІЖ	— Український історичний журнал	
АА	— Artibus Asiae	
РВФ	— Praehistorische Bronsefunde	

Мураши Вячеслав Юрьевич

**ПРОИСХОЖДЕНИЕ СКИФОВ:
ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ
ФОРМИРОВАНИЯ
СКИФСКОГО ЭТНОСА**

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I	
ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ СКИФОВ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ	4
ГЛАВА II	
О ВРЕМЕНИ ФОРМИРОВАНИЯ СКИФСКОГО ЭТНОСА	15
ГЛАВА III	
СКИФЫ В ЭПОХУ ПЕРЕДНЕАЗИАТСКИХ ПОХОДОВ	34
ГЛАВА IV	
ОБРАЗОВАНИЕ СЕВЕРОПРИЧЕРНОМОРСКОЙ СКИФИИ	51
ГЛАВА V	
ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ СКИФСКОГО ЭТНОСА	66
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	79
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	81
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	87

Оформление художника
В. Б. БРОДСКОГОХудожественный редактор
С. П. КВИТКАТехнический редактор
Г. М. КОВАЛЕВАКорректоры
С. А. ДОЦЕНКО, З. П. ШКОЛЬНИК

ИБ № 10798

Сдано в набор 30.10.89. Подп. в печ. 23.07.90. Формат 70×100/16. Бум. тип. № 1. Лит. гарн. Выс. печ. Усл. печ. л. 7,15. Усл. кр.-отт. 7,64. Уч.-изд. л. 7,9. Тираж 3900 экз. Заказ 9-803. Цена 1 р. 10 к.

Издательство «Наукова думка». 052601 Киев 4, ул. Репина, 9.

Киевская книжная типография научной книги. 252004 Киев 4, ул. Репина, 4.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СКИФОВ: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ СКИФСКОГО ЭТНОСА

